

ПРАВОВО

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА

1899 г.

№ 52.

Четвергъ 23 Декабря.

„Право“ издается въ С.-Петербургѣ подъ редакціей приватъ-доцента В. М. Гессена и Н. И. Лазаревского и при ближайшемъ участіи: Г. В. Гессена, О. О. Грузенберга, прив.-доц. А. И. Каминка, В. Д. Набокова, проф. Л. Г. Петражицкаго и В. М. Устинова.

Содержаніе: 1) Будущее гражданское уложеніе и начало законности. — Проф. Л. Г. Петражицкаго. 2) Изъ хроники земской жизни — Н. Владимірова. 3) Обзорніе гражданской кассационной практики за 1899 годъ. 4) Къ вопросу о законодательномъ порядкѣ. (Возраженіе М. А. Лозина-Лозинскому). — Прив. доц. С. П. Никонова. 5) Судебные отчеты: I. Правительствующій Сенатъ: а) искъ издателя „Новаго Слова“ о вознагражденіи за убытки; б) дѣло Савельевыхъ; в) засѣданіе гр. департамента 15 декабря. II. Киевская судебная палата: Дѣло Скитскихъ. 6) Хроника. 7) Диспутъ проф. Левитскаго въ Московскомъ университетѣ. 8) Юридическія общества: I. С.-Петербургское. II. Киевское. III. Казанское. 9) Библиографія: Въстникъ права, № 9, 1899 г. 10) Судебная практика. 11) Справочный отдѣлъ (на обложкѣ). 12) Приложенія: алфавитный, предметный и постатейный указатель къ Праву за 1898 и 1899 г.

РЕДАКЦІЯ (Дмитровскій пер., 6) открыта для личныхъ объясненій по воскресеньямъ отъ 1 ч. до 3 ч. дня.

Статьи, присылаемыя въ редакцію для напечатанія, подлежатъ, въ случаѣ надобности, исправленію и сокращенію. Статьи должны быть присылаемы за подписью автора, съ указаніемъ его адреса. Ненапечатанныя статьи возвращаются по представленіи надлежащаго количества марокъ на ихъ пересылку.

Подписная цѣна: на годъ съ доставкой и пересылкой 7 руб., на полгода 4 руб. Допускается разсрочка: при подпискѣ 4 р. и къ первому мая 3 рубля. За границу за годъ—10 руб. Отдѣльные нумера продаются по 20 коп.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА (Дмитровскій, 6) открыта отъ 11 час. до 4 час., кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней

Будущее гражданское уложеніе и начало законности ¹⁾.

Наиболѣе зловредныя послѣдствія могла бы повлечь за собою мысль о полезности общихъ изреченій для „частаго пользованія“ со стороны судебной практики, по образцу нѣкоторыхъ статей этого рода въ 1 ч. X т., если бы эта мысль послѣдовательно была осуществлена и въ первой книгѣ будущаго уложенія (предположенное заглавіе ея: „Общія положенія“ ²⁾, ибо здѣсь именно—главное поприще для ея осуществленія, и, будучи помѣщены здѣсь, такія изреченія получили бы особенно обширное примѣненіе и серьезное значеніе. Благоприятною почвою для проведенія такой тенденціи могла бы также явиться книга II (предположенное заглавіе или содержаніе „Право лицъ“ ³⁾. Что

¹⁾ Превосходящій обычныя газетныя рамки размѣръ настоящей статьи объясняется желаніемъ редакціи закончить въ текущемъ году разсмотрѣніе обсуждаемаго въ статьѣ вопроса.

²⁾ Объясн. зап. I стр. XLVI.

³⁾ Тамъ же. Не означаетъ ли такая характеристика книги II, что въ ней должна содержаться смѣсь нѣкоторыхъ частей общей части съ семейственнымъ правомъ по образцу институціонной рубрики *personae*. Въдѣ уже избрѣтена гораздо болѣе правильная система (т. н. система *Nugó-Neise*), и это—крупное изобрѣтеніе, важное не только для науки, но и для законодательства. „Право лицъ“ во всякомъ случаѣ—терминъ неправильный. Въдѣ и обязательственныхъ, вещныхъ и т. д. права суть не права безличныхъ существъ, а тоже права лицъ.

же касается проекта книги пятой гражд. ул., то здѣсь другіе случаи примѣненія означенной законодательной идеи, по сравненію съ главою о „Незаконномъ обогащеніи“, представляютъ сравнительно менѣе важныя законодательныя прегрѣшенія ¹⁾.

Большинство относящихся сюда положеній проекта оказались бы даже почти безвредными, по крайней мѣрѣ для судебной практики; ибо та цѣль, ради которой статьи этого рода введены въ проектъ, а именно „частое пользованіе“ ими со стороны судебной практики, не осуществилась бы; произошло бы, по всей вѣроятности, даже нѣчто какъ разъ обратное—полное воздержаніе отъ пользованія ими, такъ что статьи эти не оказались бы „весьма полезными на практикѣ“ (какъ эту полезность понимаетъ объяснительная записка), наоборотъ, онѣ оказались бы вообще безполезными и постольку безвредными съ защищаемой здѣсь точки зрѣнія. Это положеніе, которое съ перваго взгляда можетъ, пожалуй, показаться парадоксомъ, вполне уяснится, если вспомнить

¹⁾ Вообще глава о „Незаконномъ обогащеніи“ представляетъ наиболѣе неудачную изъ всѣхъ главъ проекта, посвященныхъ гражданскому праву въ тѣсномъ смыслѣ, т. е. если оставить въ сторонѣ тѣ главы, которыя посвящены торговому праву. Впрочемъ, статьи, хуже и опаснѣе статьи 1059, есть и въ гражданской части проекта, ср. ниже.

ходъ мыслей, вызвавшей къ жизни законодательную идею, проводимую проектомъ. Составители проекта имѣли въ виду доставить будущей судебной практикѣ статьи по образцу и подобію статей 568—574 и т. п. 1 ч. X. т., выручающихъ теперь судебную практику изъ бѣды, состоящей въ томъ, что въ рѣшеніяхъ надо цитировать какія-либо статьи закона, а необходимыхъ законовъ и даже цѣлыхъ институтовъ въ 1 ч. X. т. нѣтъ или во всякомъ случаѣ судебною практикою не обрѣтается. И вотъ якоремъ спасенія въ пустынномъ океанѣ 1 ч. X. т. являются нѣкоторыя общія положенія, на которыя можно въ случаѣ бѣды сослаться. А такъ какъ бѣды эти весьма часты, то и пользоваться этими статьями приходится весьма часто: „Въ 1 ч. X. т. содержатся также (какъ и въ проектѣ) общія положенія (ст. 568—574, 693) и судебная практика весьма часто пользуется ими“ (об. з. I стр. 1). Что эти общія положенія 1 ч. X. т. (какъ и соотвѣтственныя положенія проекта) не являются позитивными законами, содержащими точно опредѣленныя постановленія на опредѣленные и только опредѣленные случаи, это не бѣда; совсѣмъ напротивъ, въ этомъ вѣдь и заключается секретъ ихъ особенной полезности (они „оказываются на практикѣ весьма полезными, давая судамъ твердую опору при *разсмотрѣніи случаевъ, прямо не предусмотрѣнныхъ въ законѣ*“, тамъ же V стр. 377: въ случаѣ „прямого предусмотрѣнія“ нѣтъ вообще такой полезности). Что эти положенія (также какъ и соотвѣтственныя положенія проекта) отчасти даже вообще никакихъ законодательныхъ постановленій не содержатъ, а являются чисто теоретическими изреченіями или представляютъ трузимы и т. п., это тоже не устраняетъ частаго обращенія къ нимъ за помощью со стороны практики: утопающій и за соломенку хватается.

Но вотъ здѣсь, въ послѣднемъ положеніи, и заключается роковая опасность для многихъ статей проекта, аналогичныхъ ст. 568 и т. д. 1 ч. X. т., а именно опасность того, что вмѣсто „весьма частаго пользованія“ проявится полное пренебреженіе къ нимъ судебной практики, и суды, вопреки радужнымъ надеждамъ составителей („какъ широко пользуются наши суды немногими, содержащимися въ т. X. ч. 1 постановленіями общаго характера... и какъ часто ссылаются на нихъ въ своихъ рѣшеніяхъ“), даже и рѣдко ими пользоваться и на нихъ ссылаться не будутъ, хотя и будутъ имѣть дѣло не съ „немногими“, а уже со многими положеніями этого рода: кто не утопаетъ, тому за соломенку и незачѣмъ хвататься; ему даже и въ голову не придетъ производить эти странныя тѣлодвиженія, которыя доставляютъ и утопающему только мнимое спасеніе, и доказываютъ, что онъ въ виду опасности потерялъ присутствіе духа.

Задачею предпринятой кодификаціи гражданскаго права именно и является прежде всего устраненіе того состоянія положительнаго права, которое является причиною разныхъ аномалій правового быта, между прочимъ, и „частаго пользованія“ статьями въ родѣ 568—574 1 ч. X. т.

Предложеніе проекта во исполненіе этой задачи и предложеніе въ этомъ проектѣ статей по образцу ст. 568... 1 ч. X. т. для пользованія по образцу пользованія этими статьями заключаетъ въ себѣ самопротиворѣчіе: въ случаѣ годности проекта для упомянутой цѣли устраняется не только частое, но и вообще всякое пользованіе такими статьями, частое же пользованіе ими возможно только въ случаѣ неудовлетворительности проекта.

Если исходить изъ того предположенія, что проектъ въ окончательномъ видѣ будетъ вполне годнымъ для упомянутой цѣли, то слѣдуетъ позаботиться объ удаленіи всѣхъ этого рода статей, какъ негодныхъ ни для какой цѣли, даже для той, которая имѣлась въ виду составителями, по ошибкѣ полагавшихъ, что онѣ будутъ предметомъ частаго пользованія со стороны судебной практики.

Если же исходить изъ содержанія проекта въ теперешнемъ его видѣ, то роль статей интересующаго насъ типа и шансы исполненія надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ проектомъ, можно опредѣлить приблизительно слѣдующею пропорціею: вѣроятный размѣръ пользованія ими прямо пропорціоналенъ ихъ законодательному содержанію (а) и обратно пропорціоналенъ степени заполнения позитивными нормами тѣхъ рамокъ, которыя таковыми нормами должны были бы быть заполнены вполне, а въ случаѣ оставленія ихъ пустыми могли бы подать поводъ къ пользованію такими статьями (б).

Эта общая формула содержитъ въ себѣ для разныхъ статей проекта различные прогнозы.

Нѣкоторыя изъ нихъ должны оказаться совсѣмъ за штатомъ.

Примѣромъ таковыхъ статей могутъ служить прежде всего тѣ, по поводу которыхъ объяснительная записка впервые возвѣщаетъ идею важности обшихъ изреченій и высказываетъ надежду на частое пользованіе (1 стр. I тома), т. е. „Общія положенія“ проекта, точнѣе первыя двѣ статьи его; ими судебная практика, это не трудно предвидѣть, совсѣмъ пользоваться не будетъ. Въ примѣненіи къ этимъ статьямъ въ предложенной пропорціи величина $a = 0$, во всякомъ случаѣ безконечно малая величина, а величина b достаточно велика (все прочее позитивное содержаніе проекта, главнымъ образомъ общая часть его), чтобы недопустить поднятія курса акцій этихъ статей выше 0.

Наиболѣе яснымъ и несомнѣннымъ является этотъ прогнозъ и значеніе выставленной пропорціи по отношенію къ ст. 2 проекта

(„Обязательства возникают из договоров, недозволенных дѣяній и другихъ, указанныхъ въ законѣ, основаній“).

Мы уже въ другомъ мѣстѣ подвергли это изреченіе критикѣ и указали, что она представляеть начало классификаціи обязательствъ съ признаніемъ въ концѣ, что предпріятіе не удалось. Теперь же слѣдуетъ добавить: никакой судья, даже при желаніи осуществить надежды авторовъ, не найдетъ резоннаго повода по какому бы то ни было дѣлу воспользоваться для рѣшенія его этою статьею. Это положеніе, повидимому, противорѣчитъ фактамъ, опыту прошлаго, а именно тому, что теперешняя практика, какъ это и указано въ объяснительной запискѣ, пользуется статьею 568 1 ч. Х т., тоже ничего больше не содержащую, какъ (тоже неудачную) попытку классификаціи обязательствъ, т. е. тоже статьею съ законодательнымъ содержаніемъ, которое = 0; а этотъ фактъ опровергаетъ и всю нашу пропорцію.

Но въ этомъ разсужденіи кроется ошибка, а именно упускается изъ виду, что въ 1 ч. Х т. величина *b* есть безконечно малая величина: тамъ отсутствуетъ общая часть обязательственнаго права, а особенная часть такова, что изъ него юриспруденція не могла или не сумѣла извлечь матеріала для заполнения этого пробѣла, а это по нашей двойной пропорціи поднимаетъ цѣну акцій этой статьи значительно выше 0.

И акціи ст. 2 проекта поднялись бы до уровня блестящихъ надеждъ объяснительной записки и даже выше этого уровня, если бы, напр., были отброшены прочія статьи проекта, а сохранены въ видѣ закона объ обязательствахъ только „общія положенія“, въ томъ числѣ сообщеніе о трехъ родахъ обязательствъ: договорныхъ, деликтныхъ и прочихъ. Тогда судебная практика „весьма часто ссылалась бы“ на ст. 2; напр., по поводу вопросовъ договорно-обязательственнаго права повторялась бы ссылка на ст. 2, какъ на доказательство признанія обязательности договоровъ; судебная практика по поводу деликтовъ ссылалась бы тоже на ст. 2, а для обоснованія кондикцій и *neg. gestio* Сенатъ „разъяснилъ“ бы ст. 2 въ томъ смыслѣ, что въ словахъ „другихъ основаній“ (слова „указанныхъ въ законѣ“, конечно, при изданіи воображаемаго краткаго закона были бы вычеркнуты, какъ не соответствующія дѣйствительности) предусматриваются и признаются и другія обязательства сверхъ договорныхъ и деликтныхъ, а такъ какъ „незаконное обогащеніе“ и *neg. gestio* суть несомнѣнно „другія основанія“ (не договоры и не деликты), то ст. 2 содержитъ и признаніе этихъ обязательствъ etc. etc. Но теперь есть въ проектѣ не только спеціальная нормировка договоровъ и деликтовъ, но и *neg. gestio* и „незаконнаго обогащенія“, такъ что подобныя „разъясненія“ и ссылки показались бы лишними всякаго смысла да-

же тѣмъ, которые привыкли къ теперешнимъ приемамъ толкованія законовъ и считаютъ эти приемы правильными.

Тоже относится и къ ст. 1 проекта, содержащей попытку опредѣлить существо обязательства. Объ этой статьѣ, впрочемъ, Сенату пришлось бы говорить и даже, можетъ быть, если и не часто, то все-таки и не особенно рѣдко. Но существо его „разъясненій“ сводилось бы несомнѣнно къ тому, что на эту статью нельзя вовсе ссылаться. Судебной практикѣ именно пришлось бы вести борьбу съ попытками ссылаться на эту статью, какъ на положительный законъ. А именно, такъ какъ эта статья такъ опредѣляетъ существо обязательства, что сюда подходитъ всякая „законная обязанность“, то нашлись бы такія заинтересованныя въ примѣненіи этого изреченія въ качествѣ положительнаго закона лица, которыя бы, ссылаясь на ст. 1, требовали выгоднаго для нихъ въ конкретныхъ случаяхъ примѣненія къ ихъ обязанностямъ или къ обязанностямъ другихъ по отношенію къ нимъ разныхъ статей книги пятой гражд. уложенія, хотя дѣло бы шло о такихъ „законныхъ обязанностяхъ“, которыя при отсутствіи ст. 1 никто бы не могъ подводить подъ правила книги V гражд. ул. И вотъ Сенатъ былъ бы вынужденъ, пожалуй, и неоднократно разъяснить, что ст. 1 не имѣетъ значенія положительнаго закона, а содержитъ только чисто теоретическую попытку опредѣлить существо обязательства, причемъ опредѣленіе вышло не совсѣмъ удачно, и т. д.

Ожиданіе частаго пользованія и частыхъ ссылокъ мыслимо только по отношенію къ одной изъ статей „Общихъ положеній“, а именно по отношенію къ ст. 3, но надежды объяснит. записки и теорія общихъ изреченій вообще къ этой статьѣ не относятся ¹⁾.

Столь же печальна была бы участь и слѣдующаго послѣ „Общихъ положеній“ отдѣленія проекта и разныхъ другихъ статей. Но, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ статей, мы должны для разъясненія ихъ положенія въ проектѣ и отношенія нашей пропорціи къ нимъ замѣтить еще слѣдующее:

¹⁾ На эту статью пришлось бы ссылаться весьма часто, почти столь же часто, какъ на всѣ прочія статьи общей части вмѣстѣ взятыя. Можно предсказать, что въ будущей практикѣ получили бы особое, чрезвычайное значеніе цифра 3 и слово „хотя“. А именно, при толкованіи каждой изъ статей общей части пришлось бы повторять одно изъ двухъ положеній: или 1) „хотя“ положеніе N по буквальному смыслу своему (или: по заглавію отдѣленія) отнесено только къ договорнымъ обязат., но въ виду ст. 3 слѣдуетъ и т. д., или 2) „хотя“ ст. 3 распространяетъ дѣйствіе статей 4—183 и на недоговорныя обязательства, но къ статьѣ N ст. 3 должна быть признана непримѣнимой и статья N слѣдуетъ относить только къ договорамъ, потому что...

Изъ этой пропорціи вытекаетъ, что могутъ быть и такія общія изреченія для „частаго пользованія“ по образцу общихъ статей 1 ч. X т., которыя дѣйствительно оправдали бы надежды составителей (если объемъ величины *a* значителенъ, а объемъ *b* незначителенъ).

Къ такому противоположному типу общихъ изреченій относится тоже извѣстное уже намъ изреченіе: „Никто не имѣетъ права обогащаться на чужой счетъ безъ законнаго основанія“. Здѣсь *a* нашей пропорціи представляется весьма крупную величину, даже чрезмѣрно большую; судебная практика сократила бы ее, вѣроятно, по крайней мѣрѣ на 90%, но все-таки осталась бы весьма значительная и притомъ весьма гибкая и растяжимая величина съ постоянно колеблющимся объемомъ. Соответствующая же *a* величина *b* здѣсь весьма микроскопична: кусочекъ *condictio indebiti*. Результатъ пропорціи: курсъ акцій ст. 1059 весьма высокъ, хотя онъ и постоянно колеблется въ зависимости отъ разныхъ настроеній и теченій, какъ это и бываетъ съ акціями рискованныхъ предпріятій. Но и здѣсь нельзя думать, подобно объяснительной запискѣ, будто „польза для практики“ отъ этого изреченія будетъ такая же, какую теперешняя практика извлекаетъ изъ соответственной статьи 1 ч. X т., т. е. изъ ст. 574 съ „разъясненіями“. По мнѣнію теперешней практики, какъ извѣстно, изъ открытой въ статьѣ 574 парафраза изреченія Помпонія вытекаетъ и ученіе о *neg. gestio*. Въ будущей же практикѣ это ученіе больше уже вытекаетъ изъ формулы обогащенія не будетъ, хотя формула ст. 1059 возсоздаетъ прежнюю благодатную почву, найденную въ ст. 574 1 ч. X т. Такое прекращеніе вытекания и, стало быть, уменьшеніе „пользы на практикѣ“ произойдетъ неминуемо вслѣдствіе того, что въ проектѣ есть глава о *neg. gestio* (ст. 1049—1058). Съ другой стороны, изъ изреченія, запрещающаго обогащеніе на чужой счетъ, вытекали бы разные деликты, правила о кражѣ и т. п., если бы зачеркнуть послѣднюю главу проекта („Вознагражденіе за вредъ, причиненный недозволенными дѣяніями“); изреченіе ст. 1059 тѣмъ легче могло бы дать почву для этого, что оно имѣетъ форму запрещенія обогащенія путемъ беззаконія, откуда бы даже весьма легко вытекло, что тѣмъ паче не слѣдуетъ изнасиловать, убивать и т. д., а, учинивъ эти дѣянія, слѣдуетъ вознаградить и т. д. Что же касается во всякомъ случаѣ кражи, присвоенія, мошенничества и т. п., то изреченіе ст. 1059 было бы даже лучшимъ введеніемъ къ изложенію этихъ матерій, чѣмъ къ изложенію кондикцій, по отношенію къ которымъ оно только—„какъ бы введеніе“ (что объясняется приуроченіемъ ее для вытекания изъ ст. 574, говорящей о вредоносныхъ дѣйствіяхъ).

Какъ бы то ни было, здѣсь наша формула

для опредѣленія основательности надеждъ составителей на частое пользованіе въ значительной мѣрѣ подтверждаетъ эти надежды, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ изложеннаго видно, что собственно тѣ статьи, введеніе которыхъ въ проектъ объяснительная записка одинаково мотивируетъ теоріей общихъ изреченій для частаго пользованія и считаетъ ихъ чѣмъ-то однороднымъ и удовлетворяющимъ одной и той же цѣли, на самомъ дѣлѣ относятся къ двумъ радикально противоположнымъ типамъ законовъ, имѣющимъ лишь то общее, что имъ не слѣдуетъ быть въ кодексѣ. Недостатокъ одной категоріи статей (наиболѣе чистое воплощеніе ея „Общія положенія“, въ особенности классификація обязательствъ) при всей возможной ихъ теоретической глубинѣ, многосодержательности и знаменательности страдаютъ безсодержательностью въ качествѣ законовъ, страдаютъ тѣмъ недостаткомъ, что онѣ даютъ слишкомъ мало въ качествѣ законодательныхъ велѣній или и совсѣмъ ничего; другая категорія статей страдаетъ прямо противоположнымъ недостаткомъ, даетъ слишкомъ много въ качествѣ законод. велѣній, содержитъ столь общія и неопредѣленные предписанія, что суд. практикѣ трудно или и невозможно исполнить все то, что законъ предписываетъ, приходится къ нимъ относиться не какъ къ мертвымъ тѣламъ законодательнаго міра въ родѣ ст. 2, а, напротивъ, какъ къ существамъ, обладающимъ избыткомъ силъ, такъ что необходимы преграды, укрощеніе для предотвращенія вторженія въ смежныя области и разрушительнаго дѣйствія. Съ другой стороны, первая статья въ будущемъ правѣ оказалась бы ни для кого ненужнымъ балластомъ и вовсе не послужила бы предметомъ пользованія, а тѣмъ болѣе частаго, статьи же второго типа дѣйствительно послужили бы предметомъ частаго и широкаго пользованія, съ одной стороны, смотря по взглядамъ и усмотрѣнію, въ частности смотря по темпераменту судей, съ другой стороны, по мѣрѣ оставленныхъ въ законѣ пробѣловъ. Первая статья слѣдуетъ просто вычеркнуть, вторая статья—замѣнить подлежащей позитивной нормировкой.

Между ст. 2 и 1059, какъ крайними образцами этихъ двухъ противоположныхъ типовъ неудачныхъ законовъ, есть въ проектѣ „общія“ статьи переходнаго или смѣшаннаго типа, статьи, соединяющія въ себѣ отчасти чисто теоретическія изреченія, отчасти слишкомъ неопредѣленные велѣнія. Къ нимъ примѣнимы оба правила.

Наконецъ, для пониманія положенія этихъ статей въ проектѣ и въ связи съ этимъ нѣкоторыхъ особенностей самой системы проекта, слѣдуетъ отмѣтить, что, несмотря на противоположную природу и будущность разныхъ статей указанныхъ двухъ категорій, всѣ онѣ одинаково вращаются самому проекту и выста-

вляются на показъ, какъ достойныя особаго вниманія со стороны другихъ. По этому поводу объяснит. записка на стр. 1 перваго тома совершенно правильно поясняетъ: „Не безразлично мѣсто, отводимое въ уложеніи такимъ общимъ нормамъ: онѣ скорѣе останавливаютъ вниманіе, когда помѣщены во главѣ того отдѣла, къ которому относятся выраженные въ нихъ руководящія начала“.

Поэтому указанными недостатками обладаютъ въ проектѣ главнымъ образомъ первыя статьи всей книги, первыя статьи перваго раздѣла, первыя статьи главъ и первыя статьи подраздѣлений этихъ главъ. Задача критики состоитъ т. ск. въ срѣзываніи макушекъ.

Но не всегда проектъ довольствуется представлениемъ этимъ статьямъ такого почетнаго, перваго мѣста. Часто проявляется опасеніе, какъ бы онѣ въ глазахъ профановъ не оказались только *primaе inter pares*. Посему въ качествѣ болѣе дѣйствительнаго средства заставить обратить на нихъ подобающее вниманіе и оцѣнить ихъ по достоинству для нихъ создаются особыя видныя помѣщенія съ особыми подобающими надписями.

Такимъ образомъ можно упразднить и нѣкоторые титулы проекта вмѣстѣ съ ихъ особыми заглавіями.

Впослѣдствіи, когда рѣчь будетъ идти о лишнихъ статьяхъ и словахъ въ законахъ вообще (таковыхъ въ проектѣ великое множество, и идеи, лежащія въ ихъ основаніи, разнообразны), мы объяснимъ подробнѣе, почему мы ведемъ усердную борьбу противъ совсѣмъ невинныхъ, повидимому, статей, даже такихъ статей, которыя совсѣмъ неспособны совратить судей съ пути законности, и даже противъ заглавій. Мы убѣдимся, что есть особыя, весьма серьезныя основанія для общаго положенія: что при изложеніи законовъ безусловно, то весьма вредно. Удаленіе изъ будущаго гражд. уложенія не только каждаго лишняго отдѣленія или отдѣльныхъ статей, но и лишнихъ заглавій и словъ—весьма важное для общаго блага дѣло (въ частности и съ точки зрѣнія законности, а равно и социально-экономической точки зрѣнія), несоизмѣримо болѣе важное, нежели получающееся отъ этого сбереженіе бумаги и типографскихъ чернилъ для будущихъ официальныхъ и неофициальныхъ изданій уложенія.

Теперь мы остановимся для иллюстраціи и подтвержденія изложеннаго на нѣкоторыхъ статьяхъ средняго по отношенію къ „общимъ положеніямъ“, съ одной стороны, и ст. 1059, съ другой стороны, типа.

Слѣдующее послѣ „общихъ положеній“ отдѣленіе проекта, поставленное во главѣ раздѣла перваго („Обязательства по договорамъ вообще“), главы первой („Договоры“) таково:

1. Опрежденіе договора.

4. Договоромъ именуется соглашеніе двухъ или нѣсколькихъ лицъ о приобрѣтеніи, измѣненіи или прекращеніи какого-либо права.

5. Договоръ, по которому обѣ стороны принимаютъ на себя обязательства относительно другъ друга, называется двустороннимъ.

Договоръ, по которому лишь одна сторона принимаетъ на себя обязательство относительно другой стороны, называется одностороннимъ.

Эти статьи, очевидно, должны такъ же играть роль „общихъ положеній“ къ раздѣлу первому, какъ предыдущія статьи—ко всей книгѣ. Подобно первой статьѣ, содержащей опредѣленіе обязательства, ст. 4 содержитъ опредѣленіе договора, а 5-я статья содержитъ дѣленіе договоровъ на два рода подобно ст. 2, раздѣляющей обязательства на три рода. Но такъ какъ предыдущимъ статьямъ дано уже заглавіе „Общія положенія“, то здѣсь уже это заглавіе замѣнено другимъ (очевидно, неправильнымъ, соответствующимъ только ст. 4).

Ст. 4 представляетъ попытку разрѣшить вопросъ, что такое договоръ или, какъ выражается проектъ, что „менуется договоромъ“? Несомнѣнно, этой, болѣе трудной, чѣмъ она можетъ показаться съ перваго взгляда, теоретической проблемы проекту разрѣшить не удалось. „Договоромъ именуется“ нѣчто другое, нежели то, о чемъ говоритъ ст. 4. Если, напр., всѣ члены общаго собранія акціонеровъ единогласно „согласились о приобрѣтеніи, измѣненіи или прекращеніи какого-либо права“, напр., о приобрѣтеніи привилегіи, права недвижимой собственности и т. п., или участники судебного, административнаго присутствія или законодательнаго собранія, думы, факультета, экзаменаціонной коммисіи и т. п. пришли къ соглашенію по такимъ же вопросамъ (напр., о прекращеніи права экзаменующагося держать дальше экзаменъ), то всѣ эти и т. п. юрид. акты, несомнѣнно, подходятъ подъ опредѣленіе ст. 4, но столь же несомнѣнно это не договоры, а юридич. акты иного рода. Мало того, подъ опредѣленіе ст. 4 подходитъ и многое такое, что даже къ общему роду юрид. актовъ не относится. Напр., если два или нѣсколько лицъ согласились о томъ, что желающіе участвовать въ прогулкѣ за городъ должны завтра нанять поденно извозчиковъ и явиться въ такое то сборное мѣсто, или также согласились и о приобрѣтеніи „вотчинныхъ“ правъ на разныя „особливо не опредѣленныя движимыя имущества“, напр., о покупкѣ колбасы и т. п., то такія соглашенія подходятъ подъ опредѣленіе ст. 4, но никто въ нихъ не увидитъ ни обязательственныхъ, ни „вотчинныхъ“ (об. з. I стр. 23) договоровъ. Можно даже утверждать, что налич-

ность „полнаго единенія двухъ воль“ не только не составляетъ существа договора, какъ думаетъ объясн. зап. (I стр. 31), но даже является признакомъ того, что имѣется на лицо не договоръ, а нѣчто иное. Что тождество содержанія двухъ или нѣсколькихъ волеизъявленій („единогласіе“ и т. п.) исключаетъ возможность составленія путемъ такихъ волеизъявленій договора, видно, между прочимъ, изъ того совершенно правильнаго обычнаго положенія, что для наличности договора необходимы „оффертъ“ и „акцентъ“, т. е. два совершенно различныхъ волеизъявленія съ противоположнымъ направлениемъ.

Впрочемъ, въ указанной ошибкѣ виновенъ не проектъ только, а и разные, даже современные теоретики. Для правильнаго опредѣленія существа договора, такъ же какъ и для опредѣленія существа обязательства, важно предварительное уясненіе существа права. Мы видимъ проектъ не въ неумѣннн опредѣлить существо договора, обязательства, раздѣлить обязательство на классы и т. п., а въ томъ, что онъ вообще беретъ за рѣшеніе такихъ проблемъ, которыя ему рѣшать и не по силамъ, и не подобаеъ. Пользы въ смыслѣ положительныхъ законовъ такія статьи не принесутъ, а только будутъ сбивать и смущать людей, незнакомыхъ съ теоріей права, и умалять уваженіе къ уложенію со стороны юриспруденціи, особенно въ виду необходимаго прогресса теоріи права и лучшаго, чѣмъ теперь, распространенія ясныхъ, правильныхъ и точныхъ понятій въ этой области среди юристовъ. Между тѣмъ проектъ всячески выдвигаетъ именно такія положенія на показъ и даже, какъ въ данномъ случаѣ, насильно привлекаетъ вопросы, которые даже въ томъ случаѣ не относились бы къ темѣ, если бы писались не положительные законы, а теоретическій учебникъ: если бы ст. 4 и можно было назвать *lex positiva*, то надо было бы прибавить, „но къ сожалѣнію и *fugitiva*“. Что вопросъ, ею разрѣшаемый, произвольно привлеченъ сюда, сообщаетъ сама статья словами: „какого-либо права“, а замѣчанія объяснит. записки посвящены главнымъ образомъ разсужденіямъ на третью тему, а именно на тему объ особенностяхъ „вотчиннаго“ договора. Вслѣдствіе произвольнаго привлеченія вопроса о существѣ договора, получается логическій диссонансъ не только въ системѣ книги и раздѣла, но и внутри того почетнаго помѣщенія, которое создано для ст. 4 и 5 въ видѣ особаго отдѣленія съ особымъ заглавіемъ. Ст. 5 не находится въ логическомъ соотвѣтствіи со ст. 4; классификація договоровъ, въ ней предложенная и представляющая, повидимому, дѣленіе объема понятія, установленнаго въ ст. 4, на самомъ дѣлѣ уже подъ словомъ договоръ разумѣетъ нѣчто иное, нежели ст. 4, а именно только обязательственный договоръ.

Дѣленіе и опредѣленія ст. 5 тоже по существу неправильны. Дѣленіе обязат. договоровъ по тому признаку, который даетъ ст. 5, не имѣетъ никакого значенія, а только могло бы породить недоразумѣнія. Для понятія двусторонняго договора необходимъ иной признакъ, а именно наличность особой связи между взаимными обязательствами, необходимо, чтобы было условлено дѣйствіе за воздѣйствіе, чтобы былъ на лицо мѣновой элементъ. Въ противномъ случаѣ, если есть на лицо только то, о чемъ говоритъ первая половина ст. 5, договоръ слѣдуетъ для правильной юр. квалификации разсматривать, какъ сложный договоръ, состоящій изъ двухъ или нѣсколькихъ одностороннихъ, или соединенія двусторонняго и односторонняго или и нѣсколькихъ одностороннихъ договоровъ (напр., если въ документѣ значится, что А. обѣщаетъ В. дать въ видѣ дара такую-то лошадь, а также, что В. обязывается дать А. 1,000 р. взаймы, то этихъ данныхъ еще недостаточно для наличности двусторонняго договора, а надо обратить вниманіе на отношеніе одного обѣщанія и обязательства къ другому). Но эта статья вообще лишняя. Изъ содержанія подлежащихъ позитивныхъ законовъ о двустороннихъ договорахъ должно быть ясно видно, что разумѣются случаи обѣщанія дѣйствія за воздѣйствіе, т. е. какъ особая классификація, такъ и особое опредѣленіе, да еще въ двойственномъ числѣ, излишни, а требуется только ясное изложеніе подлежащихъ позитивныхъ нормъ, и притомъ, замѣтимъ, требуется обстоятельная позитивная нормировка двустороннихъ договоровъ, и ради этихъ, главнымъ образомъ, договоровъ необходима тоже обстоятельная позитивная нормировка правъ и обязанностей сторонъ въ случаѣ отступленія отъ договора. Если сравнить въ этихъ отношеніяхъ Германское уложеніе и проектъ, то оказывается поразительная разница въ пользу Германскаго уложенія: оно классификаціей договоровъ (какъ и опредѣленіемъ существа договора) и опредѣленіемъ одностороннихъ и двустороннихъ договоровъ не занимается, но зато изъ его позитивныхъ законовъ ясно видно существо дѣла, и ему дается достаточная позитивная нормировка въ особыхъ обстоятельныхъ титулахъ о двустороннихъ договорахъ и объ отступленіи отъ договора. Въ проектѣ же—важныя пробѣлы въ области позитивнаго права, но зато есть „руководящее начало“, т. е. лишнія и неправильныя теоретическія изреченія¹⁾.

Первая статья слѣдующаго отдѣленія проекта подъ заглавіемъ „II. Заключеніе договора“ гласитъ:

6. Договоръ признается заключеннымъ, когда договаривающіяся стороны выразили

¹⁾ Предыд. замѣчаніями доведено до конца доказательство положенія о необходимости зачеркнуть первыя 5 статей проекта, см. „Право“ № 46.

другъ другу согласіе по всѣмъ предметамъ, имѣющимъ существенное значеніе въ заключаемомъ договорѣ, а равно и по тѣмъ предметамъ, относительно которыхъ, по заявленію хотя бы одной изъ сторонъ, должно было состояться соглашеніе.

И эту статью лучше зачеркнуть. По существу, замѣтимъ, она неправильна въ различныхъ направленіяхъ:

1. Въ ней повторяется неправильное указаніе существа договора статьи 4.

2. Вопреки своему буквальному, весьма общему смыслу статья эта можетъ въ дѣйствительности имѣть значеніе лишь для нѣкоторыхъ неформальныхъ договоровъ (напр., она неправильна по отношенію къ договору поклажи, займа, ссуды, къ закладному договору, вообще по отношенію ко всѣмъ реальнымъ по существу или по особому намѣренію сторонъ договорамъ; ср., напр., ст. 364 проекта: „По договору поклажи или отдачи на сохраненіе поклажеприниматель обязуется хранить вещь, переданную ему поклажедателемъ“, гдѣ, впрочемъ, *particip. perfecti* „переданную“ вводитъ неточность), а къ формальнымъ договорамъ она вообще непримѣнима. Положимъ, объяснительная записка видитъ существо обязат. договора въ его неформальности. Съ установленія этого теоретическаго положенія она и начинаетъ свои разсужденія о ст. 6: „Особенность обязательственнаго договора состоитъ въ свободной формѣ изъясненія согласія, образующаго этотъ договоръ. Обязательственное отношеніе невещественно, предметъ его—дѣйствіе лица—неосязаемъ. Объ особой формѣ договорнаго установленія этого отношенія, которая, на подобіе передачи или установленія вотчиннаго права, была бы безусловно обязательною, въ виду особаго свойства договора, не можетъ быть рѣчи... (I, стр. 29). Но это разсужденіе очевидно неправильно, хотя бы уже въ виду находящейся по сосѣдству статьи 13, въ которой какъ разъ идетъ „рѣчь о безусловно обязательной формѣ“. („Дѣйствительность договора не зависитъ отъ того, заключень-ли онъ на словахъ или на письмѣ, за исключеніемъ договоровъ, для которыхъ въ законѣ предписана особая форма подъ страхомъ недѣйствительности“). Не устраняетъ этой неправильности и приведенная въ подкрѣпленіе оригинальная теорія неосязательности дѣйствій. Къ тому же и въ случаѣ правильности взгляда, будто къ существу обязательственныхъ договоровъ относится неформальность ихъ, статья 6 была бы уже неправильнымъ обобщеніемъ въ виду того, что об. записка говоритъ на стр. 30, указывая на „реальные договоры, заключеніе которыхъ сопровождается передачею должнику имущества, подлежащаго возврату“; ибо эти слова содержатъ, хотя и неточно выраженное, признаніе, что для заключенія реальныхъ, хотя бы и неформальныхъ, договоровъ необходима передача

„имущества“. Въ концѣ объясненій къ ст. 6 записка въ свою очередь уже, повидимому, забываетъ свою теорію существа обязат. договоровъ, а равно и содержаніе защищаемой имъ статьи, для правильности которой необходима прежде всего правильность этой теоріи, и говорить о „ст. 6 проекта, опредѣляющей общія условія заключенія договора въ свободной формѣ“, между тѣмъ какъ въ текстѣ ст. 6 о такомъ ограниченіи вовсе не упоминается.

Эти логическія аномаліи, вызывающія съ перваго взгляда впечатлѣніе весьма странной въ столь серьезномъ дѣлѣ, какъ законодательное, невнимательности и разсѣянности, можетъ быть, впрочемъ, слѣдуетъ объяснить иначе, — именно старательностью и радѣніемъ—стремленіемъ осуществить теорію общихъ „руководящихъ“ изреченій (ср. тамъ же стр. 30: „Практическая цѣлесообразность и даже необходимость въ постановленіи руководящихъ правилъ...“) и поставить во главѣ отдѣленія „общее начало“, хотя бы и извѣстно было, что оно слишкомъ общее правило, что есть „многочисленные случаи“ его непримѣимости (ср. объясненія къ ст. 1059) и т. п. Привычные приемы толкованія общихъ статей 1 ч. X т. и убѣжденіе въ пользѣ такихъ статей и обычая весьма свободного обращенія съ логикою при частомъ пользованіи ими умалываетъ нормальную чувствительность логическаго и эстетическаго вкуса. Съ этой точки зрѣнія въ объясненіяхъ къ ст. 6, точно также какъ и въ аргументаціи въ пользу общаго изреченія ст. 1059 (нѣтъ правила безъ исключенія и т. д.) и многихъ другихъ т. п. случаяхъ собственно нельзя усматривать ни небрежности и невнимательности, ни, съ другой стороны, сознательныхъ прегрѣшеній съ точки зрѣнія правдивости; но, исключивъ личныя обвиненія, мы считаемъ нужнымъ особо отмѣтить, что съ объективной точки зрѣнія эти приемы, особенно частые въ объяснит. запискѣ по поводу любимыхъ общихъ изреченій, весьма не эстетичны, и весьма желательно, чтобы дальнѣйшія объяснит. записки и проекты другихъ частей уложенія вполнѣ были свободны отъ этого.

3. И въ предѣлахъ своей частичной примѣимости „общее начало“ ст. 6 оказалось бы скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ. Для уясненія его смысла, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обнаруженія въ немъ отсутствія надлежащихъ свойствъ позитивнаго закона, слѣдуетъ предварительно отмѣтить вкравшіеся въ нее редакціонные промахи. Неточность этого рода заключается прежде всего въ словахъ „по заявленію“. Составители забываютъ, что особенно въ области неформальныхъ консенсуальныхъ договоровъ огромную роль играютъ т. н. „молчаливыя“ проявленія воли, и что таковыя здѣсь должны имѣть такую же юр. силу, какъ и особыя „заявленія“ сторонъ. (Это упускается изъ виду и въ другихъ подлежащихъ мѣстахъ, ср., напр.

приведенную выше, стр. 2457, ст. 13, очевидно неправильную вслѣдствіе того, что множество неформальныхъ договоровъ вообще заключается и не на письмѣ, и не на словахъ, *in utroque* и т. п.). Въ дѣйствительности то, о чемъ говорить ст. 6 въ концѣ, обыкновенно не бываетъ предметомъ особыхъ „заявленій“, тѣмъ не менѣе соответственныя намѣренія проявляются.

Вторая редакціонная ошибка содержится въ словахъ „должно было состояться соглашеніе“. Буквальное примѣненіе того, что здѣсь сказано, совершенно немислимо. Имѣлось въ виду, конечно, выразить иную мысль, а именно предвидѣть тотъ случай, когда по особому „заявленію“ или изъ обстоятельствъ дѣла видно, что одна изъ сторонъ (или обѣ) придавали „соглашенію“ по какому либо пункту значеніе необходимаго условія для принятія прочихъ частей договора, или договора вообще, съ своей стороны. Соответственно исправленная редакція второй части статьи обнаружила бы ненужность первой части (включая въ себѣ и положеніе первой части, тоже, между прочимъ, неточно редактированной), но также и новыя основанія для признанія ненужности ст. 6 и неправильности ея въ качествѣ общаго руководящаго начала по вопросу о заключеніи договора. Дѣло въ томъ, что:

а) Само собою вообще разумѣется, что нѣтъ на лицо договора, если одна изъ сторонъ или обѣ не желали заключить такового. Поэтому:

б) Нѣтъ на лицо договора, если А готовъ былъ заключить договоръ съ В не иначе, какъ съ полученіемъ задатка или всей суммы впередъ и т. п., или не иначе, какъ съ участіемъ свидѣтелей, какъ въ письменной формѣ и т. п., или—при томъ только условіи, если состоится соглашеніе и по такому-то пункту, или: если будетъ заключенъ еще и другой договоръ между А и В или между В и С, если принятіе послѣдуетъ тогда-то, тамъ-то, etc. etc.—и такого необходимаго условія (имя коимъ легіонъ) нѣтъ на лицо. Отсюда видно, что (независимо отъ предыдущихъ возраженій) статья 6 фигурируетъ на почетномъ мѣстѣ въ качествѣ общаго руководящаго начала по недоразумѣнію во многихъ направленіяхъ. Случаевъ неоправданія въ дѣйствительности этого общаго начала можно насчитать сколько угодно.

Превернуть эту массу скрывающихся въ ней ошибокъ въ зерно правды можно путемъ измѣненія ошибочной положительной редакціи въ отрицательную (нѣтъ договора, договоръ не заключенъ, если не и т. д., см. выше sub б). Тогда статья будетъ вполне правильною, но не „руководящимъ“ началомъ, а такимъ юр. тавтологизмомъ, каковыхъ можно было бы (и во избѣжаніе *argumentum a contrario* въ случаѣ оставленія ст. 6 слѣдовало бы) написать рядомъ сколько угодно, а лучше всего въ законахъ совѣмъ не писать.

Между прочимъ, предыдущія замѣчанія даютъ т. ск. логическій шаблонъ для критики

и обнаруженія неправильности разныхъ другихъ статей проекта и необходимости ихъ зачеркнуть.

Въ видѣ иллюстраціи только отмѣтимъ слѣдующее:

Объяснительная записка полагаетъ, что прочія статьи отдѣленія II (заключеніе договора), т. е. ст. 7—12, содержать „ближайшее опредѣленіе“ порядка заключенія договора подъ сѣнью общаго изреченія ст. 6. (об. з. I стр. 32). Если бы это было такъ, если бы дѣло шло о спеціальныхъ нормахъ, подчиненныхъ общему руководящему началу ст. 6 (подобно тому, напр., какъ статьи 1060—1064 относятся къ изр. ст. 1059 о незаконномъ обогащеніи), то, какъ видно изъ предыдущаго, всѣ эти статьи надо было бы вычеркнуть. Въ дѣйствительности этого нѣтъ, логическое отношеніе ст. 7—20 къ ст. 6 не таково и вообще оно весьма различно (есть напр. и отношеніе противорѣчія, ст. 13, и такое отношеніе, которое состоитъ въ отсутствіи всякаго отношенія; напр., ст. 20 вообще въ этомъ отдѣленіи представляетъ *lex fugitiva*; логически она относится къ слѣд. отдѣленію проекта, къ ученію о „Предметѣ договора“⁴⁾). Но есть въ этомъ отдѣленіи среди прочаго матеріала и статьи, дѣйствительно въ близкомъ логическомъ родствѣ со ст. 6 состоящія, хотя и не въ

⁴⁾ Ст. 20 гласитъ:

„Договоры, совершаемые и подлежащіе исполненію въ Россіи, должны быть заключаемы на російскіе деньги, мѣры и вѣсъ“.

Ср. соответствующую статью въ отдѣленіи о „Предметѣ исполненія“ (93). Денежные платежи могутъ быть произведены [производимы] російскими деньгами и въ томъ случаѣ, когда сумма долга исчислена на иностранныя деньги).

Объяснительная записка въ комментарий къ ст. 20, стр. 59, поясняетъ, что ст. 20 вовсе не предписываетъ того, что она предписываетъ, а нѣчто совѣмъ, иное—то, что говорится въ ст. 93:

„Договоръ, заключенный, напр., на иностранныя деньги, тѣмъ не менѣе остается въ силѣ, но платежъ по нему можетъ быть произведенъ російскими деньгами по курсу, существующему на эти иностранныя деньги въ день платежа, другими словами, вѣритель не въ правѣ отказать отъ принятія платежа російскими деньгами по курсу (ср. ст. 93 пр.)“.

Мы воздерживаемся отъ критики этого законодательнаго приѣма, а только напомнимъ для объясненія этого явленія знакомыя уже намъ по поводу ст. 1059 слова объясн. записки: „если ограничивались лишь правилами безусловными, не терпящими изъятій, то пришлось бы вовсе отказаться отъ выраженія въ законѣ общихъ руководящихъ началъ“. Въ объясненіяхъ къ ст. 20 читаемъ: „Правильно это не имѣетъ, однако, безусловнаго характера, неисполненіе его не влечетъ за собою недѣйствительности договора“.

Къ *leges fugitivae* относятся собственно и статьи о письменной формѣ и ея значеніи (исключеніе свидѣт. показаній на судѣ, ст. 14 и сл.). Впрочемъ, эти статьи гораздо болѣе умѣстны въ проектѣ, чѣмъ разныя другія статьи, тоже относящіяся къ гражд. судопроизводству или даже къ административному, полицейскому въ тѣсномъ смыслѣ праву и т. п. (ср. напр., ст. 120, 121, 196, 205, 212, 282, 450, 273, 511, 512, 536, 469, 470, 471, 473).

томъ родствѣ, которое предполагаетъ объясн. записка.

Такъ, ст. 7 гласить:

Предложеніе заключить договоръ, сдѣланное кому-либо лично на словахъ, можетъ быть отмѣнено, если согласіе принять предложеніе не изъявлено немедленно или въ срокъ, назначенный сдѣлавшимъ предложеніе.

Съ перваго взгляда такого близкаго родства между ст. 7 и 6 не видно, но это только потому, что мысль ст. 7 одѣта въ такую редакціонную форму, что она не только на свою родную сестру, на мысль ст. 6, но и на самое себя не похожа. Подъ „срокомъ, назначеннымъ сдѣлавшимъ предложеніе“, слѣдуетъ разумѣть прямо высказанное или молчаливо подразумеваемое условіе особаго содержанія, а именно обусловленность силы предложенія тѣмъ, что оно будетъ принято не позже такого-то времени. Если указаніе времени такого значенія не имѣетъ, то положеніе ст. 7, конечно, непримѣнимо. Оно шло бы въ разрѣзъ съ волею стороны. Съ другой стороны, при наличности такого условія въ предложеніи само собою разумѣется, что, въ случаѣ неисполненія этого условія, нѣтъ договора, а предложеніе, согласно волѣ предлагающаго, теряетъ силу. Слова ст. 7 „можетъ быть отмѣнено“ представляютъ несомнѣнно простую редакціонную обмолвку. При серіозномъ ихъ примѣненіи они заключали бы въ себѣ сѣть для ловли бѣды не предчувствующихихъ людей.

Другими словами: то положеніе, которое въ ошибочной редакціи помѣщено въ видѣ ст. 7, представляетъ одно изъ тѣхъ положеній, которыхъ можно поставить рядомъ со ст. 6 сколько угодно. Но родство между этими статьями есть боковое родство, родство соподчиненія (трусизму, упомянутому выше на стр. 2459),—а не подчиненія, какъ думаетъ объясн. записка.

То же относится къ ст. 16. Она гласить:

Если стороны условились облечь заключаемый ими договоръ въ опредѣленную форму, то договоръ не считается заключеннымъ, пока онъ не будетъ совершенъ въ условленной формѣ.

Въ этой статьѣ слѣдуетъ признать редакціонными промахами слова „если стороны условились“. Эти слова требуютъ слишкомъ многого, ибо по существу дѣла достаточно, чтобы одна изъ сторонъ прямо или молчаливо выразила намѣреніе заключить договоръ не иначе, какъ въ письменной или т. п. формѣ. Эти слова, съ другой стороны, требуютъ слишкомъ мало, признавая достаточнымъ для примѣненія диспозиціи всякій уговоръ о письменной формѣ. Въ конкретномъ случаѣ стороны, можетъ быть, „условились облечь договоръ въ опредѣленную форму“, но не въ томъ смыслѣ, чтобы отъ этого зависѣла дѣйствительность договора. Вообще, по поводу статей 6, 7, 16 и т. п. слѣдуетъ отнюдь

не забывать, что при заключеніи договоровъ весьма много бываетъ разныхъ разговоровъ, много разныхъ требованій ставится, въ томъ числѣ и такихъ, которыя и въ этихъ статьяхъ въ разнообразной редакціи упоминаются, но лишь въ незначительной части случаевъ эти требованія, уговоры и т. п. имѣютъ тотъ серіозный и грозный для договора вѣсъ, который имъ систематически огульно приписывается проектомъ. Если бы примѣнить „точный смыслъ“, или неточную редакцію статей проекта, то произошелъ бы полный хаосъ въ народномъ хозяйствѣ, столько бы договоровъ гибло отъ разрушительнаго дѣйствія этихъ статей.

Что касается „условленнаго облеченія“ договора въ опредѣленную форму, то ст. 16 тѣмъ болѣе ненормальна, что самъ проектъ по большей части не приписываетъ часто предписываемой имъ письменной формѣ никакого значенія для дѣйствительности договора. Письменная форма проекта по большей части вообще на матеріальное право совсѣмъ не влияетъ, имѣя лишь значеніе въ области процессуальныхъ доказательствъ (исключеніе свидѣт. показаній). Это будетъ вліять и на возрѣнія и обыкновенія заключающихъ договоры, и весьма часто уговоръ о письменной формѣ будетъ имѣть лишь тотъ смыслъ, что въ числѣ прочихъ обязательныхъ статей *уже заключеннаго* договора будетъ находиться и статья объ „установленіи“ договора на письмѣ, о шествіи къ нотаріусу и т. п.

Къ тому же типу положеній, какъ разсмотрѣнные выше ст. 6, 7, 16, относится и вторая часть 12-ой статьи („Предложеніе признается необязательнымъ, когда къ исполненію договора не будетъ приступлено въ срокъ, соотвѣтствующій содержанию предложенія и другимъ обстоятельствамъ“). И это положеніе въ теперешнемъ видѣ неправомерно, ибо во многихъ случаяхъ пользованіе этимъ положеніемъ было бы неосновательно по существу, хотя и основанно на законѣ, придирию. Въ большинствѣ случаевъ „содержаніе предложенія“, а тѣмъ болѣе „другія обстоятельства“, можетъ быть, даже весьма рѣшительно требующія поспѣшности, тѣмъ не менѣе не должны были бы давать повода къ столь серіознымъ, подчасъ, можетъ быть, разорительнымъ послѣдствіямъ для взявшагося за исполненіе договора. Обыкновенно достаточно было бы обязанности возмѣнить убытки, если таковыя произошли отъ недостатка поспѣшности.

Если же сообщить ст. 12 правильную редакцію, то окажется, что и она заключаетъ въ себѣ такое же само собою разумѣющееся положеніе, что и ст. 6 и т. д., и это положеніе отнюдь не подчинено, а соподчинено логически мнимой „руководящей“ статьѣ 6.

Между прочимъ, по поводу ошибокъ разсмотрѣнныхъ статей, отмѣтимъ, что проектъ по поводу другихъ вопросовъ того же рода,

содержитъ въ себѣ и противоположныя ошибки. Такъ, напр., ст. 25, предусматривающая случаи предоставления „опредѣленія размѣра вознагражденія“ усмотрѣнію одной изъ сторонъ или третьяго лица, упускаетъ изъ виду, что иногда въ этомъ по намѣренію сторонъ заключается необходимое условіе *perfectio contractus*, такъ что договоръ не можетъ состояться, если третье лицо, которому, напр., въ виду особаго личнаго довѣрія, стороны предоставили роль окончательнаго устроителя договора, умерло, не исполнивъ этой роли, или не пожелало взять на себя такой подчасъ щекотливой роли. Ст. 25 такъ же произвольно сама распоряжается вмѣсто сторонъ и навязываетъ имъ договоръ, вопреки ихъ волѣ, какъ разсмотрѣнныя выше статьи въ подобныхъ же случаяхъ произвольно разрушаютъ договоръ, хотя это можетъ явиться весьма гибельной для одной изъ сторонъ и не соответствующей существу дѣла неожиданностью.

Въ иномъ, же не боковомъ, логическомъ родствѣ со ст. 6 состоитъ ст. 11:

Отвѣтъ о принятіи предложенія на иныхъ условіяхъ, чѣмъ было предложено, признается отказомъ отъ заключенія договора и считается самостоятельнымъ предложеніемъ.

Если принять во вниманіе изложенное выше, въ частности исправить надлежащимъ образомъ неточную редакцію этой статьи, то окажется, что она не только не можетъ быть сочтена частнымъ правиломъ („ближайшимъ опредѣленіемъ“) къ „руководящему“ началу ст. 6, но что логическое отношеніе между этими статьями какъ разъ обратное. Между тѣмъ какъ ст. 6, 7, 12, 16 говорятъ о разныхъ специальныхъ видахъ „условія“, статья 11 говоритъ объ „условіяхъ“ вообще и указываетъ, что вообще нѣтъ на лицо договора, если не осуществилось такое принятіе, отъ котораго (по прямо или молчаливо выраженной волѣ одной изъ сторонъ) зависитъ заключеніе договора вообще. Добавленіе къ этому положенію въ ст. 11, а именно указаніе, что сообщеніе „иныхъ условій“, на которыхъ другой контрагентъ готовъ заключить договоръ, есть новое предложеніе, съ такимъ же успѣхомъ могло бы въ соответствіи болѣе частномъ видѣ фигурировать и въ ст. 6, 7 и т. д.

Какъ бы то ни было, „руководящее начало“, поставленное во главѣ отдѣленія II лучше зачеркнуть вмѣстѣ съ указанными выше родственными ему статьями.

Лучше руководящая статья слѣдующаго, III отдѣленія („Предметъ договора“); а именно, первая статья этого отдѣленія гласитъ:

21. Договоръ, имѣющій своимъ предметомъ дѣйствіе невозможное или противное закону, добрымъ нравамъ или общественному порядку, признается недѣйствительнымъ.

Но и въ этой статьѣ есть элементы, къ

которымъ относится изложенное выше объ общихъ статьяхъ проекта, въ частности и установленная нами пропорція. Убѣдиться въ этомъ можно, между прочимъ, изъ комментарія къ слову „невозможное“ въ объяснительной запискѣ. Изъ него видно, что „невозможность“ можетъ быть понимаема въ различныхъ смыслахъ, и что соответственное выраженіе въ проектѣ имѣетъ, съ одной стороны, болѣе узкій смыслъ, нежели бы это могло показаться профанамъ, а съ другой стороны и болѣе широкій смыслъ, чѣмъ тотъ, который бы ему могли приписать и образованные юристы. Такъ, напр., здѣсь сообщается, что послѣдствіе, связанное со ст. 21 съ невозможностью вообще, на самомъ дѣлѣ „можетъ быть безусловно присвоено только объективной невозможности и притомъ существующей уже во время заключенія договора“. Изъ этихъ словъ о т. н. объективной невозможности, повидимому, вытекаетъ, что и субъективной невозможности можно присвоить такое же послѣдствіе, но только не „безусловно“. Но позитивное рѣшеніе возможныхъ сомнѣній объясн. зап. и проектъ считаютъ лишнимъ, точно также какъ они считаютъ лишнимъ позитивное рѣшеніе вопросовъ о юрид. послѣдствіяхъ уговора о дѣйствіи невозможномъ, а равно позитивную нормировку т. н. *culpa in contrahendo* вообще. Средство для рѣшенія всѣхъ сюда относящихся сложныхъ и спорныхъ вопросовъ заключается въ общемъ изреченіи ст. 1065. Мало того, объяснит. записка, повидимому, не увѣрена, есть ли вообще надобность въ нормировкѣ случая невозможности въ законѣ: „...излишне, казалось бы, всякое упоминаніе о ней въ законѣ. Недѣйствительность договора о чемъ-либо невозможномъ по естественному порядку вещей разумѣется сама собою. Однако законодательства не проходятъ этого вопроса молчаніемъ“ (въ скобкахъ приводится рядъ законодательствъ и проектовъ), „потому, быть можетъ, что при извѣстномъ состояніи сознанія или извѣстномъ направленіи воли договаривающихся сторонъ то, разумѣющееся само собою, послѣдствіе оказывается неправомѣрнымъ и приходится иначе опредѣлить его въ законѣ“ (стр. 62).

Мы, съ своей стороны, не увѣрены, достаточно ли ясно объяснительной запискѣ, о чемъ здѣсь идетъ рѣчь. Рѣчь идетъ вовсе не о томъ, чтобы контрагентъ совершилъ то, что невозможно совершить. Что невозможно то, что невозможно, это, конечно, само собою разумѣется. Но вопросъ заключается вовсе не въ этомъ. Въдѣ и въ случаѣ т. н. субъективной невозможности невозможность также есть на лицо, какъ и въ случаѣ объективной невозможности. Если неученый или даже и неграмотный человѣкъ обязывается написать ученую статью для ближайшей книжки журнала, не-музыкантъ обязывается участвовать въ предстоящемъ концертѣ и играть чesсы Листа, Шопена и т. д.,

нищій теперь и не имѣющій способвъ и источниковъ обогащенія въ будущемъ обязывается дать взаимы миллиарды рублей и т. п., то, невозможность исполненія точно также сама собою разумѣется, какъ и въ случаѣ объективной невозможности. Однако объясн. записка указываетъ, что въ случаѣ т. н. субъективной невозможности, стало быть и въ приведенныхъ нами случаяхъ, договоръ долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ или во всякомъ случаѣ не „безусловно“ недѣйствительнымъ (ср. выше стр. 2464); это слѣдуетъ нормировать въ законѣ; не знающіе взглядовъ объяснит. записки и руководствующіеся только закономъ могли бы въ виду ст. 21 отнести такіе договоры къ недѣйствительнымъ¹⁾. Точно также отнюдь не было бы нарушеніемъ само собою разумѣющейся истины, т. е. нелѣпостью, и признаніе дѣйствительности всѣхъ договоровъ о невозможныхъ дѣйствіяхъ, т. е. и о дѣйствіяхъ, „объективно“ невозможныхъ. Въ древнихъ и даже не особенно древнихъ гражд. правахъ можно было бы найти и достаточно фактическихъ подтвержденій полной возможности такого обсужденія договоровъ о невозможныхъ „объективно“ дѣйствіяхъ. Да и граница, принятая современною цивилистикой между т. н. субъективной и т. н. объективной невозможностью въ существѣ дѣла весьма условна и относительна, и не всѣ ей вѣрятъ и признаютъ ее годною для цивилистическихъ цѣлей (и она нуждается въ позитивномъ указаніи въ законѣ). Вообще только по недоразумѣнію можно думать, что здѣсь все само собою разумѣется; напротивъ, все зависитъ отъ позитивныхъ постановленій закона. Признаніе недѣйствительности договоровъ въ случаѣ извѣстнаго рода невозможности есть т. ск. позитивная льгота въ пользу *imprudentes*, состоящая не въ признаніи невозможности невозможнаго, а въ освобожденіи должника отъ договорной ответственности, отъ платежа договорнаго интереса и т. п.

Какъ въ случаѣ недѣйствительности договора изъ за невозможности, такъ и въ другихъ случаяхъ недѣйствительности и т. п. случаяхъ возникаютъ вопросы объ убыткахъ, возникшихъ для контрагента вслѣдствіе недоразумѣнія.

Путемъ тенденціознаго толкованія источниковъ римскаго права для „практическихъ“ цѣлей Герингъ развилъ извѣстную теорію т. н. *culpa in contrahendo*, обостряющую (по нашему убѣжденію, безъ надобности) договорное право.

¹⁾ Въ области пандектной доктрины по поводу этихъ вопросовъ существуютъ разногласія, ср., напр., съ одной стороны Windscheid II § 315, съ другой стороны, Dernburg, II § 16. Правильнѣе, по нашему мнѣнію, господствующая теорія, которая различаетъ субъективную и объективную невозможность и въ первомъ случаѣ признаетъ договоръ дѣйствительнымъ. Но уже эти разногласія показываютъ, что дѣло не идетъ о само собою разумѣющихся истинахъ.

Его взгляды нашли послѣдователей, но и противниковъ, и относящіеся сюда вопросы представляются весьма спорными и сложными. Объяснительная записка (стр. 63), напротивъ, полагаетъ, что они весьма просто рѣшаются правилами о „недозволенныхъ дѣяніяхъ“. Несомнѣнно, въ конкретномъ случаѣ можетъ быть на лицо деликтъ, напр., обманъ, и тогда дѣло рѣшается просто, но опять слѣдуетъ отмѣтить, что не въ этомъ вопросъ.

Надо также принять во вниманіе, что огульная конструкція *culpa in contrahendo* и возложеніе обязанности платить т. н. отрицательный договорный интересъ безъ ограниченной подчасъ оказались бы для контрагента болѣе тяжкимъ ударомъ, нежели признаніе дѣйствительности договора, ибо въ конкретномъ случаѣ отрицательный интересъ можетъ превышать положительный. Мы не считаемъ удачными правила § 307 герм. ул., но во всякомъ случаѣ заслуживаетъ одобренія оговорка, по которой контрагентъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ права на отрицательный интересъ, если онъ зналъ или могъ узнать положеніе дѣла, и никогда не имѣетъ права на большую сумму, нежели составляетъ положительный интересъ.

Какъ бы то ни было, общее изреченіе ст. 21 о невозможности слѣдуетъ замѣнить положительными нормами. Необходимо при этомъ принять во вниманіе и т. н. юридическую невозможность, которую объяснит. записка (стр. 62) смѣшиваетъ со случаемъ, когда выговоренное дѣйствіе „противно закону“¹⁾.

Въ своемъ комментарий къ слову невозможность объяснительная записка сообщаетъ еще, что къ недѣйствительнымъ договорамъ она относитъ и договоры о „чужомъ имуществѣ“ (стр. 68), но позитивнаго рѣшенія этого вопроса нѣтъ ни въ ст. 21, ни въ другихъ статьяхъ о „предметѣ договора“. Это, можетъ быть, отчасти объясняется неувѣренностью относительно существа и значенія вопроса. Ср., напр., замѣчанія по этому поводу на стр. 67, 68 объясн. зап.: „И вообще, едва ли можно допустить, чтобы обѣ стороны заключили договоръ, завѣдомо, о чужомъ имуществѣ... едва ли практично постановлять о дѣйствительности договора, когда онъ можетъ оказаться недѣйствительнымъ, какъ противный нравственности, именно потому, что предметъ его—чужое имущество. Впрочемъ, исходная точка для постановленія римскаго правила²⁾ не совсѣмъ, быть можетъ, соответствуетъ современному юридическому сознанію. Въ особенности, въ договорахъ объ особливыхъ вещахъ стороны не исходятъ изъ представленія объ общей имуществен-

¹⁾ Ср., напр., Oertmann, въ *Komment. zum B. G. B. v. Viermann* и т. д., въ замѣчаніяхъ къ § 306.

²⁾ Римское право, какъ извѣстно, пренятствія для дѣйствительности договоровъ въ томъ, что дѣло идетъ о „чужомъ имуществѣ“ (совершенно правильно) не усматриваетъ.

ной ответственности обязанной стороны, а имѣютъ въ виду конкретныя вещи, на которыя главнымъ образомъ направляется ихъ воля. По этимъ основаніямъ проектъ, слѣдую началу, выраженному въ 1384 и послѣд. статьяхъ 1 ч. X т., не вводитъ несогласнаго съ нимъ правила, признающаго дѣйствительными договоры о чужомъ имуществѣ. Эти неясности и сомнѣнія, равно какъ и „основанія“ исчезаютъ въ томъ мѣстѣ объяснит. записки, гдѣ она говоритъ о спеціальному сюда относящемся случаѣ, а именно о „продажѣ чужого имущества“. Здѣсь (стр. 388) замѣчается полная увѣренность въ недопустимости, юр. невозможности продажи чужого „имущества“, но точно также не предлагается особаго рѣшенія этого вопроса въ законѣ, потому что оно само собою разумѣется:

„Что касается продажи чужаго имущества, то недопустимость таковой явствуетъ, и безъ особаго упоминанія, изъ общаго начала, что никто не можетъ передать другому больше правъ, нежели самъ имѣетъ, отчасти же и изъ самаго понятія продажи, имѣющей цѣлью переходъ имущества отъ продавца въ собственность покупателя и, слѣдовательно, предполагающей у продавца въ моментъ такого перехода право собственности на продаваемое имъ имущество“.

Очевидно, здѣсь имѣются въ виду совсѣмъ другія „основанія“, чѣмъ для рѣшенія того же вопроса въ общей части. Но и эти соображенія, несмотря на отсутствіе тона гадательной неуѣренности и кажущееся знаніе дѣла, правильными не могутъ быть признаны. Римскіе юристы, между прочимъ, тоже знали правило, „что никто не можетъ передать другому больше правъ, нежели самъ имѣетъ“, и даже именно отъ нихъ перешло это правило въ объяснит. записку (впрочемъ, по праву проекта это правило уже не можетъ быть признано правильнымъ, въ отличіе отъ римскаго права); цѣль договора продажи, далѣе, по всѣмъ правамъ одинакова. Тѣмъ не менѣе римскимъ юристамъ не было ясно то, что, по мнѣнію объяснит. записки, „явствуетъ и безъ особаго упоминанія“, и даже имъ было ясно прямо противоположное начало. Ибо они ясно отличали вещное право отъ обязательственнаго.

Подробная критика собранныхъ объяснительною запискою доводовъ въ пользу недѣйствительности договора о чужомъ „имуществѣ“, въ частности продажи чужой вещи, впрочемъ, представляется излишнею, потому что ее можно замѣнить слѣдующимъ сообщеніемъ:

Проектъ и объяснит. записка только думаютъ, что они не признаютъ дѣйствительности продажи чужой вещи, а на самомъ дѣлѣ они въ этой цивилистической ереси неповинны, потому что они признаютъ продажу чужой вещи вполне дѣйствительною. Въ другихъ мѣстахъ объяснит. записки и проекта взаимствуются тра-

диціонныя начала римскаго права объ *evictio*, необходимо предполагающія признаніе дѣйствительности договора продажи чужой вещи и выражающія это признаніе. Эти правила всякому цивилисту сообщаютъ: неимѣніе права собственности на проданную вещь со стороны продавца отнюдь не мѣшаетъ дѣйствительности договора и не устраняетъ его договорныхъ обязанностей; напротивъ, это обстоятельство, точно также какъ и наличность разныхъ другихъ недостатковъ предмета продажи или правъ продавца, только усиливаетъ, и обогащаетъ его договорное обязательство новымъ добавочнымъ содержаниемъ.

Несмотря на то, что такимъ образомъ изъ правилъ проекта ясно вытекаетъ признаніе дѣйствительности продажи чужой вещи, въ общей части обязательственнаго права слѣдуетъ дать общее позитивное рѣшеніе этого вопроса (въ противоположномъ смыслѣ тому, который сообщаетъ объяснит. записка). Въ противномъ случаѣ возможны разныя сомнѣнія и недоразумѣнія; людямъ, не обладающимъ техническимъ образованіемъ въ области гражданскаго права, можетъ показаться вполне естественнымъ отрицаніе дѣйствительности договора „о чужомъ имуществѣ“, въ частности подведеніе его подъ ст. 21. Если самъ проектъ заблуждается относительно того, какъ онъ относится къ этому вопросу, то тѣмъ болѣе естественны такія недоразумѣнія со стороны не столь образованныхъ юридически гражданъ.

Между тѣмъ какъ слово невозможность объяснительная записка комментируетъ весьма подробно, приписывая ему то, что въ немъ не содержится, отнимая у него то, что оно обнимаетъ, и т. п., прочія важныя положенія ст. 21 остаются не только безъ мотивовъ, но и безъ комментарія. Что касается дѣйствій противныхъ закону или добрымъ нравамъ, то эти слова ясны и понятны и безъ особыхъ комментариевъ. Но мы не знаемъ, что желаетъ выразить проектъ словами „общественному порядку“ и для чего онъ ставитъ эти слова на ряду со словами „противное закону“, и даже сомнѣваемся, представляетъ ли себѣ ясно самъ проектъ, какіе договоры лишаются силы этимъ туманнымъ изреченіемъ. И безъ того у насъ страннымъ образомъ никакъ люди понять не могутъ, что то, что законами не запрещено, ео *ipso* законами дозволено, такъ что не требуется для незапрещенныхъ закономъ поступковъ особыхъ дозволеній и осмѣливаній свыше. Этотъ суевѣрный страхъ, видящій вездѣ несуществующія запрещенія, получаетъ своеобразное подтвержденіе для договорной области путемъ указанія въ ст. 21 на какую-то запрещенность не противнаго закону.

Съ другой стороны, расширяя въ туманныя области безъ ясныхъ очертаній недозволенность, ст. 21 напрасно, хотя и не умышленно, суживаетъ резонное и общепринятое ограниченіе

договорной свободы. Всякій договоръ или всякая статья договора, находящаяся въ столкновении съ законными запрещеніями или съ „добрыми нравами“, должны быть признаны ничтожными. Между тѣмъ статья 21 предусматриваетъ лишь одинъ изъ многихъ возможныхъ случаевъ такой коллизіи, а именно только тотъ случай, когда обѣщанное должникомъ дѣйствіе (изъ объясн. зап., стр. 61, узнаемъ, что подъ „предметомъ договора“ проектъ разумѣетъ дѣйствіе, какъ предметъ обязательства) противно закону или добрымъ нравамъ. Но безнравственность или противозаконность договора можетъ заключаться во многомъ другомъ сверхъ недозволенности или безнравственности обязательственного дѣйствія, напримѣръ, въ принятіи самого по себѣ дозволеннаго для должника дѣйствія со стороны кредитора, или въ томъ, что само по себѣ вполнѣ дозволенное закономъ и добрыми нравами дѣйствіе, напримѣръ, жениться, не жениться, развестись, усыновить, избрать себѣ или дѣтямъ такое-то поприще дѣятельности, наложить на себя эпитимію, добровольно лишиться себя общенія съ людьми и т. п., дѣлается предметомъ торга и обѣщается за деньги, или въ томъ, что само по себѣ дозволенное и не безнравственное дѣйствіе въ договорѣ приведено путемъ разныхъ *accidentalía negotii*, напр., *dies, conditio, modus*, или путемъ выбора особаго способа вознагражденія и т. п. въ такую связь, что весь договоръ получаетъ безнравственную или противозаконную тенденцію, дѣйствуетъ развращающимъ образомъ, вводитъ въ искушеніе etc. Замѣтимъ, кстати, что и положеніе ст. 21 о невозможности тоже неправильно и съ этой точки зрѣнія, ибо дѣло идетъ не только о невозможности обязательственного дѣйствія, не только о невозможности въ лицѣ должника, но также и о невозможности въ лицѣ кредитора, невозможности всей договорной комбинаціи при возможности какъ дѣйствія, такъ и принятія, и т. д.

Первыя двѣ статьи слѣдующаго, IV, отдѣленія проекта гласятъ:

26. Для дѣйствительности договора требуется сознательное и свободное согласіе договаривающихся лицъ.

27. Не признается сознательнымъ и свободнымъ согласіе лица, находившагося при заключеніи договора подъ вліяніемъ принужденія, обмана или существенной ошибки.

Ст. 26 представляетъ сама по себѣ изреченіе, растяжимое до безконечности; его можно толковать, какъ угодно, и употребить для разрушенія всевозможныхъ договоровъ подъ предлогомъ недостаточной сознательности или свободы выбора. Достаточно для поясненія указать, что его съ равнымъ правомъ можно высказать, какъ афоризмъ, на почвѣ и 1 ч. X т., и новаго германскаго уложенія, и любого иного изъ европейскихъ, американскихъ и т. д. граждан-

скихъ кодексовъ, несмотря на то, что относящаяся сюда *позитивныя* нормы въ этихъ различныхъ кодексахъ весьма различны. Но зачѣмъ это туманное пятно безъ юридическихъ границъ понадобилось проекту? Въдѣ въ ст. 27 самъ проектъ переводитъ его на болѣе юридическій языкъ. Не помѣщена ли статья 26 во главѣ отдѣленія только изъ любви къ искусству — къ искусству производства туманныхъ картинъ, „общихъ статей“ по образцу извѣстныхъ статей 1 ч. X т.?

Но и статья 27 не есть позитивный законъ, а только „какъ бы введеніе“. Ибо статья 28 говоритъ: „Договоръ признается заключеннымъ подъ вліяніемъ принужденія, когда...“, ст. 29 говоритъ: „Ошибка признается существенною, когда...“, ст. 30 говоритъ: „Обманомъ признается...“

Всѣ эти признанія слѣдуетъ исключить: статью 26 съ ея требованіемъ и ст. 27 съ ея признаніемъ слѣдуетъ зачеркнуть просто, а ст. 28, 29, 30 формулировать не въ видѣ фиктивныхъ („признается“) *definitiones*, а въ видѣ положительныхъ распоряженій закона. При семъ распорядиться слѣдуетъ не о томъ, о чемъ говорится въ ст. 26, представляющей *неправильное* введеніе къ ст. 27, — дальнѣйшему введенію къ позитивнымъ законамъ, а о томъ, о чемъ въ отличіе отъ самого проекта говорится въ объяснительной запискѣ. Статья 26 ошибочно выставляетъ тѣ положенія, въ которыхъ она какъ бы вводитъ, въ качествѣ такихъ, отъ которыхъ зависитъ дѣйствительность договора („для дѣйствительности договора требуется“). Въ объяснительной же запискѣ, которая въ данномъ случаѣ лучше проекта, указывается, что для дѣйствительности договора того, что по ст. 26 въ связи съ другими „требуется“, на самомъ дѣлѣ не требуется и требовать нельзя. Договоръ, заключенный „подъ вліяніемъ“ принужденія, ошибки и т. д., долженъ быть признанъ дѣйствительнымъ, а только слѣдуетъ дать потерпѣвшему, на случай желанія съ его стороны, возможность опороженія (*Anfechtung*). Соответственно слѣдуетъ измѣнить и редакцію ст. 32, ибо рѣчь идетъ или должна идти не объ *actio nullitatis*, а только объ опороженіи дѣйствительнаго самого по себѣ договора.

На исключеніи статей 26 и 27, добавимъ еще, мы рѣшительно настаиваемъ не только потому, что онѣ лишни, а и потому, что онѣ вводятъ гражданъ и судебную практику въ опасныя искушенія, несмотря на дальнѣйшія статьи. Положимъ, „частога пользованія“ этими статьями не было бы. Обыкновенно судебная практика ссылалась бы не на нихъ, а на болѣе позитивныя положенія статей, предусматривающихъ специально принужденіе (28), ошибку (29) и обманъ (30, 31) и регулирующихъ послѣдствія этихъ пороковъ (32, 33). Но въ

разных особых случаях на почвѣ ст. 26 возникали бы и самостоятельныя придиры, причѣмъ для колебанія силы договоровъ путемъ пользованія статьею 26 (и 27) есть и аргументъ:

Слѣдуетъ исходить изъ предположенія, что не безъ смысла и разумной цѣли законодатель помѣстил эти статьи на ряду со ст. 26 и т. д. (фикція разумной воли); ст. 28, 29... регулируютъ специальные случаи, не исчерпывая содержания ст. 26 и т. д.

Впрочемъ, мы исходимъ при этомъ требованіи изъ предположенія, что дальнѣйшія статьи отдѣленія получать резонный видъ. При теперешней ихъ редакціи, онѣ и безъ помощи ст. 26 создаютъ достаточно широкое поле для придирокъ и нарушеній договоровъ.

Относится это, между прочимъ, и къ статьѣ 28, какъ это сообщаетъ сама объяснительная записка въ комментаріи къ этой статьѣ (стр. 77):

„Настоящій проектъ исходитъ также (какъ и другія законодательства) изъ того взгляда, что страхъ передъ угрозою долженъ быть основательнымъ и ожидаемый вредъ значительнымъ, чтобы заключаемый при этихъ условіяхъ договоръ могъ быть признанъ недѣйствительнымъ, но прямо этого не оговариваетъ потому, что разрѣшеніе вопроса о вліяніи страха на свободу воли, въ связи съ значительностью ожидаемаго вреда, зависитъ отъ особенностей каждаго даннаго случая и отъ субъективныхъ свойствъ даннаго лица, опредѣляемыхъ его возрастомъ, поломъ, состояніемъ и что, слѣдовательно, едва ли возможно преподать въ законѣ какія либо твердыя руководящія правила въ этомъ отношеніи для судебной практики“.

Это разсужденіе, между прочимъ, представляетъ весьма типичное выраженіе взглядовъ проекта на свою задачу, на задачу законовъ вообще, роль суда и т. д.

Какъ и весьма часто, объяснит. записка сообщаетъ какъ „мысли“ или „взгляды“ проекта то, чего въ самихъ предлагаемыхъ законахъ вовсе не говорится. Слова объясн. зап. „прямо этого не оговариваетъ“ не означаютъ, что проектъ „не прямо“ выражаетъ выставляемое въ запискѣ ограниченіе; напротивъ, это только обычный приемъ выражаться относительно и неопредѣленно; на самомъ дѣлѣ проектъ ни прямо, ни косвенно никакихъ различій этого рода и границъ для оспариванія договора подъ предлогомъ „вынужденія“ согласія не устанавливаетъ. По правилу *ubi lex non distinguit et nos distinguere non debemus* и вообще по началу законности слѣдовало бы полагать, что „судебная практика“ должна примѣнять законъ, а не „взгляды“ объяснительной записки, и что, стало быть, статья 28 должна примѣняться въ полномъ видѣ, а не въ той лишь мѣрѣ, какую предлагаетъ объясн. записка, сообщая, что

собственно и проектъ иначе думаетъ, нежели пишетъ.

Совсѣмъ иное—правовое міросозерцаніе объяснительной записки, и не на такое отношеніе къ законамъ расчитанъ проектъ. Онъ прежде всего пишется не для народа, а для „судебной практики“. И расчитанъ онъ не на такую „судебную практику“, которая состоитъ въ примѣненіи закона, и статьи его не таковы, чтобы примѣняться такъ, какъ онѣ написаны. Статьи закона пишутся для судебной практики, чтобы она имѣла, на что ссылаться (во исполненіе существующаго обряда, хотя собственно неизвѣстно, каково значеніе этого обряда), точно также какъ объяснительная записка заботится о томъ, чтобы къ каждой статьѣ проекта непременно подобрать какъ можно больше приличныхъ дѣлу ссылокъ. Такъ какъ дѣло идетъ о соблюденіи внѣшняго обряда, то несущественно, чтобы эти ссылки играли дѣйствительно рѣшающую роль и были исполнѣ правильны. Подобно тому какъ объяснительная записка умѣетъ почти всегда сослаться на 1 ч. X т., какъ на истинный источникъ рѣшеній проекта, такъ и будущая судебная практика будетъ ссылаться на законы, а рѣшать дѣла по своему усмотрѣнію.

Впрочемъ, по поводу ст. 28 можно, пожалуй, признать наличность смягчающаго неправильность такого отношенія къ законодательному дѣлу обстоятельства, а именно указать на то, что въ виду особыхъ свойствъ вопроса о значеніи принужденія дѣйствительно не представляется возможнымъ дать такое позитивное рѣшеніе его въ законѣ, которое бы исполнѣ устраняло споры и сомнѣнія въ конкретныхъ случаяхъ. Но все таки можно дать въ законѣ болѣе объективный масштабъ, чѣмъ тотъ, которымъ объяснительная записка совѣтуетъ будущей судебной практикѣ руководствоваться *вопреки закону*. На такіе случаи (напр., для гражданско-правового опредѣленія вины) сдѣлали уже римскіе юристы геніальное изобрѣтеніе, недостаточно оцѣниваемое въ новѣйшее время—объективный масштабъ обычнаго поведенія резоннаго человѣка („*bonus paterfamilias*“). „Субъективныя свойства даннаго лица“ при такомъ рѣшеніи вопроса—не при чемъ. Но даже если бы и невозможно было найти для закона объективнаго масштаба, то все таки нельзя же гражданъ, не знающихъ тайныхъ „взглядовъ“ проекта“, вводить въ искушеніе нарушать договоры по пустячнымъ поводамъ и создавать почву для неожиданностей и разочарованій вслѣдствіе рѣшенія дѣлъ не по закону, а по объяснит. запискѣ или т. п. Поэтому, даже въ случаѣ правильности разсужденій объясн. зап. о принужденіи слѣдовало бы такъ и формулировать законъ, каковъ „взглядъ“ проекта, дабы граждане все таки знали, чего они могутъ ожидать отъ ст. 28.

Но главная опасность для начала законно-

сти, для ясности и обеспеченности гражданских договорных прав, и главный источник экономического вреда коренится в отношении проекта к обману. А именно, совершенно невозможный закон предлагается в вид ст. 31:

31. К обману приравниваются те случаи, когда кто-либо, злоупотребляя оказываемым ему доверием или принадлежащей ему властью или пользуясь легкомыслием, слабостью воли, неопытностью, нуждой, либо несчастием другого, заключить с ним явно невыгодный для него договор.

Между прочим, эту статью проект с объяснительною запискою больше гордится, чем каким бы то ни было иным из предложенных законов. Она на первом месте сообщается во введении к проекту с объяснениями, как воплощение первого из „основных начал, положенных в основание проекта“, а именно начала справедливости и ограждения прав всех слабых; другими словами, статья 31 должна свидетельствовать о социальном направлении проекта и воплощать в себе это направление. Действительно она способна возбудить в широких кругах публики симпатию к проекту и создать для него популярность, несмотря на разные недостатки прочих его частей. И нападать на эту статью — роль, пожалуй, в известном смысле особенно неблагоприятная. Но упомянутая популярность была бы фальшивою популярностью, основанною на красоте фразы, а не на существе дела, и критика специалистов обязана это указать.

„Явно невыгодный договор“ — и тот договор, который явно невыгоден для одного из контрагентов хоть на 1% или даже на одну копейку. „Оказывание доверия“, или „легкомыслие“, или „слабость воли“, „неопытность“ и т. п. тоже обыкновенно в области договоров бывает налицо. Поэтому под статью 31 подходят не какие-либо только исключительно ненормальные договоры, а, напротив, многие миллионы ежегодно заключаемых в странах договоров. Вывод ясен: статья (в случае возведения ее в закон и серьезного применения) в корни поразила бы и поколебала экономическую жизнь страны. Весьма серьезные замшательства вызвала бы она в производств, но совершенно немыслимо при таких законах нормальное обращение, в особенности успешная торговля и прочный кредит.

Мало того, и с точки зрения распределения в результате статьи мы видим только зло и притом весьма серьезное зло. Во введении к проекту эта статья рекомендуется, как средство устранения „несправедливой выгоды“ („Такой договор, как заключенный

без свободного и сознательного согласия¹⁾ и служащий источником несправедливой выгоды... стр. LI), но на деле само положение ст. 31 создает источник для „несправедливой выгоды“; оно создает почву для спекуляции без риска, для освобождения от невыгодных договоров со стороны людей, святости договора не признающих и готовых пользоваться статьею 31, во вред добросовестных и соблюдающих договоры людей, которые окажутся неспособными „часто пользоваться“ ст. 31 или даже вообще сочтут недостойным, несогласным со своею торговою или иною честью такое пользование. На основании этой статьи, между прочим, весьма выгодно разыгрывать особое „доверие“, или проявлять „слабость воли“ при заключении договоров, напр., продавая или покупая хлеб, допустить явную невыгоду для себя на копейку на пуд по сравнению с последними данными биржевого бюллетеня, потому что за эту мелкую, хотя и явную, невыгоду статья 31 дает в руки крупный спекулятивный козырь. Если к сроку сдачи цена повысится на 10 или 20 к., то выигрыша крупная разница, если же цены в такой же мере падают, то вместо платежа можно преподнести контрагенту ст. 31, да еще и издваться над ним, называть его обманщиком по „точному разуму“ закона, так „расширяющего понятие обмана“ (стр. LI). Но и без предположения таких хитрых уловок можно утверждать, что статья 31 скорее создала бы привилегию не для „слабых, беспомощных“, а, напротив, для ловких и изворотливых людей, не брезгающих никакими средствами для охраны своих карманных интересов, давая им в руки орудие во вред больше добросовестных и честных людей.

Об этическом влиянии предлагаемого закона, в частности о влиянии его на укрепление уважения к принятым обязанностям и данному слову, на тот ценный элемент культуры, который бы при правильном понимании своей задачи проект должен был всячески оберегать, укреплять и развивать надлежащими разумными законами — излишне здесь распространяться.

Лучшее, что можно сказать по поводу ст. 31, это то, что, вероятно, составители не вполне обдумали а свои слова, не представляли себе ясно, что они собственно предлагают в качестве будущего закона. Может быть, они полагали, что они собственно только излагают германский закон о ростовщичестве собственными словами; усыпленю вниманию, может быть, способствовала обычная надежда на то, что будущая судебная практика вложит в предлагаемую общия рамки резонное содержание.

Зачеркнуть, да же, слѣдуетъ и первыя

¹⁾ Между прочим, указание, как „широко“ можно толковать ст. 26, ср. выше, стр. 2469. Критика ст. 21 (laesio minima) не означает спора против недопущения laesio enormis.

статьи слѣдующаго, V, отдѣленія: 35 (ненужное опредѣленіе условія, и притомъ неправильное, какъ видно, напр., изъ непримѣнимости къ такому понятію условія дальнѣйшихъ статей объ условіяхъ, а равно и изъ противорѣчія между болѣе правильною, хотя и лишнею, ст. 42 и ст. 35), 36 (дѣленіе условій на виды и логически некорректное опредѣленіе), 37 (статья не лишняя только въ случаѣ оставленія неправильной редакціи ст. 21, см. выше, и неправильная въ виду отмѣнительныхъ условій), первую часть ст. 38 (противорѣчащую статьѣ 65, а въ предѣлахъ правильности представляющую лишній тавтологизм); а равно слѣдуетъ зачеркнуть все слѣдующее, VI отдѣленіе, т. е. ст. 43 и 44 (*leges fugitivae*, къ тому же ничего положительно не дающія, ср. еще тавтологизм ст. 39, и неправильныя, въ ст. 44 искаженіе изъ за системы); первая статья слѣд., VII, отдѣленія, ст. 45, уже знакома намъ, какъ *lapsus linguae*, состоящій въ огульномъ предоставленіи самостоятельныхъ правъ третьимъ лицамъ, если въ ихъ пользу заключенъ договоръ. Первая статья слѣдующаго, VIII, и послѣдняго отдѣленія первой главы содержитъ въ себѣ лишнее и неправильное опредѣленіе задатка. Къ ней мы возвратимся при изложеніи и критикѣ другой своеобразной законодательной идеи, систематически проводимой въ проектѣ.

Само собою разумѣется, что тотъ порокъ проекта, которому были посвящены предыдущія наши статьи и эта, заключительная, проявился не только въ разсмотрѣнныхъ первыхъ статьяхъ отдѣленія первой главы. Напоминаемъ, что мы имѣли въ виду дать не исчерпывающую постатейную критику, а нѣкоторыя общія указанія, важныя, по нашему убѣжденію, не только въ виду такихъ или иныхъ статей проекта V книги, а и въ виду будущаго гражданскаго уложенія вообще. Въ этомъ смыслѣ предыдущихъ примѣровъ достаточно.

Въ слѣдующихъ статьяхъ мы перейдемъ къ другимъ вопросамъ.

Л. Петражицкій.

Изъ хроники земскаго дѣла.

Богатая инцидентами земская жизнь обогатилась въ послѣднее время новымъ, вполне исключительнымъ и необыкновеннымъ инцидентомъ, въ которомъ одинаково интересна какъ бытовая, такъ и юридическая сторона.

Мы остановимся на послѣдней.

1 ноября 1898 года смѣта Новоторжскаго уѣднаго земства на 1899 г. представлена была на разсмотрѣніе губернатору, согласно ст. 80 пол. о земск. учр. изд. 1890 г. (ст. 13 прил. къ ст. 6 пол.). Смѣта была получена губерна-

торомъ дня черезъ 2—3 ¹⁾; слѣдовательно, *двухъ-недѣльный* срокъ со дня получения смѣты, въ теченіе котораго губернаторъ могъ, по ст. 86 пол., „остановить“ постановленіе земскаго собранія, истекалъ 16—17 ноября ²⁾. 13 ноября 1898 г. губернаторъ извѣстилъ земскую управу о протестѣ своемъ, касающемся: 1) постановленія земскаго собранія о внесеніи въ раскладку на 1899 годъ земскихъ сборовъ съ зданій Николаевской желѣзной дороги, приносящихъ доходъ и 2) относительно производства расходовъ: въ 150 руб. на приобретеніе ежегоднаго земскаго сборника и въ 150 руб.—на благотворительныя учрежденія въ память А. С. Пушкина за счетъ статьи смѣты на непредвидѣнныя надобности. Затѣмъ, того же числа земская управа была поставлена въ извѣстность, что губернаторомъ не утверждена раскладка земскаго сбора, исчисленная на 1899 г., и передана на обсужденіе губ. земскаго собранія. Наконецъ, предложениемъ отъ 24 ноября, т. е. спустя три недѣли по полученіи смѣты, управа увѣдомлялась, что губернаторомъ опротестовано постановленіе собранія, коимъ жалованье законоучителямъ народныхъ школъ оставлено въ прежнемъ размѣрѣ.

Наступаетъ 1 января. Согласно ст. 21 прил. къ ст. 6 пол. о земск. учр., дѣйствіе расходныхъ смѣтъ начинается съ 1 января каждаго года и продолжается до 31 декабря того же года включительно.

Ст. 15 прил. къ ст. 6 пол. категорично требуетъ, чтобы въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе всей раскладки денежныхъ земскихъ сборовъ или части ея остановлено губернаторомъ, губернское по земскимъ и город. дѣламъ присутствіе постановляло, подлежатъ ли впредъ до разрѣшенія дѣла въ установленномъ порядкѣ земскіе сборы взиманію по раскладкѣ предыдущаго года, или же можетъ быть допущено, и въ какой именно части, взиманіе ихъ по новой раскладкѣ.

Приведенное требованіе закона на этотъ разъ не было исполнено губернской администраціей, и управѣ, по необходимости, пришлось принять къ руководству не прошлогоднюю, а новую раскладку сборовъ.

Что касается смѣты расходовъ, то, разумѣется, изъ нея должны были быть исключены опротестованныя губернаторомъ статьи; въ остальныхъ, по точному смыслу ст. 86 пол., управа *обязана была* привести въ исполненіе. Ст. 17 прил. къ ст. 6 пол. о зем. учр. категорично указываетъ, что только по тѣмъ статьямъ смѣты, которыя вызвали замѣчаніе со

¹⁾ Торжокъ отстоитъ отъ Твери на 60 верстѣ.

²⁾ Какъ извѣстно, земскія смѣты не принадлежатъ къ числу постановленій, нуждающихся въ утвержденіи губернатора (Срв. ст. 81 и 82 пол.). Земскія смѣты *утверждаются* собраніями (Срв. ст. 11 прил. и ст. 6 пол.). Губернаторъ въ порядкѣ ст. 86 и сл. можетъ лишь *остановить* ихъ исполненіе.

стороны губернатора, расходы производятся, впредь до окончательнаго разрѣшенія дѣла, въ размѣрѣ, опредѣленномъ смѣтою предыдущаго года; слѣдовательно, по всѣмъ другимъ свое- временно не опротестованнымъ статьямъ рас- ходы должны производиться сообразно теку- щей смѣтѣ. Въ этомъ отношеніи никакія со- мнѣнія невозможны. Управа дѣйствовала бы *противозаконно*, если бы она почему бы то ни было не приступила, начиная съ 1 января 1899 г., къ исполненію смѣты.

Въ данномъ случаѣ Новоторжская управа поступила правильно. Смѣта, за исключеніемъ опротестованныхъ губернаторомъ статей, вхо- дить въ дѣйствіе съ 1 января.

13 марта 1899 г., т. е. $2\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ начала смѣтнаго года и около 5 мѣсяцевъ послѣ полученія губернаторомъ постановленій собра- нія, управой получено предложеніе губернатора отъ 11 марта съ приложеніемъ выписки изъ жур- нала засѣданія губернскаго присутствія отъ 14 февраля, коимъ исключаются изъ смѣты расходы по разнымъ статьямъ, всего на сумму 14,261 р. 44 коп., въ томъ числѣ: губернскаго земскаго сбора 6,543 р. 84 коп., на открытіе новыхъ школъ 798 руб., въ пособіе женской гимназіи 1000 р., на пополненіе ученическихъ библіотекъ 700 руб., на выписку книгъ въ библіотеку 150 руб., на покупку зданія народ- наго театра 300 р., на содержаніе склада учеб- ныхъ пособій 630 р., на постройку школы 1,500 р., на производство сельско-хозяйствен- ныхъ опытовъ 150 р., на содержаніе агронома 900 р. и т. д., и т. д.

Между тѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, ко времени полученія предложенія губерна- тора, столь значительно запоздавашаго, испол- неніе смѣты находилось уже въ полномъ ходу.

По тѣмъ статьямъ смѣты, по которымъ требовалась единовременная выдача денегъ, расходъ былъ уже произведенъ: пособіе жен- ской гимназіи уже было городскимъ управле- ніемъ вытребовано; книги для библіотеки уже были выписаны; театръ уже былъ купленъ.

По другимъ статьямъ управой приступлено было къ исполненію и, слѣдовательно, равнымъ образомъ, произведены были необходимыя расходы. Такъ, еще къ началу января управой были присканы и наняты помѣщенія для пред- полагаемыхъ къ открытію новыхъ школъ, заготовлена классная мебель, приобрѣтены учеб- ные пособия и т. п. Далѣе, нанято было помѣ- щеніе подъ складъ учебныхъ пособій и принята на службу завѣдующая этимъ складомъ; заго- товленъ строительный матеріалъ, выданы за- датки, заключено условіе на подвозку лѣса и камня для постройки новой школы и т. п.

При такихъ условіяхъ предложеніе губер- натора не могло не поставить управу въ поло- женіе вполнѣ безвыходное.

Предложеніе, по самому своему существу,

было неисполнимо, — по крайней мѣрѣ, по- скольку въ немъ шла рѣчь о произведенныхъ уже земствомъ затратахъ.

Подлежало ли, однако, оно исполненію на будущее время?

Вопросъ о предѣлахъ повиновенія, — о без- условности или законности его — одинъ изъ самыхъ невыясненныхъ, самыхъ трудныхъ вопросовъ нашего государственнаго права. Дѣйствующее законодательство по этому вопро- су относится отчасти еще къ Петровской эпохѣ, отчасти къ началу нынѣшняго столѣтія; оно архаично, отрывочно и противорѣчиво.

Тѣмъ не менѣе, внимательный анализъ со- отвѣтственныхъ статей, разбѣянныхъ по всему своду законовъ, не можетъ не привести къ тому убѣжденію, что основнымъ принципомъ нашего законодательства является *законмѣрное* повиновеніе должностныхъ лицъ, — другими словами, повиновеніе исключительно законо- мѣрнымъ велѣніямъ начальства. Ст. 712 уст. о служб. гражд., предписываетъ подчиненнымъ властямъ, не исполняя незаконныхъ предписа- ній начальства, поступать такъ, какъ указано въ учрежденіяхъ ихъ должности. Въ основ- ныхъ законахъ (ст. 76—78) принципъ этотъ выраженъ относительно указовъ Правитель- ствующаго Сената и предписаній и распоря- женій министровъ; въ общемъ учрежденіи губ- ернскомъ — относительно губернскаго началь- ства (ст. 76) *).

Только относительно низшей полиціи за- конъ, повидимому, стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, требуя безусловнаго, слѣпнаго исполненія. Предписанія какъ высшаго, такъ и губернскаго начальства, говоритъ законъ, исполняются уѣзднымъ полицейскимъ управленіемъ непре- кословно и неукоснительно. За исключеніемъ случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ, поли- цейское управленіе не имѣетъ права входить въ разсмотрѣніе законности ихъ предписаній и требованій (ст. 756 общ. учр. губ.).

Врядъ ли необходимо доказывать, что без- прекословное повиновеніе, требуемое закономъ отъ полиціи, не имѣетъ и не можетъ имѣть мѣста въ отношеніяхъ самоуправленія къ адми- нистраціи.

Новоторжская земская управа несомнѣнно имѣла право, прежде чѣмъ исполнить предло- женіе губернатора, разсмотрѣть, не стоитъ ли оно въ прямомъ и очевидномъ противорѣчій съ закономъ, — другими словами, допускаетъ ли законъ неисполненіе вошедшей въ законную силу земской смѣты, по требованію губернской администраціи, заявленному спустя $2\frac{1}{2}$ мѣсяца послѣ начала смѣтнаго года и спустя 5 мѣся- цевъ послѣ указаннаго для опротестованія земскихъ постановленій срока?

Неизмѣнность смѣты въ теченіе всего смѣт-

* По терминологіи II тома, предсѣдатель — на- чальникъ. Ср. также ст. 403, 417 улож. о наказ.

наго періода, отъ его начала и до конца, является кореннымъ принципомъ всякаго публичнаго хозяйства, — принципомъ, который санкціонованъ нашимъ закономъ и послѣдовательно проводится судебнo-административной практикой (ср., напр., ук. Сен. 25 іюля 1874 г. № 32675; 31 окт. 1883 г. № 16647). Ни земство, ни администрація не могутъ не включить въ смѣту, ни исключить изъ нея какія бы то ни было статьи въ теченіе смѣтнаго года. Но, въ такомъ случаѣ, распоряженіе губернатора отъ 13 марта объ исключеніи изъ смѣты значительнаго числа расходныхъ статей должно быть признано незаконнымъ. Къ тому же—въ исправленную губ. присутствіемъ смѣту вкрадась довольно существенная ошибка: вопреки ст. 2 прил. къ ст. 6 пол. земск. учр., положительно требующей, чтобы совокупность всѣхъ смѣтныхъ назначеній по расходамъ соотвѣтствовала исчисленнымъ по доходной смѣтѣ средствамъ, въ смѣтѣ губ. присутствія сумма расходовъ превышаетъ на 503 р. 77³/₄ к. сумму доходовъ.

Съ другой стороны, управа не могла не считаться и съ тѣмъ обстоятельствомъ, что исполненіе этого распоряженія необходимо причинило бы значительный имущественный ущербъ земскому хозяйству; ибо расходъ, уже произведенный по опротестованнымъ статьямъ, оказался бы непроезводительнымъ и безцѣльнымъ.

Если бы, напримѣръ, управа рѣшилась прекратить постройку школы, то, очевидно, заготовленный ею матеріалъ пришлось бы продать за какой-нибудь безцѣнокъ, иначе онъ подвергся бы расхищенію и порчѣ.

Если бы завѣдующая складомъ учебныхъ пособій была уволена отъ службы, то ей пришлось бы платить жалованье до пріисканія новаго мѣста, имѣющіеся на лицо запасы оказались бы непроезводительно растроченнымъ мертвымъ капиталомъ. И, наконецъ, могла ли управа отказаться отъ помѣшеній, нанятыхъ на годъ, отъ заказовъ, по которымъ были выданы задатки и т. п.

Поставленная въ такое положеніе, управа рѣшила предложить собранію въ ближайшую сессію обжаловать Правительствующему Сенату распоряженія администраціи по смѣтѣ 1899 г., какъ сдѣланныя вопреки закону; пока же, не считая себя вправѣ подчиняться требованіямъ администраціи, она продолжала вести хозяйство по опредѣленнымъ статьямъ смѣты.

Такъ шло дѣло до послѣднихъ чиселъ іюля. 26 іюля управой получено было предложеніе тверскаго губернатора отъ 23 іюля, коимъ управа извѣщалась, что Высочайше утвержденнымъ 25 іюня с. г. положеніемъ комитета министровъ утверждены безъ всякаго измѣненія постановленія губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія по сокращенію смѣты новоторжскаго уѣзднаго земства.

Конечно, сдѣланнаго уже управой положеніе комитета министровъ не измѣнило; такъ какъ она дѣйствовала законно до изданія Положенія, то, разумѣется, все, ею сдѣланное, сохранило законную силу и послѣ него. положеніе комитета министровъ надлежало исполнить лишь съ того момента, какъ оно стало извѣстнымъ управѣ; но къ этому времени почти всѣ расходы уже были произведены.

Изложенный въ настоящей статьѣ случай изъ земской жизни является краснорѣчивымъ и убѣдительнымъ примѣромъ, доказывающимъ, въ какой мѣрѣ для успѣшнаго теченія земскаго дѣла представляется необходимымъ строгое и безусловное соблюденіе администраціей требованій и указаній закона, опредѣляющаго способы дѣйствій, формы надзора, предѣлы власти. Земское дѣло—сложное дѣло.

Въ бюрократическихъ учрежденіяхъ, покоящихся на принципѣ іерархической подчиненности, то или иное уклоненіе отъ истиннаго смысла организационныхъ законовъ, опредѣляющихъ внутренній распорядокъ ихъ дѣятельности, можетъ иногда пройти незамѣтно и безъ послѣдствій; нерѣдко создается даже „канцелярскій обычай“ расходящійся съ закономъ и *de facto* отмѣняющій его. Наоборотъ, въ дѣлѣ самоуправленія, покоящемся на принципѣ гармоническаго взаимодействія двухъ другъ отъ друга отличныхъ и самостоятельныхъ факторовъ, земства или города и администраціи, всякое, хотя бы и малѣйшее нарушеніе закона необходимо влечетъ за собою порчу многоколеснаго и сложнаго механизма, разстройство и даже пріостановку его функцій; ибо законъ—и только законъ—можетъ создать тотъ безусловно необходимый, —опредѣленный и прочный—порядокъ, когда обязанностямъ и правамъ одного органа соотвѣтствуютъ права и обязанности другого.

Н. Владиміровъ.

Обзорніе гражданской кассационной практики за 1898 годъ.

Юридическая природа акціонерныхъ компаній и насевыхъ товариществъ. Право отчужденія насевъ и акцій.

Широкое развитіе акціонернаго строя въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе и вмѣстѣ съ тѣмъ крайне неудовлетворительная нормировка этого института въ законѣ должны были создать на практикѣ массу затрудненій, вызвать разнообразныя процессы, разрѣшеніе которыхъ представляетъ серьезныя трудности для судовъ. Въ послѣднее время въ судебныхъ учрежденіяхъ возникло дѣйствительно довольно много дѣлъ по вопросамъ акціонернаго права. Одно изъ нихъ, восходившее на разсмотрѣніе гражданского кассационнаго департамента, опублико-

вано въ собраніи рѣшеній за 1898 годъ (№ 31). Дѣло это представляетъ значительный принципальный интересъ. Одинъ изъ пайщиковъ (Н. Игумновъ) товарищества Ярославской мануфактуры, послѣ заявленія правленію товарищества о желаніи продать пять паевъ товарищества по 20,000 за пай, и въ виду отказа товарищей отъ ихъ приобрѣтенія по этой цѣнѣ, продалъ эти пай стороннему лицу (Конюкову), о чемъ на паяхъ и были сдѣланы надписи. Считая себя правильнымъ приобрѣтателемъ паевъ, Конюковъ предъявилъ къ обществу искъ, требуя дивидендъ за 1895 г. Московская судебная палата признала искъ подлежащимъ удовлетворенію по слѣдующимъ соображеніямъ. Порядокъ перехода паевъ опредѣляется §§ 11 и 12 устава товарищества. По § 11 „владѣлецъ паевъ, желающій продать принадлежащіе ему пай, можетъ уступить ихъ, безъ предварительнаго увѣдомленія о томъ правленію, другому пайщику по взаимному съ нимъ соглашенію, или же обязывается увѣдомить о своемъ желаніи правленіе, которое немедленно объявляетъ о томъ прочимъ владѣльцамъ паевъ, причемъ, если никто изъ нихъ въ теченіе мѣсяца со дня подачи о томъ продавцемъ объявленія не приобрѣтетъ предлагаемыхъ къ продажѣ паевъ по цѣнѣ, опредѣленной по взаимному съ продавцемъ соглашенію, то владѣлецъ паевъ можетъ распорядиться продажою ихъ въ стороннія руки по своему усмотрѣнію“. Согласно § 12 „передача паевъ отъ одного владѣльца къ другому, а также стороннимъ лицамъ дѣлается передаточною надписью на паяхъ, которые при соотвѣтственномъ объявленіи должны быть предъявлены правленію для отмѣтки передачи въ его книгахъ. Само правленіе дѣлаетъ передаточную надпись на паяхъ только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ п. 1 ст. 2167 т. X ч. I св. зак. и по судебному опредѣленію“. Такъ какъ требованія устава при продажѣ акцій были Игумновымъ соблюдены, пайщики отъ преимущественнаго права приобрѣтенія паевъ отказались, то онъ и имѣлъ право продать пай въ стороннія руки. Эта продажа удостоверена требуемымъ уставомъ способомъ, а потому право на означенные пай должно почитаться перешедшимъ къ Конюкову. Повѣренный отвѣтчика цѣлымъ рядомъ доказательствъ старался установить явную чрезмѣрность той цѣны, которую требовалъ Игумновъ. Судебная палата нашла, что всѣ эти соображенія „несомнѣтельны и не могутъ поколебать заключенія палаты о совершившемся переходѣ пяти паевъ къ Конюкову... Прежде всего со стороны отвѣтчика не доказано, чтобы побудительною причиною къ заключенію сдѣлки... между Конюковымъ и Игумновымъ было достиженіе цѣли, запрещенной закономъ... Вопросъ о чрезмѣрности цѣны и о дѣйствительной стоимости пая могъ бы имѣть значеніе, если бы почему либо споръ по этому предмету возбужденъ былъ са-

мыми участвовавшими въ сдѣлкѣ сторонами, но въ настоящемъ дѣлѣ споръ возбужденъ третьимъ лицомъ... О выгодности или невыгодности сдѣлки не можетъ быть рѣчи, если она заключена между правоспособными лицами по взаимному соглашенію и если никто изъ нихъ сдѣлки не опорачиваетъ... Такимъ образомъ доводы повѣреннаго отвѣтчика о фиктивности сдѣлки... представляются недостаточно обоснованными“. Въ кассационной жалобѣ отвѣтчикъ указывалъ слѣдующіе кассационные доводы: 1) Неправильность признанія тождественными паевыхъ товариществъ и акціонерныхъ компаній. 2) Неправильное толкованіе §§ 11 и 12 устава. 3) Неправильность признанія неприемлимой первой части ст. 548 и нарушение ст. 1529 X т. I ч. отказомъ въ признаніи сдѣлки о продажѣ паевъ фиктивной. Правительствующій Сенатъ отвергнулъ всѣ эти доводы, согласившись съ соображеніями палаты и признавъ, между прочимъ, что „въ дѣйствительности никакого различія между паевыми товариществами и акціонерными компаніями не существуетъ... въ самомъ законѣ указано, что терминъ пай и акція смѣшиваются“. Положеніе это, по нашему мнѣнію, совершенно правильное, подкрѣпляется въ рѣшеніи теоретическими соображеніями. Правительствующій Сенатъ полагаетъ, что „основой паеваго товарищества, какъ и акціонерной компаніи, является ограниченная отвѣтственность. Поэтому и всѣ остальные принадлежности и условія существованія акціонерныхъ компаній и паевыхъ товариществъ должны быть однѣ и тѣ же, поскольку онѣ не опредѣлены иначе въ частныхъ уставахъ товариществъ...; этимъ принципомъ все обуславливается, отъ этого принципа зависитъ весь строй и организація товарищества. Если пайщикъ отвѣчаетъ только своимъ вкладомъ и сверхъ онаго не несетъ никакой отвѣтственности, то для паеваго товарищества совершенно безразлично, кто бы ни внесъ этотъ капиталъ..., т. е., паевое товарищество не можетъ и не должно интересоваться личнымъ составомъ пайщиковъ... Такимъ образомъ свобода отчужденія паевъ и безпрепятственный переходъ ихъ отъ одного лица къ другому вытекаетъ изъ того же принципа ограниченной отвѣтственности. Этимъ руководствовались и составители устава товарищества Ярославской мануфактуры, устанавливая свободное распоряженіе паями“. Несомнѣнно, что ограниченная отвѣтственность акціонеровъ является однимъ изъ характерныхъ признаковъ акціонерной формы предпріятія. Но отсюда еще не слѣдуетъ, что этимъ принципомъ все обуславливается въ рассматриваемой формѣ товарищества, и что отъ этого принципа зависитъ весь строй и организація товарищества.

Мнѣніе это, очень распространенное среди людей практики, находящее себѣ нѣкоторую поддержку и въ научныхъ изслѣдованіяхъ объ

акціонерныхъ компанійхъ, представляется намъ по существу совершенно неправильнымъ. Та или другая отвѣтственность участниковъ товарищества не есть нѣчто извнѣ привносимое въ товарищескую организацію, но, наоборотъ, тѣсно связано съ разными особенностями товарищеской организаціи. Если несомнѣнно, что характеръ отвѣтственности участниковъ обуславливаетъ собой съ необходимостью цѣлый рядъ особенностей въ организаціи самого товарищества, то, съ другой стороны, тѣ или другія особенности товарищества безусловно требуютъ примѣненія принципа ограниченной отвѣтственности участниковъ. Уже по этому одному нельзя выдвигать ограниченную отвѣтственность участниковъ, какъ единственный критерій различія разныхъ формъ товариществъ. Товарищескихъ организаціи такое множество, разные элементы ихъ организаціи такъ разнообразно комбинируются между собой, что ни одна особенность не можетъ быть положена въ основу классификаціи разныхъ формъ товариществъ. И по дѣйствующимъ законодательствамъ ограниченная отвѣтственность отнюдь не является исключительной особенностью акціонерныхъ компаній. Между тѣмъ, мнѣніе о томъ, что вся организація акціонерныхъ компаній обуславливается исключительно ограниченной отвѣтственностью акціонеровъ и что паевыя товарищества тождественны съ акціонерными компаніями, потому что отвѣтственность участниковъ и тамъ и здѣсь ограничена, могло бы быть вѣрно въ томъ только случаѣ, если бы въ другихъ формахъ товарищеской организаціи ограниченная отвѣтственность участниковъ не допускалась вовсе. Въ дѣйствительности же несомнѣнною тенденціей современнаго ассоціаціоннаго строя необходимо признать возможно болѣе широкое примѣненіе ограниченной отвѣтственности участниковъ предпріятія. Быть можетъ, современное законодательство, въ отличіе отъ болѣе стараго, впадая въ противоположную крайность, слишкомъ широко признаетъ возможность разнаго рода товариществъ съ ограниченной отвѣтственностью всѣхъ участниковъ,—это вопросъ другой, но безспорно, что такого рода отвѣтственность примѣняется далеко за предѣлами акціонернаго строя. Напомнимъ разнаго типа *Genossenschaften* германскаго права, наши общества взаимнаго кредита, артели, потребительныя общества и т. д.

Вотъ почему, соглашаясь съ окончательнымъ выводомъ Сената, нельзя присоединиться къ приведеннымъ мотивамъ, послужившимъ основаніемъ этого вывода. И не говоря о томъ, что въ печатаемыхъ для руководства рѣшенійхъ Сената и мотивы, независимо отъ окончательныхъ выводовъ, представляютъ большой, даже чисто практическій интересъ, неправильность исходной точки зрѣнія отразилась во многомъ, какъ намъ кажется, и на самомъ рѣшеніи.

Исходя изъ того соображенія, что рѣшающимъ факторомъ акціонерной компаніи является ограниченная отвѣтственность, одинаковая и въ акціонерныхъ компанійхъ и въ паевыхъ товариществахъ; Сенатъ дѣлаетъ тотъ выводъ, что и здѣсь, и тамъ переменна въ составѣ пайщиковъ должна быть для предпріятія безразлична. Несомнѣнно, что ограниченная отвѣтственность участниковъ въ значительной мѣрѣ обуславливаетъ собой возможность легкой перемены состава учениковъ, но отсюда еще очень далеко до совершеннаго безразличія этого состава. Каждый знакомый съ разными формами современныхъ товарищескихъ организаціи хорошо знаетъ, что во многихъ товариществахъ съ ограниченной отвѣтственностью участниковъ передача своей доли участія или совершенно невозможна, или же очень стѣснена. Имѣются такія товарищества съ ограниченной отвѣтственностью участниковъ, въ которыхъ возможно исключеніе членовъ общимъ собраніемъ. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что и въ паевомъ, и въ акціонерномъ товариществѣ отвѣтственность участниковъ ограничена, отнюдь не предрѣшаетъ вопроса, не представляются ли эти товарищества нѣкоторою разновидностью, хотя и одного типа товарищеской организаціи. И дѣйствительно, если законъ ихъ не различаетъ, то во всякомъ случаѣ на практикѣ между этими формами существуетъ нѣкоторое различіе, главнымъ образомъ сводящееся къ тому, что связь акціонера съ компаніей менѣе прочна, нежели связь участника въ паевомъ товариществѣ съ товариществомъ. Такая болѣе тѣсная связь, насколько не искажая природы акціонерныхъ компаній, если она не идетъ до уничтоженія права при какихъ бы то ни было условіяхъ отчуждать акціи или пай, можетъ быть очень часто желательна учредителямъ товарищества, причемъ желаніе это можетъ быть порой вполне рационально. Какъ далеко идутъ порой законодательства въ этомъ допущеніи возможности стѣсненія права акціонера отчуждать свои акціи, доказываетъ послѣднее германское торговое уложеніе, признающее акціонерными компаніями товарищества сельскихъ хозяевъ для производства сахара, въ которыхъ право на акціи тѣсно связано съ землевладѣніемъ, такъ что о свободѣ отчужденія акцій не можетъ быть рѣчи.

Если мы съ такими положеніями обратимся къ разрѣшенію интересующаго насъ вопроса, то онъ окажется болѣе сложнымъ и серьезнымъ, нежели это, повидимому, былъ склоненъ признавать Прав. Сенатъ. Отчужденіе пая въ стороннія руки можетъ быть далеко не безразличнымъ для остальныхъ пайщиковъ. Поэтому, если мы въ уставѣ находимъ постановленія, въ силу которыхъ отчужденіе не предоставлено совершенно свободному усмотрѣнію пайщиковъ, то постановленіе это не должно быть

истолковано такимъ образомъ, чтобы оно потеряло всякое реальное значеніе. Согласно уставу Ярославской мануфактуры, пайщикъ можетъ продать пай не пайщику только послѣ того, какъ остальные пайщики отказались отъ его приобрѣтенія. Правда, при этомъ не сказано, что продажа стороннему лицу должна быть произведена по той самой цѣнѣ, по которой было предложено приобрѣтеніе пайщику, но такъ какъ только при этомъ условіи § 11 имѣетъ какой-либо смыслъ, то необходимо прийти къ тому выводу, что пайщикъ имѣетъ преимущественное право предъ сторонними лицами приобрѣсти пай по той же цѣнѣ. Какъ видно изъ изложенія дѣла, отвѣтчикъ, ссылаясь на явную чрезмѣрность продажной цѣны пая, старался установить фиктивность сдѣлки. Конечно, вопросъ о томъ, удалось ли ему это доказать, повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ, какъ это было правильно указано Сенатомъ, не подлежитъ, но намъ кажется, что при разрѣшеніи этого вопроса палата допустила совершенно неправильные приемы толкованія вопроса о фиктивности договора въ связи съ значеніемъ § 11 устава. Именно, палата, не соглашаясь съ доводами отвѣтника о фиктивности продажи, указываетъ, что возраженіе это не имѣетъ значенія, такъ какъ не доказано, чтобы „побудительною причиною къ заключенію сдѣлки... было достиженіе цѣли, запрещенной закономъ“. Но въ томъ то и дѣло, что указаніе на чрезмѣрность цѣны, въ связи съ указаніемъ на фиктивность сдѣлки, могло имѣть одинъ только смыслъ: отрицаніе отвѣтникомъ того, что пай проданъ по той цѣнѣ, по которой онъ показанъ проданнымъ. Съ юридической точки зрѣнія любопытно, что самый существенный въ дѣлѣ вопросъ, по какой цѣнѣ были въ дѣйствительности проданы пай, если они вообще были проданы, остался не разсмотрѣннымъ палатой, которая при разрѣшеніи спора о фиктивности сдѣлки, упустила совершенно изъ виду, что пайщики товарищества имѣютъ преимущественное право на приобрѣтеніе его пая. Поэтому, утвержденіе палаты, что вопросъ „о чрезмѣрности цѣны и о дѣйствительной стоимости пая могъ бы имѣть значеніе, если бы почему либо споръ по этому предмету возбужденъ былъ между самими участвовавшими въ сдѣлкѣ сторонами“, стоитъ въ прямомъ противорѣчій съ значеніемъ § 11 устава товарищества. Для того чтобы признать искъ подлежащимъ удовлетворенію, судъ долженъ былъ признать, что пай не только былъ въ дѣйствительности проданъ Колюкову, но былъ проданъ по той, именно, цѣнѣ, по которой Игумновъ предлагалъ его приобрѣсти остальнымъ пайщикамъ.

Намъ кажется такимъ образомъ, что значеніе § 11 устава Ярославской мануфактуры, представляющаго общій интересъ, такъ какъ онъ встрѣчается во многихъ уставахъ паявыхъ

товариществъ, не разъяснено достаточно точно въ рѣшеніи Сената, и что въ рѣшеніи палаты споръ былъ поставленъ юридически невѣрно и палата не обсудила именно того, что подлежало ея обсужденію для правильнаго разрѣшенія спорнаго вопроса.

Отмѣтимъ въ означенномъ рѣшеніи то обстоятельство, что Прав. Сенатъ безъ всякихъ колебаній призналъ, что толкованіе судомъ устава подлежитъ повѣркѣ въ кассационномъ порядкѣ. Съ такимъ разрѣшеніемъ вопроса, возбуждавшаго у насъ не мало споровъ, нельзя, по нашему мнѣнію, не согласиться.

Еще къ вопросу о законодательномъ порядкѣ.

(Возраженіе М. А. Лозина-Лозинскому).

Возражая мнѣ на статью мою „Домохозяинъ и его семья“, г. Лозинскій (см. „Право“ № 44) утверждаетъ, что Высоч. утв. мнѣнія госуд. совѣта по дѣламъ, вносимымъ „черезъ госуд. совѣтъ императорскому величеству“ въ порядкѣ ст. 118 учрежден. Пр. Сената (т. е. „когда въ общихъ собраніяхъ по дѣламъ, подлежащимъ пересмотру и пропуску министра юстиціи (ст. 157, 158 и 166) и послѣ согласительнаго предложенія его не составится узаконеннаго для рѣшенія дѣла большинства голосовъ, или когда съ рѣшеніемъ онаго не согласится министръ юстиціи, а сенаторы, по выслушаніи предложенія его, останутся при своемъ мнѣніи и министръ юстиціи также не убѣдится ихъ разсужденіями“—ст. 118 cit.; ср. ст. 23 п. 19 учр. госуд. сов.),—не имѣютъ силы interpretatio legalis, а составляютъ лишь простое рѣшеніе высшей судебной-административной инстанціи.

Взглядъ этотъ основывается: 1) на ст. 97 учр. госуд. сов. 2) ст. 67 зак. основн., и 3) на томъ, что interpretatio legalis можетъ быть установлена лишь въ порядкѣ, указанномъ ст. 201 учр. Пр. Сената, обязывающей Сенатъ, не приступая къ рѣшенію дѣла, на котораго не окажется точнаго закона, составлять лишь проектъ ихъ разрѣшенія и представлять въ государственный совѣтъ на предметъ изданія новыхъ, или дополненія, или перемѣны существующихъ узаконеній.

Относительно этихъ заявленій г. Лозина-Лозинскаго замѣтимъ прежде всего, что ст. 97 учр. госуд. сов. не говоритъ ничего ни за, ни противъ вопроса о значеніи Высочайше утв. мнѣній Государственнаго Совѣта, изданныхъ въ порядкѣ ст. 23 п. 19 учр. Госуд. Сов.

Равнымъ образомъ, ст. 67 закон. основн. не подтверждаетъ того, чтобы изданныя въ указанномъ порядкѣ (по ст. 23 п. 19 учр. госуд. сов.) Высоч. утв. мнѣнія Госуд. Совѣта имѣли характеръ и силу рѣшеній „совершенно тождественныхъ съ силой судебныхъ рѣшеній“, опредѣленной ст. 69 законовъ основныхъ. Дѣйствительно, мы знаемъ, что Государственный Совѣтъ, до изданія судебныхъ уставовъ 1864 года, имѣлъ, между прочимъ значеніе высшей судебной-административной инстанціи по частнымъ дѣламъ. То

же самое значеніе онъ продолжаетъ удерживать и въ настоящее время, имѣя въ составѣ своемъ особое присутствіе для предварительнаго разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ жалобъ на опредѣленія департаментовъ Правительствующаго Сената (ст. 217 учр. Сен.; ст. 127—137 учрежд. госуд. сов., по прод. 1895 г.). Къ издаваемымъ въ *такомъ* порядкѣ мнѣніямъ Государственнаго Совѣта, безспорно, ст. 67 закон. основн. имѣть примѣненіе. Но относится ли она и къ Высоч. утвержд. мнѣн. Госуд. Совѣта, въ порядкѣ ст. 23 п. 19 учр. госуд. сов., а равно имѣютъ ли эти послѣднія силу простого судебного рѣшенія, по ст. 69 закон. основн.,—этого г. Лозина-Лозинскій не доказалъ, а совершилъ лишь то, что логика называетъ *petitio principii*.

Мало убѣдительнымъ для насъ кажется и его утвержденіе о допустимости *interpretatio legalis* только въ порядкѣ ст. 201 учрежд. Сен. Изъ точнаго смысла этой статьи мы видимъ, что, въ порядкѣ ея, изъ Сената дѣла восходятъ въ государственный совѣтъ лишь въ томъ случаѣ, когда Сенатъ, не приступая къ разрѣшенію дѣла, на которое не окажется точнаго закона, возбуждаетъ, въ законодательномъ порядкѣ, вопросъ объ *изданіи новаго закона*, или *дополненій*, или *перемѣнъ* существующаго. Другими словами, порядокъ ст. 201 учрежд. Сен. не предусматриваетъ случая, когда Сенатъ не разрѣшаетъ дѣла, не соглашаясь въ *толкованіи существующаго закона*, въ выясненіи его точнаго смысла, когда именно онъ долженъ, согласно ст. 118 учрежд. Сен., обращаться за руководствомъ и объясненіемъ истиннаго смысла послѣдняго къ законодательному источнику—Верховной Власти, черезъ Государственный Совѣтъ. Отъ воли Монарха зависитъ въ такомъ случаѣ приказать распубликовать изложенное въ Высоч. утвержденномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта толкованіе закона *ad hoc* или же передать, по ст. 116 и слѣд. учр. Гос. Сов., Сенату, для руководства. Сомнѣваться въ обязательности для Сената такого толкованія закона и въ случаяхъ послѣдующаго примѣненія его на практикѣ по другимъ подобнымъ дѣламъ является противнымъ смыслу ст. 49 основн. закон. и ст. 197 и 200 учрежд. Сен.

Нельзя еще не замѣтить, что, какъ видно изъ приведенныхъ мною въ упомянутой статьѣ моихъ данныхъ, и до и послѣ Высоч. утв. (въ порядкѣ п. 99 ст. 23 учр. госуд. сов.) мнѣнія Госуд. Совѣта по дѣлу Армаласа Сенатъ „всегда разрѣшалъ вопросъ о субъектѣ права на земли крестьянскаго надѣла въ смыслѣ признанія таковымъ крестьянскаго двора, въ составѣ всего проживающаго въ немъ семейства“ (см. Право с. 1429 сл.). Что крестьянскій дворъ не есть „реальный фактъ крестьянской жизни, а вредная для правопорядка фикція“, „безличный синонимъ личности домохозяина“,—это, безспорно, новое открытіе г. Лозина-Лозинскаго, въ полезности и соответствіи котораго дѣйствительной жизни нашего крестьянства, позволительно думать, усомнится все, кто знаетъ народъ не изъ „туманнаго далека“, а кто видѣлъ и видитъ, какъ крѣпка еще крестьянская семья и какой все болѣе и болѣе развивающейся контроль надъ дѣятельностью домохозяина приобретаетъ она за послѣдніе годы. Что ка-

сается того, желательно или нѣтъ *de lege ferenda* разрѣшить вопросъ о крестьянскомъ дворѣ въ томъ же смыслѣ, какъ онъ разрѣшенъ въ настоящее время сенатской практикой, то, намъ кажется, достаточно убѣдительныя соображенія въ пользу утвердительнога отвѣта *ad hoc* и съ точки зрѣнія цивильной политики изложены Сенатомъ въ рѣшеніи общаго его собранія перваго и кассационныхъ департаментовъ 1897 г. за № 29.

С. П. Никоновъ.

СУДЕБНЫЕ ОТЧЕТЫ.

Правительствующій Сенатъ.

(Отъ нашего корреспонд.).

Искъ о вознагражденіи за убытки, причиненные распоряженіемъ о прекращеніи изданія.

Въ соединенномъ присутствіи гражданскаго кассационнаго и перваго департаментовъ Сената 11 декабря слушалось дѣло по иску бывшаго издателя журнала „Новое Слово“ дворянина М. Н. Семенова къ министрамъ: вн. дѣлъ д. т. с. Горемыкину, юстиціи—т. с. Муравьеву, оберъ-прокурору Свят. Синода д. т. с. Побѣдоносцеву и опеку надъ имуществомъ покойнаго министра нар. просв. графа Делянова. Обстоятельства дѣла, какъ это видно было изъ доклада, сдѣланнаго сенаторомъ Вартевымъ, таковы: Въ 1897 г., согласно распоряженію особаго совѣщанія вышеуказанныхъ гг. министровъ на основ. прим. къ ст. 148 уст. ценз. было совершенно прекращенъ издававшійся Семеновымъ журнала „Новое Слово“. Признавая означенное распоряженіе неправильнымъ, какъ постановленное вопреки прямому смыслу ст. 148 уст. ценз., по которой повременное изданіе не можетъ быть прекращено безъ предварительнаго объявленія трехъ предостереженій, Семеновъ черезъ своего повѣреннаго, прис. пов. Никонова, просилъ о возмѣщеніи ущерба, причиненаго ему неправильнымъ, по его мнѣнію, постановленіемъ.

На основ. 1319 ст. уст. гр. суд. министръ юстиціи и оберъ-прокуроръ Св. Синода представили въ правит. Сенатъ объясненія, въ которыхъ доказывалась правильность постановленія особаго совѣщанія. Постановленіе особаго совѣщанія гг. министровъ о прекращеніи журнала „Новое Слово“ было повергаемо г. министромъ внутреннихъ дѣлъ на Высочайшее Его Императорскаго Величества благовоззрѣніе, причемъ Государю Императору благоудобно было Высочайше одобрить принятую мѣру собственноручной подписью на журналѣ совѣщанія: *Согласенъ*. Присутствовавшій въ засѣданіи истецъ М. Н. Семеновъ заявилъ, что, узнавъ изъ доклада о Высочайшемъ одобреніи принятой особымъ совѣщаніемъ мѣры, онъ отъ иска отказывается.

Правительст. Сенатъ, выслушавъ заключеніе г. исп. обя. оберъ-прокурора Мясоедова, постановилъ: на осн. ст. 4 уст. гр. суд. дѣло производствомъ прекратить.

Правительствующій Сенатъ

(Отъ нашего корреспонд.).

Дѣло Николая, Оедора и Никифора Савельевыхъ и друг. по обвин. въ преступл., предусм. 189, 1 и 2 ч. 196 ст. улож. о нак.

14 декабря въ засѣданіи уголовного департамента Прав. Сената слушалось дѣло, поступившее на разсмотрѣніе Прав. Сената по касс. протесту тов.

прок. Пековского окружн. суд. и по касс. жалобъ прис. повѣр. В. И. Добровольскаго на приговоръ Пековского окружн. суда по обвиненію Николая, Федора и Никифора Савельевыхъ и друг., въ числѣ 18 человекъ, въ преступл., предусм. ст. 189 и 1 и 2 ч. 196 ул. о нак.

Вердиктомъ присяжн. засѣдателей братья Савельевы и еще 5 лицъ признаны виновными въ томъ, что посредствомъ нравственнаго воздѣйствія и уговоровъ совратили православныхъ въ штунду, и на основ. этого вердикта приговорены къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ на поселеніе въ Закавказье; Софронъ и Антипъ Антоновы и другіе 5 лицъ признаны виновными въ томъ, что въ теченіе продолжительнаго времени, съ 1893 г., принадлежа къ сектѣ штундистовъ и открыто проповѣдую свое лжеученіе православнымъ, дозволили себѣ путемъ нравственнаго воздѣйствія и общаніемъ выгодъ склонять и привлекать въ ересь много лицъ, хотя дѣйствія эти не имѣли послѣдствіемъ отпаденія кого-либо отъ православія; на основаніи чего Софронъ и Антипъ Антоновы и др. были приговорены къ разнаго рода срокамъ тюремнаго заключенія.

Въ своемъ протестѣ, тов. прокур. ходатайствуетъ объ отмѣнѣ приговора въ части, касающейся опредѣленія наказанія шести лицамъ второй категоріи, доказывая, что судъ, неправильно толкуя Всемирно-христіанскіе манифесты отъ 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 г., назначилъ этимъ подсудимымъ наказаніе тяжелѣе того, какому они подлежатъ.

Прис. пов. Добровольскій въ своей касс. жалобѣ выставляетъ много весьма разнообразныхъ основаній, по которымъ приговоръ подлежитъ отмѣнѣ въ касс. порядкѣ:

Нарушеніе 575, 612, 733 ст. уст. уг. суд.

Въ періодъ подготовительныхъ къ суду распоряженій нѣкоторые изъ подсудимыхъ ходатайствовали о вызовѣ въ качествѣ свидѣтелей въ судебное засѣданіе цѣлой группы лицъ, въ совращеніи которыхъ эти подсудимые обвинялись. Свидѣтели эти, какъ это объяснено было въ прошеніи подсудимыхъ, должны были доказать, что они пропагандой штунды не занимались, и что религіозныя взгляды, которые они высказывали этимъ свидѣтелямъ, не составляютъ отпаденія отъ православія. Окружный судъ въ ходатайствѣ подсудимымъ отказалъ, мотивируя свой отказъ тѣмъ: 1) что факты, которые должны выяснить свидѣтели, являющіеся показаніемъ отрицательнымъ; 2) что выясненіе религіозныхъ взглядовъ подсудимыхъ составить предметъ экспертизы, и 3) что вообще доказанія этихъ свидѣтелей не имѣютъ никакого значенія для дѣла. Но мнѣнію кассатора, нельзя считать отрицательнымъ показаніе свидѣтеля, который долженъ доказать, что его не совращали въ ересь, когда именно это совращеніе вмѣняется въ вину подсудимымъ. Далѣе, роль эксперта понимается судомъ неправильно, онъ долженъ былъ дать заключеніе о вѣроученіи, въ распространеніи котораго обвинялись подсудимые, но на основаніи фактическаго матеріала, который должны были доставить показанія свидѣтелей, и на первомъ планѣ тѣхъ изъ нихъ, совращеніе которыхъ вмѣнялось подсудимымъ въ вину.

Нарушеніе ст. 696 и 697, 1 п. 630 и 733 уст. уг. суд.

Экспертъ, священникъ Лавровскій, удостовѣрилъ, что штундисты употребляютъ евангеліе безъ креста и съ подчеркнутыми мѣстами. Подсудимые вынули имѣвшіяся при нихъ евангелія и просили ихъ осмотрѣть. Предсѣдатель отказалъ въ виду того, что евангелія эти не приобщены къ дѣлу. Заявленіе же подсудимыхъ о томъ, что неправильность утвержденій эксперта можетъ быть удостовѣрена и осмотромъ тѣхъ евангелій, которыя были у нихъ отобраны при предварительномъ слѣдствіи, было оставлено судомъ безъ обсужденія.

Нарушеніе 189 и 196 ст. улож. о нак., 751 и 760 ст. уст. уг. суд.

Обвинительный актъ описываетъ вѣроученіе, въ распространеніи котораго обвинялись подсудимые, такимъ образомъ: они отрицали священные обряды, таинства, поклоненіе иконамъ и мощамъ, отрицали необходимость хожденія въ церковь, соблюденіе постовъ, осѣненіе себя крестнымъ знаменіемъ, утверждали, что для спасенія достаточно одной только вѣры, устраивали собранія, на которыхъ занимались произвольнымъ толкованіемъ евангелія. Лжеученіе это распространялось подъ именемъ евангельской вѣры. Всѣ эти отступленія отъ православія, очевидно, чисто религіозно-догматическаго характера, никакихъ элементовъ соціально-общественнаго или государственнаго характера не содержатъ. И во время предварительнаго слѣдствія, и на судебномъ засѣданіи, хотя они не имѣли къ тому достаточно возможности, благодаря запрещенію предсѣдателя, подсудимые доказывали, что между ихъ вѣроученіемъ и штундой ничего общаго нѣтъ. Экспертъ, неправильно подводя это вѣроученіе подъ штунду, охарактеризовалъ послѣднюю, какъ секту, отрицающуюся относительно существующему государственному строю. И это заключеніе легло въ основаніе вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ, такъ какъ въ этихъ вопросахъ были употреблены выраженія: „принадлежитъ къ сектѣ штундистовъ“, „совратить въ штунду“. Такимъ образомъ, ст. 760 уст. уг. суд. существенно нарушена: вмѣсто опредѣленія преступленія существенными признаками и въ выраженіяхъ общепонятельныхъ, допущено въ вопросахъ употребленіе понятія спеціальнаго, содержаніе котораго не совпадаетъ съ существенными признаками того вѣроученія, исповѣданіе котораго вмѣняется въ вину подсудимымъ.

Кромѣ перечисленныхъ, кассаторъ указываетъ и цѣлый рядъ другихъ нарушеній ст. 613, 612, 802 и др. уст. уг. суд.

Такъ, когда экспертъ, священникъ Лавровскій, кончилъ свое заключеніе о штундѣ, то подсудимые, имѣя въ виду опровергнуть тѣ элементы чисто соціальнаго характера, которые были приписаны ихъ вѣроученію, стали это высказывать, но были остановлены предсѣдателемъ, заявившимъ, что онъ не можетъ дозволить имъ проповѣдывать ихъ лжеученіе. Постановленіе суда по замѣчаніямъ, сдѣланнымъ на протоколъ судебного засѣданія, говорить по этому поводу, что *во время допроса* эксперта подсудимые вступали въ пререканія съ нимъ по вопросамъ вѣры, на что предсѣдатель замѣтилъ, что они съ экспертомъ спорить не должны, но могутъ предлагать ему вопросы. Въ отдѣльномъ мнѣніи одного изъ членовъ суда, приложенномъ къ постановленію суда, удостовѣряется, что предсѣдатель остановилъ подсудимыхъ *послѣ допроса* эксперта, заявивъ имъ, что не можетъ быть допущенъ религіозный споръ съ экспертомъ, но что они могутъ предлагать вопросы.

Кассаторъ далѣе указываетъ, что послѣ допроса свидѣтеля, священника Спарева, подсудимые представляли свои возраженія, и предсѣдатель замѣтилъ присяжнымъ засѣд.: „вы сами знаете, кому можно болѣе вѣрить: священнику или лицу, сидящему на скамьѣ подсудимыхъ“. Въ напутственномъ словѣ присяжн. засѣд. предсѣдатель выразился такъ: „вы слыхали, присяжные засѣдатели, какая вредная секта-штунда и насколько она грозитъ разрушеніемъ государственному строю, и вы бы нарушили присягу, если бы ихъ оправдали“.

Послѣднія нарушенія постановленіемъ суда не подтверждаются: частью приписываемыя предсѣдателю выраженія не были имъ употребляемы, частью не имѣли того смысла, который имъ придаютъ подсудимые.

Присяжн. повѣр. В. И. Добровольскій, поддерживая кассац. жалобу въ полномъ объемѣ, особенно подробно остановился на тѣхъ нарушеніяхъ, которыя привели къ невозможности для подсудимыхъ

выяснить суду сущность преступленія, въ которомъ они обвинялись. Это произошло вслѣдствіе неправильнаго толкованія ст. 575 и 576 уст. уг. суд. Если мотивы отказа въ вызовѣ свидѣтелей въ данномъ случаѣ неправильны даже съ точки зрѣнія установившейся сенатской практики толкованія ст. 575 и 576 уст. уг. суд. *прежней редакціи*, то все же данное дѣло показываетъ, что сохраненіе такого толкованія этихъ статей въ ихъ *новой редакціи* 1896 г. является крайне нефлесообразнымъ. Рѣшеніе Сената по дѣлу Колесниковыхъ не можетъ почитаться разрѣшающимъ вопросъ, и съ новой силой онъ возстаетъ передъ Правит. Сенатомъ.

Оберъ-прокуроръ В. К. Случевскій въ своемъ заключеніи признавалъ, что судомъ не допущено нарушенія ст. 196 ул. о нак. и 751, 760 ст. уст. уг. суд. въ виду отсутствія возраженій противъ редакціи вопросовъ, предложенныхъ на разрѣшеніе присяжнымъ засѣдателямъ. Употребленіе въ вопросахъ присяж. засѣд. словъ „штунда“, „секта штундистовъ“ въ данномъ дѣлѣ не было нарушеніемъ ст. 760 уст. уг. суд. Понятіе „штунда“ — общеизвѣстно, употребляется въ обыденной жизни. Сенатъ уже въ 1878 г. (№ 36) разъяснилъ, что употребленіе въ вопросахъ выраженія „скопческая ересь“ не представляетъ нарушенія ст. 760 уст. уг. суд. Заявленіе со стороны подсудимыхъ, что въ имѣющихся у нихъ евангеліяхъ и въ приобщенныхъ къ дѣлу не имѣется тѣхъ особенностей, на которыя указывалъ экспертъ, есть не что иное, какъ ходатайство объ осмотровѣ вещественныхъ доказательствъ, и судъ не имѣлъ права ни отказать въ этой просьбѣ, ни оставить ее безъ обсужденія, тѣмъ болѣе, что подсудимые были на судѣ безъ защитниковъ и не могли, слѣдов., строго юридически формулировать свои требованія. Такимъ образомъ, судъ несомнѣнно нарушилъ правила 696 и 697 ст. уст. уг. суд. Столь же важнымъ оберъ-прокуроръ призналъ нарушеніе ст. 575 у. у. с. Показанія свидѣтелей, о вызовѣ которыхъ ходатайствовали подсудимые, были весьма важны, и судъ въ мотивировкѣ отказа, очевидно, смѣшалъ отрицательную форму съ весьма положительной сущностью. При распространеніи толкованія, допущеннаго въ своемъ опредѣленіи судомъ, пришлось бы отказывать и въ вызовѣ свидѣтелей, должествующихъ удостоверить алиби подсудимаго, такъ какъ и подобныя ходатайства имѣютъ отрицательную форму: доказывається, что подсудимый не былъ на мѣстѣ преступленія во время его совершенія.

Въ виду сего г. оберъ-прокуроръ полагаетъ приговоръ Псковскаго окружнаго суда отмѣнить.

Было предоставлено также слово присутствовавшему въ засѣданіи одному изъ подсудимыхъ, Гурію Александрову, который заявилъ, что, какъ онъ, такъ и его товарищи признаютъ власти, начальниковъ, молятся за нихъ, а вѣрують они, какъ ихъ учить евангеліе и св. отцы.

Послѣ весьма продолжительнаго совѣщанія, Пр. Сенатъ постановилъ: рѣшеніе пр. засѣдателя и приговоръ Псковскаго окружнаго суда отъ 28 сентября 1899 г., за нарушеніемъ 575, 612, 630, 683, 696, 697, 750 и 760 ст. уст. уг. с. отмѣнить и дѣло, для новаго его разсмотрѣнія, передать въ С.-Петербургскій окружный судъ.

Кромѣ того, состоялось особое опредѣленіе объ освобожденіи изъ подъ стражи, находящихся въ Островской тюрьмѣ Николая, Феодора и Николора Савельевыхъ, Константина Егорова и другихъ обвиняемыхъ по настоящему дѣлу, съ замѣною другой мѣрою пресѣченія; указъ о семъ Псковскому окр. суду отосланъ 14 декабря.

Правительствующій Сенатъ.

(Отъ нашего корреспондента).

Засѣданіе гражд. касс. департамента 15 декабря.

I.

(Право родственниковъ предъявлять споръ противъ законнорожденности лица, родившагося во время состоянія матери его въ бракѣ).

Въ исковомъ прошеніи повѣренный Александра Константиновича Глѣбова объяснилъ, что въ 1881 году умерла Глафира Сокологорская и къ имуществу ея утверждены въ правахъ наслѣдства двѣ ея дочери: Анна Лишина (отъ 1-го брака) и Ольга Макшеева-Мапонова (отъ 2-го брака). Между тѣмъ, у покойной наслѣдодательницы была еще дочь Александръ, бывшая замужемъ за Константиномъ Глѣбовымъ. 11 апрѣля 1865 года она родила въ Парижѣ сына (истца по настоящему дѣлу), а чрезъ недѣлю умерла. Ребенокъ былъ крещенъ 25 апрѣля по католическому обряду, затѣмъ увезенъ въ Россію теткою Анной Лишиной, а въ 1875 г. присоединенъ къ православію. Находя, что этому внуку умершей Глафиры Сокологорской, Александру Глѣбову, по праву представленія его матери, принадлежитъ третья часть въ наслѣдствѣ, — повѣренный его просилъ судъ объ утвержденіи его въ этихъ правахъ.

Въ отвѣтъ на исковое прошеніе отвѣтчицы Анна Лишина и Ольга Макшеева-Мапонова, отвергая всѣ требованія истца, объяснили, что сестра ихъ, Александръ, вышедши въ 1848 г. замужъ за Глѣбова, вскорѣ послѣ замужества должна была оставить своего мужа, и живя въ теченіе слишкомъ 14 лѣтъ отдѣльно отъ мужа, она въ 1865 году родила сына. Отецъ его Францъ-Ахиллъ Виаллатъ призналъ его своимъ сыномъ и выхлопоталъ ему актъ рожденія, въ которомъ родившійся былъ записанъ сыномъ Ф. А. Виалтата и Александры Гуржеевой, „не состоящихъ въ бракѣ“. Въ 1875 г. онъ по собственному желанію былъ присоединенъ къ православію съ оставленіемъ имени Александра и фамилии Виаллатъ. Въ концѣ 1893 года, перемѣнивъ свое званіе, отчество и фамилію, онъ предъявилъ настоящій искъ.

Одесская судебная палата нашла, что установленное въ 119 ст. X т. 1 ч. законное предположеніе въ пользу дѣтей, рожденныхъ при существованіи брака, могло бы быть принято, если бы рожденіе истца произошло при обстоятельствевахъ, установленныхъ закономъ для союза брачнаго; что, по 103 ст. X т. 1 ч., супруги обязаны жить вмѣстѣ, а изъ дѣла видно, что въ 1850 г. Глѣбовъ выдавъ своей женѣ отдѣльный видъ на жительство и что въ продолженіи 1862, 1863 и 1864 гг. Константинъ Глѣбовъ жилъ отдѣльно отъ жены, причемъ палата установила, что истецъ не могъ произойти отъ союза Глѣбовыхъ; что онъ не доказалъ своего иска въ противствіе ст. 366 уст. гр. суд., — указаніе же на отсутствіе иска о незаконности со стороны К. Глѣбова лишена значенія, ибо истецъ на имя Глѣбова записанъ не былъ и со дня рожденія до 1893 г. носилъ фамилію Виаллата; что и отвѣтчица не имѣла повода къ предъявленію иска, ибо истецъ въ теченіе болѣе 30 лѣтъ именовался Виаллатомъ, а не Глѣбовымъ, когда же онъ возбудилъ настоящій искъ въ 1893 году, а ранѣе сего исходатайствовалъ себѣ въ духов. консисторіи актъ о рожденіи и присоединеніи къ православію, въ коихъ онъ названъ сыномъ К. Глѣбова, — то настоящія отвѣтчицы возбудили въ С.-Петерб. окр. судѣ искъ о признаніи его незаконнорожденнымъ, каковой искъ впоследствии прекращенъ, и что, во всякомъ случаѣ, отвѣтчицы не могутъ быть лишены права въ настоящемъ процессѣ утверждать, что истецъ не доказалъ происхожденія своего отъ К. Глѣбова. Посему Одесская суд. палата оставила въ силѣ рѣшеніе окр. суда, коимъ въ искѣ Глѣбову отказано.

Принесенная повѣреннымъ истца кассационная жалоба указывала на нарушение палатою 119 и 120 ст. X т. 1 ч. и 1348—1353 ст. уст. гр. суд. и возбудила въ Правительствующемъ Сенатѣ слѣдующій вопросъ: *искъ о наследствѣ лица, рожденнаго замужнею женщиною, — вправѣ ли ея родственники оспорить тѣмъ, что истецъ былъ зачатъ ею не отъ мужа?*

Докладывалъ дѣло сенаторъ Г. П. Монастырскій. Заключение давалъ исп. об. оберъ-прокурора Н. Н. Мясоедовъ.

Словесныя объясненія давали повѣренные Глѣбова прис. пов. А. Н. Турчаниновъ и Л. Я. Лозинскій, повѣренный Макшеевой-Машоновой прис. пов. А. Я. Пасоверъ и повѣренный Лишиной прис. пов. В. В. Самарскій-Выховецъ.

Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: кассационную жалобу оставить безъ послѣдствій.

II.

Отвѣтственность крестьянскаго имущества за долги отдѣльныхъ членовъ крестьянскаго двора.

Крестьянинъ Иванъ Старыкашкинъ просилъ мирового судью признать за нимъ право собственности на принадлежащее ему имущество, описанное суд. приставамъ на удовлетвореніе взысканія съ сына его, Тараса Старыкашкина, и таковое отъ описи и продажи освободить. Мировой судья удовлетворилъ искковыя требованія. Съѣздъ миров. судей нашелъ, что, какъ установлено по дѣлу, Тарасъ Старыкашкинъ живетъ при отцѣ, который, хотя и является хозяиномъ имущества, но, не состоя съ первымъ ни въ какомъ раздѣлѣ, является не единственнымъ владѣльцемъ, а соучастникомъ во владѣніи имущества всею семьею. А потому и руководствуясь разъясненіемъ 1 деп. Пр. Сената отъ 4 февраля 1886 г. № 460, опредѣлилъ: рѣшеніе судьи отменить и въ искѣ крестьянина Ивана Старыкашкина отказать.

По кассационной жалобѣ истца возбужденъ въ департаментѣ вопросъ:

Крестьянское имущество, составляя общую собственность крестьянской семьи, отвѣчаетъ ли за долги каждого ея члена?

Вопросъ этотъ былъ переданъ на разсмотрѣніе общаго собранія 1, 2 и кассационныхъ департаментовъ Правит. Сената, въ засѣданіи котораго 8 февраля 1899 г. было разъяснено, что крестьянская рабочая семья, или крестьянскій дворъ (хозяйство на надѣльной землѣ), составляетъ не простую совокупность лицъ, имѣющую на принадлежащее ей имущество право общей собственности въ смыслѣ 550—555 ст. X т. 1 ч. зак. гр., а особаго рода союзъ существуетъ—никто изъ отдѣльныхъ членовъ не имѣетъ права на какую-либо опредѣленную часть — „свой жеребій“ (рѣш. общ. собр. 1, 2 и кассац. д-товъ 1895 г. № 45, 1897 г. № 29 и др.), почему и самое имущество то не подлежитъ отвѣтственности за всякіе долги каждого въ отдѣльности совладѣльца въ ономъ (1188 и слѣд. уст. гр. суд.), а должно служить исключительно интересамъ двора и, слѣдовательно, отвѣтствовать, и то въ указанныхъ закономъ (прил. къ 24 ст. общ. пол.) предѣлахъ, лишь за долги, сдѣланные семьею въ совокупности или хотя и отдѣльнымъ членомъ ея, но не иначе, какъ въ ея интересахъ, или, по крайней мѣрѣ, съ ея вѣдома и согласія.

Въ засѣданіи гражд. кассац. департамента докладывалъ дѣло сенаторъ А. В. Гуляевъ. Заключение давалъ исп. об. тов. оберъ-прокурора Н. Н. Энденъ.

Правит. Сенатъ опредѣлилъ: рѣшеніе Невельскаго мирового съезда отменить по нарушенію ст. 22 общ. полож. о крест. (особ. прил. къ т. IX св. зак.) и ст. 184 X т. 1 ч. св. зак. и дѣло передать для новаго разсмотрѣнія въ Витебскій мировой съездъ.

III.

По дѣлу Лишица съ Странцъ, съ Грешкевичами и по однороднымъ дѣламъ его же съ гр. Мельжинскимъ и др. Пр. Сенатъ призналъ, что, по законамъ Царства Польскаго, фактическое владѣніе третьяго лица частію ипотекваннаго имѣнія не можетъ служить основаніемъ къ освобожденію, въ частномъ порядкѣ по жалобѣ того лица на дѣйствія судебнаго пристава, отъ описи онаго за долгъ явнаго по ипотекѣ собственника того имѣнія?

IV.

По дѣлу Кудьякъ съ Кранцомъ Пр. Сенатъ призналъ, что разъясненіе Пр. Сената по 4 п. 29 ст. уст. гр. суд. о недопустимости исковъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія отъ имени одного арендатора къ другому арендатору того имѣнія (1879 г. № 182, 1878 г. № 160 и др.) примѣнимо къ искамъ о возстановленіи нарушеннаго владѣнія, предъявляемымъ въ силу 3 п. 1489 ст. того же устава (ст. 1725—1727 гр. код.).

V.

Въ дополненіе судебнаго отчета, помѣщеннаго въ прошломъ номерѣ, слѣдуетъ еще указать, что по дѣлу Феодосьевыхъ Пр. Сенатъ оставилъ кассационную жалобу безъ послѣдствій, руководствуясь слѣдующимъ положеніемъ, принятымъ въ совѣщательномъ засѣданіи гр. сенаторовъ гражданскаго кассационнаго департамента:

„Если обнаружится при производствѣ распределенія земель по участкамъ (п. 7 прил. къ 1400 ст. уст. гр. суд.), что не всѣ владѣльцы были вызваны къ первоначальному производству о размежеваніи (п. 3), то производство и распределеніе земель подлежитъ прекращенію.

Кіевская судебная палата.

Дѣло бр. Скитскихъ.

(Отъ нашего корреспондента).

16 декабря, въ 10½ часовъ утра, въ Полтавскомъ окр. судѣ открылось засѣданіе выездной сессіи Кіевской судебн. палаты съ словесными представителями по обвиненію братьевъ С. Л. и П. Л. Скитскихъ въ убійствѣ секретаря Полтавской духовной консисторіи А. Я. Комарова (обвиняемые были доставлены въ зданіе суда въ 7 час. утра).

Предсѣдательствуетъ ст. предсѣдатель Кіевской судебн. палаты А. М. Кузьминскій. Обвинитель—товарищъ прокурора Кіевской суд. палаты С. П. Александровъ-Дальникъ. Повѣренный истицы Комаровой московскій пр. повѣренный В. В. Выховскій.

Защитники: пр. повѣренные Н. П. Карабчевскій и Б. П. Куликовъ и частн. повѣренный М. Д. Зеленскій. Свидѣтелей нежившихся оказалось 20.

Товарищъ прокурора, находя показанія нѣкоторыхъ свидѣтелей существенными, просилъ отложить слушаніе дѣла.

Повѣренный гр. истицы присоединяется къ мнѣнію тов. прокурора въ виду неудобства производить теперь осмотръ. Такое же ходатайство заявляютъ Н. П. Карабчевскій и Б. П. Куликовъ.

Защитникъ же М. Д. Зеленскій проситъ дѣло слушаніемъ не откладывать, такъ какъ обвиняемые и безъ того уже слишкомъ утомлены и обезсилены тюремнымъ заключеніемъ. Послѣ получасоваго совѣщанія суд. палата постановила дѣло слушаніемъ отложить.

Защитникъ Б. П. Куликовъ дѣлаетъ слѣдующее заявленіе:

Мнѣ объявлено, что къ разсмотрѣнію въ настоящемъ уголовномъ дѣлѣ принять гражданскій

искъ, и Комарова допущена гражданской истицей. По ст. 7 уст. уг. суд., гр. искъ можетъ быть заявленъ лишь до открытія по дѣлу судебного засѣданія. Пр. Сенатъ нашелъ, что если засѣданіе не состоялось, то искъ можетъ быть заявленъ до открытія новаго засѣданія, но въ настоящемъ случаѣ по дѣлу было уже два засѣданія, и оба эти засѣданія состоялись. Мы можемъ десерь, въ случаѣ надобности, читать показанія свидѣтелей, данныя въ тѣхъ засѣданіяхъ. Въ случаѣ обвиненія, Скитскимъ нельзя назначить болѣе 12 лѣтъ каторги. Наконецъ, 928 ст. говоритъ о томъ, что дѣло, по которому приговоръ отмѣненъ, передается вновь для новаго производства съ того дѣйствія, которое послужило поводомъ кассациіи. Такимъ образомъ, нельзя считать несуществующимъ производство, приговоръ по которому отмѣненъ, съ тѣмъ производствомъ надо считаться...

„Обвинитель не жаловался, а дѣло вновь разсматривается по просьбѣ подсудимыхъ, поэтому не должно быть вносимо новое процессуальное отягченіе, осложненіе для нихъ. Между тѣмъ участіе гражданской истицы является болѣшимъ осложненіемъ... Прежде всего вообще это есть новый обвинитель; но въ особенности ярко видно это новое осложненіе изъ того, что на приговоръ теперь можетъ быть принесена гр. истцомъ касс. жалоба.

„По симъ соображеніямъ я покорнѣйше прошу не принимать этого гражданского иска къ разсмотрѣнію въ настоящемъ уголовномъ дѣлѣ.

Н. П. Карабчевскій заявилъ ходатайство о томъ, чтобы мѣра пресѣченія, примѣненная къ Скитскимъ, была измѣнена. Всѣ защитники предлагаютъ поручительство въ видѣ залога, въ суммѣ по опредѣленію палаты.

Тов. прокурора признаетъ невозможнымъ измѣнить мѣру пресѣченія, опредѣленную уже палатой.

Повѣренный истцы: „Гг. судьи, говорить передъ вами обиняками, скрывать истинные мотивы появления моего здѣсь я считаю дѣломъ неприличнымъ и недостойнымъ судебного дѣятеля. Да, довѣрительницу мою вынудили появиться здѣсь мотивы нравственнаго свойства: она горько сожалѣетъ, что сдѣлала огромную ошибку, не выступивъ въ первыхъ процесссахъ. Безъ слезъ я не могу говорить о томъ ужасномъ положеніи, въ которомъ очутилась эта несчастная женщина; но, вѣдь, вы, господа защитники, обязаны самимъ себѣ моимъ появленіемъ здѣсь“...

Председатель прерываетъ гражданского истца на поминаніемъ обращаться къ палатѣ, а не къ защитникамъ и вообще воздерживаться отъ подобныхъ выраженій, рекомендуя руководствоваться этимъ на поминаніемъ и на будущее время.

Повѣр. гр. истцы: „Простите... простите... Но я нахожусь теперь въ сильномъ волненіи: довѣрительница моя обязана передъ памятью своего мужа и собою выступить здѣсь гражданской истицей. Защита ссылается на ст. 7-ю устава уголов. суд. и развиваетъ теорію о недопущеніи гражданского иска послѣ кассациіи первоначальнаго приговора. Однако, въ уставѣ угол. суд. я нахожу опору моему гражданскому иску; важно лишь заявить искъ въ такое время, чтобы противная сторона знала о томъ, а судъ могъ приступить къ разсмотрѣнію его,—этотъ моментъ существуетъ и въ настоящемъ дѣлѣ: вѣдь судебное слѣдствіе и теперь начнется съ первоначальнаго момента предъявленія обвиненія подсудимымъ. По смыслу закона, гражданскому истцу вовсе не принадлежитъ право обвинять въ собственномъ смыслѣ этого слова.

А затѣмъ, жестоко ошибаются тѣ, которые думаютъ, что обвиненіе Скитскихъ во что бы то ни стало является цѣлью гражданского иска. Это не такъ! Но объ этомъ мы поговоримъ въ будущемъ. Судьба Скитскихъ для меня безразлична, поскольку она касается участія нашего въ этомъ процессѣ. Что же касается соображеній о кассационной жало-

бѣ, то они нисколько не могутъ касаться первоначальнаго момента самаго предъявленія гражданского иска.

Въ силу соображеній юридическаго, бытового и, главное, нравственнаго свойства, я прошу палату допустить мою довѣрительницу къ участію въ дѣлѣ“.

Н. П. Карабчевскій. „Относительно возраженія г. повѣреннаго гражданского истца, деютирующаго по поводу чисто процессуальнаго вопроса съ мелодраматическимъ эффектомъ и пролітиемъ слезъ, во время, впрочемъ, остановленнаго г. предѣдателемъ, я вынужденъ сказать нѣсколько словъ, чтобы поддержать заявленіе моего товарища.

„Настоящее засѣданіе по дѣлу бр. Скитскихъ является несомнѣнно не первымъ засѣданіемъ по дѣлу, почему, по буквальному смыслу цитированной имъ ст. закона, время для заявленія гражданского иска представляется несомнѣнно упущеннымъ.

„Процессуальное значеніе первыхъ 2-хъ засѣданій по приговорамъ, кассированнымъ Сенатомъ, не можетъ почитаться вовсе аннулированными.

„Госпожа Комарова, будучи допущена только теперь гражданской истицей, будетъ изучать свои собственные показанія по протоколамъ предыдущихъ засѣданій, дополнять ихъ, сглаживать противорѣчія и т. п. Положеніе едва ли благоприятное для интересовъ правосудія.

„Нашъ уголовный процессъ есть процессъ состязательный, строго охраняющій равноправность. Попутный привѣсокъ къ обвиненію, уже на ходу процесса, едва ли явленіе нормальное и желательное!

„Въ настоящемъ случаѣ особенно ярко бросается въ глаза условная, нематеріальная задача гражд. иска: эффектъ появленія г. повѣреннаго гражданского истца мотивируется имъ самимъ необходимостью защищать г-жу Комарову, а не обвинять Скитскихъ.

„Я нахожу, что эта роль навязанной защиты того лица, которое въ дѣлѣ никакъ не обвиняется, фальшива, неумѣстна и не должна быть маскируема гражданскимъ искомъ. И безъ мелодраматическихъ вылазокъ г. повѣреннаго гражданского истцы въ дѣлѣ этомъ есть надѣ чѣмъ потрудиться и сторонамъ, и судьямъ. И именно въ интересѣ нормальнаго и правильнаго разрѣшенія сущности настоящаго дѣла, я готовъ присоединиться къ ходатайству моего товарища объ устраненіи запоздалаго гражданского иска“.

Послѣ этого палата удалилась для совѣщанія, продлившася четверть часа, и вынесла опредѣленіе, которымъ отказала защитѣ въ устраненіи гражданского иска со стороны г-жи Комаровой и измѣненіи опредѣленія палаты относительно мѣры пресѣченія.

Дѣло слушаніемъ отложено на 28-е апрѣля 1900 г.

Хроника.

По разъясненію Пр. Сената, губернскому начальству не принадлежитъ по вопросу о разрѣшеніи открытія типографій дискреціонное право, не подлежащее повѣркѣ, такъ какъ въ законѣ не постановлено, чтобы выдача дозволеній по ст. 158 уст. ценз. зависѣла отъ усмотрѣнія губернаторовъ. (Указъ 7 декабря 1899 г.)

Пр. Сенатъ разъяснилъ, что, на основаніи ст. 5 и 128 гор. пол., ст. 32 уст. о пр. нал., обложенію оцѣ-

ночномъ сборомъ и государственнымъ налогомъ подлежатъ недвижимыя имущества, находящіяся въ предѣлахъ городского поселенія и отведенныхъ ему земель, а не только тѣ, которыя входятъ въ плановую черту города. (Указъ 2 декабря № 11941).

По разъясненію Пр. Сената, **мясное мастерство**, не можетъ быть признаваемо ремесломъ, занятіе которымъ давало бы право жительства евреямъ, внѣ черты еврейской осѣлости (Указъ 7 декабря 1899 г.).

Въ послѣднемъ общемъ собраніи кассационныхъ и съ участіемъ I департамента (20 декабря) Пр. Сенатъ разъяснилъ, 1) что общее постановленіе таможеннаго устава **о пассажирскихъ вещахъ** (ст. 899 и слѣд. уст. тамож. т. V св. зак. 1892 г.) примѣнилась и къ лицамъ, тайно переходящимъ черезъ границу 2) **фидеикомиссный фондъ**, имѣющій цѣлью вспомошествованіе членовъ рода или ихъ слугъ, или членовъ Эстляндскаго дворянства, не есть благотворительное учрежденіе въ смыслѣ п. 3 ст. 153 уст. о пош. изд. 1893 г. и 3) **правила о розыскѣ имущества** казенныхъ должниковъ, Высочайше утвержденныя 29 декабря 1897 г. (собр. узак. 1898 г. № 7 ст. 100) не распространяются на губерніи Варшавскаго суд. округа.

Готовящіяся **преобразованія центральныхъ органовъ министерства вн. дѣлъ**, какъ сообщаютъ газеты, коснутся главнымъ образомъ департаментовъ: общихъ дѣлъ, хозяйственнаго и канцеляріи министра. Всѣ важныя дѣла, которыя въ настоящее время вѣдаеть департаментъ общихъ дѣлъ, какъ-то: назначеніе губернаторовъ и вице-губернаторовъ, законодательство о раскольникахъ и т. п., все это предполагается сосредоточить въ канцеляріи, которая въ настоящее время является личнымъ органомъ министра. Въ департаментѣ же общихъ дѣлъ останется счетная часть съ бухгалтеріей и нѣкоторыя менѣе важныя отрасли управленія. Что же касается хозяйственнаго департамента, то реформа этого учрежденія болѣе всего коснется продовольственнаго дѣла, дѣлъ городскихъ и земскихъ. Дѣла эти предполагается сосредоточить въ двухъ самостоятельныхъ отдѣлахъ. Съ учрежденіемъ отдѣла по городскимъ и земскимъ дѣламъ, въ послѣднемъ явится отдѣленіе статистики, и министерство получитъ возможность разрабатывать тотъ громадный матеріалъ, который поступаетъ къ нему въ видѣ смѣтъ и отчетовъ городскихъ и земскихъ общественныхъ управленій, которые въ настоящее время за недостаточностью личнаго состава остаются безъ всякой разработки.

Въ январѣ 1900 года въ Государственномъ Совѣтѣ будетъ разсматриваться проектъ положенія о поземельномъ устройствѣ **безсрочныхъ чиншевиновъ** и объ упраздненіи вотчинныхъ отношеній въ городахъ и мѣстечкахъ губерній западныхъ и бѣлорусскихъ.

Департаментомъ государственныхъ имуществъ разрабатывается и будетъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ въ весеннюю сессію проектъ земельного устройства **прибалтійскихъ крестьянъ**, поселенныхъ на земляхъ, пожалованныхъ остзейскому дворянству. Депар-

таментъ, какъ мы слышали, въ отношеніи земельного устройства проектируетъ уравнивать ихъ съ прочими крестьянами. (Спб. Вѣд.).

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій организаціоннаго комитета предстоящаго въ Петербургѣ **създа по ремесленной промышленности**, представителями отъ петербургскихъ ремесленниковъ была заявлена желательность замѣны нынѣ существующихъ въ нѣкоторыхъ ремесленныхъ управахъ должностей присяжныхъ маклеровъ, ведущихъ дѣлопроизводство цеховъ и составленіе контрактовъ мастеровъ и учениковъ съ хозяевами мастерскихъ, должностями особыхъ юрисконсультовъ. Другими лицами изъ участвовавшихъ въ засѣданіяхъ того же организаціоннаго комитета было признаваемо желательнымъ установленіе общеобразовательнаго ценза, не ниже среднихъ учебныхъ заведеній, для лицъ, занимающихъ мѣста присяжныхъ маклеровъ, съ обязательнымъ экзаменомъ при създахъ мировыхъ судей или окружныхъ судахъ ихъ познаній въ области законовъ о ремесленникахъ и въ области судопроизводства вообще.

Въ министерствѣ юстиціи принципиально рѣшено учредить въ г. **Ростовѣ судебную палату**, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы всѣ расходы по постройкѣ зданія палаты приняла на себя городская дума. Послѣдняя, какъ слышали „Куб. Обл. Вѣд.“, изъявила на это согласіе. Такимъ образомъ, въ настоящее время весь вопросъ въ томъ, какую сумму придется ассигновать на означенную постройку и не будетъ ли это слишкомъ обременительно для г. Ростова.

Калужскимъ губернскимъ земствомъ возбуждено ходатайство объ **измѣненіи 14 ст. прав. о зем. пов.** [(св. зак. т. IV изд. 1890 г. и по прод. 1891 и 1893 гг.), въ силу коей не подлежатъ обложенію со стороны земскихъ учрежденій земли отошедшія подъ проведеніе желѣзныхъ дорогъ при самомъ ихъ устройствѣ, а также зданія и сооруженія на сихъ земляхъ возведенныя и долженствующія, по истеченіи опредѣленнаго срока, поступить вмѣстѣ съ дорогою въ собственность казны] въ смыслѣ предоставленія уѣзднымъ земскимъ учрежденіямъ Калужской губерніи облагать въ предѣлахъ ихъ уѣздовъ желѣзныя дороги, а именно: 1) полотно рельсовыхъ путей, резервы этого полотна и землю возлѣ станцій и вокзаловъ; 2) желѣзнодорожныя строенія; вокзалы, конторы, службы, пакгаузы, мастерскія, депо, водокачки и т. п.; 3) существующіе на станціяхъ буфеты.

Котельническимъ уѣзднымъ земскимъ собраніемъ Вятской губ. въ послѣднюю сессію его засѣданій, было постановлено—назначить для всѣхъ **земскихъ врачей** свободный отъ приѣма больныхъ день въ недѣлѣ. Въ уѣздныхъ больницахъ въ этотъ день не должно быть приѣма амбулаторныхъ больныхъ, за исключеніемъ экстренныхъ и несчастныхъ случаевъ. Постановленіе было опротестовано губернаторомъ, какъ несогласное со ст. 2 (п. 8) полож. о земск. учрежд., въ коей намѣчены задачи земства въ области развитія средствъ врачебной помощи населенію, а также какъ явно на-

рушающее интересы мѣстнаго населенія. Вятское губ. земск. собраніе согласилось съ протестомъ, указавъ при этомъ, что постановленіе не согласуется и съ указомъ Пр. Сената 29 февраля 1896 г. за № 2331.

На ходатайство Курекаго губернскаго земства, возбужденное передъ правительствомъ по постановленію экстреннаго губернскаго земскаго собранія отъ 24 января сего года, объ **измѣненіи 87 статьи положенія о земск. учр.**, а именно—объ отмѣнѣ во второмъ пунктѣ этой статьи словъ: „либо явно нарушаетъ интересы мѣстнаго населенія“—полученъ отвѣтъ, что опредѣленіемъ комитета министровъ возбужденное ходатайство Курекаго губернскаго земства предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ отклонить. (Р. Вѣд.)

На-дняхъ открылась очередная сессія губернскаго земскаго собранія. Предсѣдательствующій въ собраніи губ. предводитель дворянства А. А. Мухановъ заявилъ, что, согласно письменному предписанію губернатора, онъ **снимаетъ съ обсужденія три доклада:** 1) по ходатайству Борзенскаго земства о расширеніи программы преподаванія въ начальныхъ народныхъ училищахъ; 2) по ходатайству уѣздныхъ земствъ объ оставленіи дѣла народнаго образованія въ вѣдѣніи земствъ и 3) по ходатайству Черниговскаго земства объ изыятіи лицъ сельскаго населенія отъ тѣлесныхъ наказаній.

При чтеніи журнала засѣданія, въ которомъ это заявленіе сдѣлано, гласный В. М. Хижняковъ внесъ предложеніе передать вопросъ объ изыятіи докладовъ изъ обсужденія земскаго собранія въ юридическую комиссію. Не касаясь существа изыятыхъ докладовъ—само изыятіе, по мнѣнію гл. Хижнякова, является незаконнымъ. Предложеніе гл. Хижнякова, поддержано А. А. Русовымъ и самимъ предсѣдателемъ собранія, было принято единогласно. (Сѣв. Кур.)

„Кур.“ сообщаетъ, что въ происходящемъ Тверскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, при обсужденіи ходатайствъ уѣздныхъ земствъ, гласный В. Н. Линдъ довелъ до свѣдѣнія собранія, что **въ докладахъ управы выпущены два ходатайства Новоторжскаго земства и одно Ржевскаго.** На это заступающій мѣсто предсѣдателя управы баронъ Дельвигъ объяснилъ, что ходатайства двухъ земствъ изъ доклада исключены г. губернаторомъ, а предсѣдатель собранія г. Всеволожскій дополнилъ, что онъ не допуститъ ихъ до обсужденія собранія. Возражая г. Всеволожскому, гласный М. И. Петрунничъ доказывалъ, что въ законѣ нѣтъ ни одного указанія на то, чтобы предсѣдатель былъ въ правѣ приостанавливать постановленія уѣздныхъ земствъ, а это и имѣетъ мѣсто въ настоящемъ случаѣ. По мнѣнію другого гласнаго, С. В. де-Роберти, на основаніи 86 ст. полож. о земск. учрежд., губернаторъ не опротестовалъ упомянутыхъ постановленій, почему предсѣдатель собранія не въ правѣ быть изыятъ ихъ изъ разсмотрѣнія собранія. Тѣмъ не менѣе, эти доводы гласныхъ не убѣдили г. Всеволожскаго въ законности требованій ихъ.

„Русск. Вѣдом.“ пишутъ изъ Чернигова, что противъ предводителей дворянства: Черниг. уѣзда—Г. Н.

Глѣбова и Городн. уѣзда—М. Д. Карвольскаго-Гриневскаго возбуждается **судебное преслѣдованіе** за допущеніе ими къ обсужденію минувшихъ уѣздныхъ собраній вопроса объ **освобожденіи** мѣстнаго сельскаго населенія **отъ тѣлесныхъ наказаній.**

„Од. Листокъ“ сообщаетъ, что въ виду повторяющихся за послѣднее время случаевъ, указывающихъ на **непониманіе нѣкоторыми чинами полиціи обязанностей** ея по оказанію законнаго содѣйствія во всѣхъ случаяхъ обращенія къ ней частныхъ лицъ и безусловно вѣжливаго и предупредительнаго съ ними отношенія, одесскій полиціймейстеръ, по приказанію г. градоначальника, напоминаетъ въ приказѣ своемъ, что чины полиціи въ дѣятельности своей должны служить примѣромъ исполненія всѣхъ требованій закона, не допуская никакихъ отъ него отступленій, а тѣмъ болѣе—произвола. Строго-законный образъ ихъ дѣйствій, отсутствіе суетливости, раздраженія, а тѣмъ болѣе грубости въ обращеніи съ публикою, возможное удовлетвореніе справедливыхъ просьбъ и заявленій частныхъ лицъ и въ то же время твердость и настойчивость въ соблюденіи воѣми, безъ всякихъ изыятій, законныхъ распоряженій полицейской власти, не вступая въ излишніе разговоры и пререканія,—несомнѣнно усилить въ публикѣ должное уваженіе къ полиціи и будутъ способствовать установленію тѣхъ отношеній къ ея чинамъ, при существованіи которыхъ обезпечится и поддержаніе общественаго порядка.

На-дняхъ въ Черниговскомъ окр. судѣ слушалось **дѣло по обвиненію б. помощника пристава Стополковскаго въ нанесеніи побоевъ.** За какое-то незначительное нарушеніе извозчичьихъ правилъ Ст. отнялъ у извозчика Полетики номеръ и приказалъ ему явиться за нимъ въ участокъ. Когда Полетика пришелъ за номеромъ, Стополковскій позвалъ его въ дежурную комнату и здѣсь сталъ наносить ему побои по лицу и ударомъ кулака въ затылокъ вытолкнулъ Полетику изъ комнаты. Защитникъ указывалъ на то, что побои практикуются во всѣхъ русскихъ участкахъ и что это всѣмъ извѣстно; что во время расправы Стополковскаго съ извозчикомъ въ участкѣ были и другіе чины полиціи, не прекратившіе, однако, этого безобразія, такъ что обвиняемый дѣйствовалъ съ ихъ, хотя и молчаливаго, согласія.

Судъ присудилъ Стополковскаго къ аресту въ земскомъ помѣщеніи на 1½ мѣсяца. (Сынъ От.)

Въ октябрьскую сессію Владивостокскаго окружнаго суда разбиралось **дѣло по обвиненію пристава Орловскаго во взяточничествѣ,** въ избіеніи китайцевъ, въ забирая ихъ женъ подъ арестъ съ цѣлю полученія за нихъ выкуповъ и въ изувѣченіи китайцевъ и нанесеніи имъ побоевъ съ цѣлю полученія съ нихъ взятки... Пользуясь сильнымъ напльвомъ во Владивостокъ китайцевъ съ женами, Орловскій всѣхъ почти китайцевъ забиралъ какъ проститутокъ въ полицію, хотя бы китайцы и доказывали, что это ихъ жены; отсутствіе паспортовъ служило Орловскому поводомъ къ отнятію у китайца жены, если уже нельзя было ее взять, какъ проститутку. Когда китаецъ дока-

зывает свидетелямъ, что это жена его, Орловскій настаивалъ, что она безпаспортная, и требовалъ за освобождение по 25 р. Китайцы, приходившіе въ полицію къ женамъ безъ выкупа, были биты и изгоняемы, а китайкинъ подолгу содержался въ карцерѣ, валяясь на полу, пока мужья ихъ не выкупали... Особенно строптивыхъ китайцевъ, не уплатившихъ по 25 р., въ полиціи били, а потомъ высылали на родину... Орловскій приговоренъ къ ссылкѣ въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири на поселеніе. (Русск. Вѣд.).

„Объерный Кавказъ“ сообщаетъ свѣдѣнія о **дѣятельности крестьянскихъ начальниковъ** въ Сибири.

Въ с. У. крестьянскій начальникъ ознаменовалъ свой прїѣздъ такою рѣчью: „Я—вашъ крестьянскій начальникъ, присланъ изъ Петербурга; понимаете вы, или нѣтъ?! Предки наши драли васъ розгами, я тоже буду васъ драть, а то вы шапки мнѣ не снимаете!“ Повышая постепенно голосъ, начальникъ долго говорилъ на эту тему. Въ первое же засѣданіе волостного суда онъ побѣдилъ его; утомившись разбирательствомъ дѣлъ, начальникъ ушелъ закутить, приказавъ судьямъ приостановить разборъ дѣлъ, и снявъ свой мундиръ, повѣсилъ его у судейскаго стола, поставивъ къ нему караулъ.

Другой, по прибытіи въ свой участокъ, прежде всего сдѣлалъ визитъ кулаку-торговцу, происходящему изъ ссыльнокаторжныхъ Кулакъ съ распростертыми объятіями встрѣтилъ новую власть; столъ былъ уставленъ яствами и питіями, до дорогого коньяка включительно; началось угощеніе, длившееся почти весь день, а затѣмъ новые знакомые подрались, и на долю волостныхъ властей пришлось разнимать ихъ и разбирать ихъ дѣло... Теперь они судятся между собою.

Какъ извѣстно, ходатайства многихъ земствъ объ учрежденіи при управахъ должностей **земскихъ юрисконсультовъ** признаны не подлежащими удовлетворенію. Весьма интересны мотивы, послужившіе для земствъ основаніемъ для возбужденія подобнаго рода ходатайства. Наибольше обстоятельно мотивировано ходатайство Вятскаго земства. Изъ сопоставленія доклада Вятской губернской земской управы съ мнѣніями, высказанными губернскими гласными, оказывается, что учрежденіе института земскихъ юрисконсультовъ возникло и принято собраніемъ по слѣдующимъ соображеніямъ:

1) въ виду необходимости пробудить и развить въ сельскомъ населеніи правовое сознаніе и тѣмъ содѣйствовать просвѣщенію темной народной массы;

2) въ виду настоятельной нужды поднять въ народѣ довѣріе къ суду устраненіемъ разницы между богатой и бѣдной тяжущимися сторонами, особенно въ высшихъ судахъ;

3) въ виду необходимости создать для народа такую юридическую помощь, какъ въ гражданскихъ, такъ и въ уголовныхъ дѣлахъ, которая могла бы оградить крестьянъ отъ злоупотребленій частныхъ, такъ называемыхъ „подпольныхъ“ адвокатовъ; наконецъ,

4) путемъ введенія института земскихъ юрисконсультовъ устраняются излишніе, непроезводительные

для крестьянъ расходы, чрезъ что должно улучшиться экономическое благоустройство сельскаго населенія.

Лѣтомъ 1894 года въ одномъ изъ казенныхъ лѣсовъ Кашинскаго уѣзда былъ найденъ лѣсной сторожъ Константинъ Туркинъ съ признаками насильственной смерти. Подозрѣніе пало на крестьянъ Мутовкинъ и Судаковъ, которые въ ту самую ночь были на охотѣ въ лѣсу. Несмотря на увѣренія обоихъ заподозрѣнныхъ, что они невиновны, Мутовкинъ и Судаковъ приговорены были, по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, въ каторжныя работы на десять лѣтъ, и весною 1895 г. были отправлены на Сахалинъ.

Между тѣмъ, спустя два года, крестьянинъ Кашинскаго же уѣзда Михаилъ Солонининъ во время исповѣди у мѣтнаго священника сообщилъ, что истинный убійца—онъ, Солонининъ, а не крестьяне Мутовкинъ и Судаковъ, осужденіе коихъ составляетъ **судебную ошибку**. Было назначено слѣдствіе для провѣрки правильности показанія Солонинина, и Сенатъ постановилъ прежній приговоръ Кашинскаго окружнаго суда отмѣнить и вновь рассмотреть это дѣло въ другомъ составѣ того же суда.

Въ виду такого рѣшенія Сената, Кашинскій окружный судъ постановилъ приостановить исполненіемъ приговоръ о Судаковѣ и Мутовкинѣ, о чемъ было сообщено военному губернатору Сахалина. Мутовкинъ и Судаковъ 4 іюня 1898 года отправлены съ острова черезъ Сибирь этапнымъ порядкомъ въ г. Кашинъ. По по дорогѣ Судаковъ въ Благовѣщенскѣ умеръ. Мутовкинъ же былъ отправленъ въ дальнѣйшій путь и на дняхъ, наконецъ, прибылъ въ г. Кашинъ, гдѣ вскорѣ по рассмотрѣніи его дѣла судомъ будетъ освобожденъ. (Од. Нов.).

У Московскаго столичнаго мирового судьи разсматривалось на-дняхъ дѣло по обвиненію П—ова въ оскорбленіи В—каго.

Обвиняемый П—овъ задумалъ поселиться у своего товарища по службѣ, нѣкоего г. Р. Объ этомъ узналъ В—кій и, встрѣтясь какъ-то съ Р., сказалъ ему: „Изъ тебя П—овъ можетъ сдѣлать социалиста“. Слова В—каго были переданы П—ову, который 13 октября, во время занятій въ конторѣ службы пути, и подошелъ къ В—кому за объясненіемъ и тутъ же далъ ему пощечину.

Привлеченный къ уголовной отвѣтственности, г. П—овъ не признавалъ себя виновнымъ, считая оскорбленіе, нанесенное имъ В—ому, оскорбленіемъ, вызваннымъ со стороны послѣдняго.

Мировой судья Николаевскаго участка, соглашаясь съ мнѣніемъ повѣреннаго потерпѣвшаго, призналъ двор. П—ова виновнымъ и приговорилъ его къ трехнедѣльному аресту при городскомъ арестномъ домѣ.

(Нов. Дня).

Въ одномъ селѣ Арзамаскаго уѣзда управленіе госуд. имущ. Нижегород. губерніи, въ теченіе многихъ лѣтъ, сдавало крестьянамъ въ **аренду базарную площадь**, на которой казною были выстроены лавки, отдававшіяся въ наемъ. Въ послѣднее время, крестьяне, отказавшись отъ аренды площади, перевели торговлю

(базарь) на сосѣдную общественную землю, являющуюся продолженіемъ казенной земли. Управление госуд. имущ. просило уѣздную управу установить торговлю на прежнихъ мѣстахъ. За отказомъ уѣздной управы, управление госуд. имущ. обратилось въ губернское земское собраніе, прося возстановить ранѣ существовавшее мѣсто-нахождение торговли, такъ какъ по закону (п. 5 ст. 63 пол. о земск. учрежд.) губернскому собранію представлено нѣсколько перемѣщеніе базаровъ изъ одной мѣстности въ другую, но и измѣненіе внутренняго ихъ размѣщенія въ предѣлахъ назначенныхъ для нихъ селеній. Губернскимъ земскимъ собраніемъ признано, что въ данномъ случаѣ п. 5 ст. 63 полож. о зем. учреж. не нарушенъ.

19 декабря состоялось **общее собраніе присяжныхъ повѣренныхъ** округа московской судебной палаты для выслушанія отчета и выбора членовъ совѣта. Въ предѣдателя собранія подавляющимъ большинствомъ голосовъ былъ избранъ С. А. Муромцевъ. Розданный всего за нѣсколько дней до собранія отчетъ совѣта за 1898—99 годъ вызвалъ рѣзкую критику со стороны многихъ членовъ сословія. Особеннымъ нападкамъ совѣтъ подвергся за неудовлетворительную организацию помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, а также за нѣкоторыя постановленія по дисциплинарнымъ дѣламъ. Изъ числа 252 баллотировавшихъ было подано голосовъ: за Д. И. Невадомскаго 210, А. А. Крюкова 208, С. А. Муромцева 168, А. А. Никольскаго 162, В. А. Капеллера 150, А. В. Лешкова 142, С. И. Филатова 131 и Д. Н. Доброхотова 126. Предѣдателемъ совѣта избранъ А. А. Крюковъ и товарищемъ предѣдателя Д. И. Невадомскій.

Исправка. А. Ф. Бардзкій сообщаетъ намъ, что при **передачѣ его рѣчи**, произнесенной въ засѣданіи Екатеринбургскаго юридическаго общества (см. Право № 50, стр. 2389) вкратилъ неточности: приписанныхъ ему словъ — „правда и милость да царствуютъ надъ зданіемъ суда“, „присутствіе особыхъ палатъ...“, „забыты стали милость, правда и судъ равный для всѣхъ“ — г. Бардзкій не произносилъ и не могъ произнести.

Диспутъ В. Ф. Левитскаго въ Московскомъ университетѣ.

(Отъ нашего корреспондента).

11 декабря профессоръ Харьковскаго университета В. Ф. Левитскій публично защищалъ диссертацию подъ заглавіемъ „Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи (1862—1891)“, представленную имъ для полученія степеніи доктора политической экономіи. Въ своей внушительной рѣчи диспутантъ указывалъ на то обстоятельство, что недостаткомъ правильнаго освѣщенія причинъ и слѣдствій сельско-хозяйственныхъ кризисовъ; и въ особенности ихъ влияния на складъ поземельныхъ отношеній, зависитъ преимущественно отъ того, что на объясненіе земледѣльческихъ кризисовъ прямо переносятъ выводы и положенія, почерпнутые изъ изученія обрабатывающей и торговой промышленности при капиталистическомъ хозяйствѣ. Углубляясь же въ изслѣдованіе современнаго земледѣльческаго кризиса въ разныхъ странахъ и основываясь только на фак-

тахъ достаточно точныхъ констатированныхъ, можно прямо прийти къ тому, что земледѣльческие кризисы по своему общему характеру, а также и въ отношеніи причинъ, ихъ вызывающихъ, и послѣдствій, къ которымъ они приводятъ, представляютъ много коренныхъ особенностей. Въ обрабатывающей промышленности эпохи денежнаго хозяйства рѣзко обозначилась тенденція къ преобразованію производствъ по системѣ крупныхъ предпріятій, побѣда крупныхъ фабрикъ надъ мелкими производствами и превращеніе прежнихъ самостоятельныхъ мелкихъ производителей, кустарей и ремесленниковъ, въ простыхъ наемныхъ рабочихъ. Эту тенденцію экономисты перенесли и въ сферу земледѣльческой промышленности и утверждали, что въ борьбѣ мелкія хозяйства поглощаются крупными. Между тѣмъ, въ моменты современныхъ земледѣльческихъ кризисовъ наибольшій ущербъ терпятъ крупныя землевладѣльцы и ихъ арендаторы, мелкіе же собственники, сами обрабатывающіе свои земли, не только легче переносятъ кризисъ, но часто даже выигрываютъ отъ него. Точно также въ противоположность обрабатывающей, часто предпріятыя съ мало усовершенствованной техникой, хозяйства экстенсивныя, оказываются лучше приспособленными къ борьбѣ съ кризисами.

Другой причиной неправильнаго освѣщенія явленій земледѣльческихъ кризисовъ является неправильный методологическій приемъ. Земледѣльческие кризисы составляютъ характерное явленіе для народнаго хозяйства, основаннаго на общественно-хозяйственномъ раздѣленіи труда, частной собственности, свободѣ экономическаго оборота и конкуренціи, въ которомъ производство товаровъ рассчитано преимущественно на рынокъ. Другими словами для изученія кризисовъ необходимо брать страны буржуазнаго или капиталистическаго хозяйства. Между тѣмъ, изслѣдователи брали такія страны, какъ Россія, Германія, Англія, гдѣ начала свободы оборота недостаточно проникли въ сферу поземельныхъ отношеній. Особенно неудаченъ былъ выборъ Англіи, гдѣ частная поземельная собственность ограничена субсидіями и фидеикомиссами, почти иммобилизована и исключена изъ коммерческаго оборота. Если господство экономической свободы и конкуренціи въ области обрабатывающей промышленности превратило мелкихъ ремесленниковъ и кустарей въ фабричныхъ рабочихъ, то въ области земледѣлія ограниченіе мобилизаціи поземельной собственности привело къ уничтоженію мелкихъ собственниковъ и къ господству латифундіарной поземельной собственности. Поземельная собственность ландлордовъ, обставленная фидеикомиссами и маюратами, была недоступна для другихъ классовъ общества, она почти никогда не поступала на рынокъ, не продавалась, а разъ проданная всегда могла быть выкуплена, такъ какъ титулъ собственности, при условіяхъ регистраціи въ Англіи, очень трудно бываетъ утвердить за собою новому собственнику. Въ Германіи, за исключеніемъ прирейнскихъ провинцій, терцогства Ваденскаго и южной части Баваріи и Виртемберга, широкое распространеніе латифундій и обезземеленіе широкихъ слоевъ крестьянскаго поселенія явилось слѣдствіемъ цѣлой системы одностороннихъ ограниченій мобилизаціи поземельной собственности, а также неблагоприятныхъ условій выкупа земель при освобожденіи крестьянъ. Въ Россіи свобода оборота дворянскихъ и крестьянскихъ земель обставлена разными ограниченіями. Кромѣ того, земли государственныхъ, монастырскія, церковныя совершенно изъяты изъ коммерческаго оборота. Несомнѣнно, однако, что замѣтна мобилизація собственности, но она совершается, по большей части, при искусственныхъ условіяхъ, созданныхъ аграрной политикой. Ограниченія въ сферѣ поземельнаго оборота въ Англіи, Германіи и Россіи показываютъ, что въ широкомъ смыслѣ слова земледѣльческое хозяйство въ этихъ странахъ не представляетъ чистаго типа капиталистическаго хозяйства.

Для изучения земледельческого капиталистического хозяйства надо выбрать страну, въ которой элементы буржуазнаго хозяйства получили болѣе полное воплощеніе. Такою страной является Франція. Ни въ какой другой странѣ, кромѣ Франціи, индивидуальная собственность на землю не существуетъ въ такомъ чистомъ видѣ: право пользования и распоряженія, даренія, продажи и покупки не стѣснены никакими ограниченіями. Свободная отъ всякихъ феодальныхъ ограниченій индивидуальная собственность сдѣлалась во Франціи составнымъ элементомъ народной психологіи и народнымъ идеаломъ. Даже французскіе социалисты проникнуты симпатіей къ частной земельной собственности и въ своихъ идеалахъ требуютъ только равномѣрнаго распределенія ея. Свобода оборота земледельческаго хозяйства во Франціи нарушалась установленіемъ періодически таможенныхъ пошлинъ на ввозъ иностранныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, но пошлины эти были умѣренны и мало вляяли на туземныя цѣны.

Сельско-хозяйственный кризисъ во Франціи выражается въ упадкѣ доходности землевладѣнія и земледѣнія. Въ сельскомъ хозяйствѣ, рассчитанномъ на производство для рынка, уровень доходности обуславливается соотношеніемъ между производительностью сельскаго хозяйства, состояніемъ цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства и издержки производства.

За послѣднія десятилѣтія во Франціи въ области сельскаго хозяйства произошли слѣдующія перемѣны: увеличилась урожайность хлѣбовъ, расширилась площадь травосѣянія и искусственныхъ луговъ, сократилось пространство полей, оставляемыхъ безъ обработки, увеличилось количество лошадей и крупнаго скота, сократилось овцеводство, сократилась площадь маслянистыхъ растений, хотя увеличилась ихъ урожайность. Вообще положеніе французскаго сельскаго хозяйства не только не клонится къ упадку, но представляетъ благоприятную картину въ отношеніи количества, качества и разнообразія производимыхъ въ странѣ продуктовъ сельскаго хозяйства.

Благоприятнымъ условіемъ развитія сельскаго хозяйства является ростъ затратъ на улучшенныя сѣмена, удобреніе, земледѣльскія орудія, а также усовершенствованіе въ странѣ всѣхъ видовъ путей сообщенія и удешевленія тарифовъ перевозки. Результатомъ усовершенствованій транспорта было сокращеніе издержекъ производства и уравненіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства по всей территоріи.

Главнымъ факторомъ упадка доходности является ростъ заработной платы. Этотъ ростъ даетъ возможность сельскимъ рабочимъ дѣлать сбереженія и приобретать земли. Упадокъ доходности вызвалъ со стороны крупныхъ и среднихъ собственниковъ переходъ къ полоничеству, къ экстенсивнымъ системамъ земледѣлія, а также переводъ капиталовъ въ болѣе выгодныя промышленныя предпріятія и даже помѣщеніе ихъ въ цѣнныя бумаги. Эти затрудненія крупныхъ собственниковъ дали возможность мелкимъ, ничего не потерявшимъ отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, увеличить свои владѣнія.

Официальными оппонентами выступили приват-доцентъ А. А. Мавуиловъ и Н. А. Каблуковъ.

Первый, отмѣтивъ то обстоятельство, что диссертантъ не проводитъ въ своей книгѣ той или иной доктрины, не насыдуетъ фактовъ, не дѣлаетъ наляжекъ, а старается констатировать, что совершалось и какъ совершалось, остановился на вопросѣ: дѣйствительно ли Франція, въ противоположность Англіи, является типической страной по степени проникновенія капиталистическаго хозяйства въ сферу земледѣльческой промышленности. По его мнѣнію, Англія является не менѣе типической страной капиталистическаго земледѣлія: въ ней затрачивается значительный капиталъ на производство, производ-

ство на рынокъ еще болѣе рассчитано, чѣмъ во Франціи, пользование наемнымъ трудомъ развито очень широко. Правда, въ Англіи стѣснена свобода мобилизаціи земли, но спрашивается—можетъ ли режимъ земельной собственности опредѣлять степень капитализаціи хозяйства. Это прямо противорѣчитъ дѣйствительности, такъ какъ Англія при режимѣ, очень стѣсняющемъ мобилизацію земли, достигла высокой степени капитализаціи сельскаго хозяйства. Второе возраженіе сводилось къ тому, что въ книгѣ нѣтъ яснаго и точнаго понятія мелкаго землевладѣнія. Такъ, въ одномъ мѣстѣ книги авторъ считаетъ мелкими собственниками владѣющихъ землей до 40 акровъ. Затѣмъ, въ другомъ мѣстѣ мелкими собственниками авторъ называетъ тѣхъ, которые сами обрабатываютъ землю. Значитъ ли это, что они не пользуются наемнымъ трудомъ или только то, что не сдаютъ въ аренду. Вообще отсутствіе яснаго понятія мелкаго хозяйства является существеннымъ недостаткомъ работы.

Второй оппонентъ Н. А. Каблуковъ, соглашаясь съ мнѣніемъ перваго, указалъ на то, что во Франціи уменьшается площадь посѣва пшеницы. Этотъ фактъ противорѣчитъ утвержденію автора о ростѣ продуктивности труда въ земледѣліи. Нарисованная авторомъ благоприятная картина развитія мелкаго землевладѣнія не согласуется съ сильнымъ ростомъ пролетариата. Улучшеніе техники сельскаго хозяйства, какъ напр. плата за пользование сельско-хозяйственными молотилками до 100 франковъ, скорее относятся къ крупному хозяйству.

Въ заключеніе деканъ юридическаго факультета объявилъ диссертанта докторомъ политической экономіи.

ЮРИДИЧЕСКІЯ ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Административное отдѣленіе.

10 декабря состоялось засѣданіе подъ предѣтельствомъ К. К. Арсеньева, посвященное докладу М. А. Лозина-Лозинскаго объ административномъ судѣ въ Австріи. Докладчикъ положилъ въ основаніе своего реферата не только данныя, взятыя имъ изъ литературы и законодательныхъ источниковъ, но и личныя впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ при непосредственномъ знакомствѣ съ организаціей административной юстиціи въ Австріи. Уже конституція 1867 г. предусмотрѣла судебные органы, которые оказываютъ защиту публичнымъ правамъ гражданъ въ тѣхъ случаяхъ, когда права эти нарушаются распоряженіями административной власти. Конструкція 1867 г. Часть такихъ дѣлъ предоставила Reichsgericht'у, для остальныхъ же проектировала учрежденіе особаго административнаго суда *Uerwaltung geriichts hdf.* который и былъ созданъ закономъ 22 октября 1875 г. Компетенція его опредѣляется въ статутѣ общимъ положеніемъ: онъ принимаетъ жалобы во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда окончательныя рѣшенія органовъ административной власти или самоуправленія нарушаютъ права (но не интересы) частныхъ лицъ, общинъ, корпорацій. Существуютъ нѣкоторыя изыятія, вытекающія или изъ существа задачи административной юстиціи или же объясняемыя временными причинами. Такъ, не допускается обжалованіе распоряженій, сдѣланныхъ орга-

номъ административной власти въ силу дискреціонной власти и въ законныхъ предѣлахъ ея; но вопросъ объ этихъ предѣлахъ можетъ быть поставленъ на разсмотрѣніе *Verwaltungsgerichtshof*; не принимаются жалобы на рѣшенія податно-оцѣночныхъ комиссій, которыя въ своихъ постановленіяхъ даютъ скорѣе нормы техническія, чѣмъ юридическія.

Организация *Verwaltungsgerichtshof*'а такова: раздѣляется онъ на два отдѣленія, каждое имѣетъ своего президента. Одно вѣдаетъ вопросы финансово-правовые, другое—вопросы общаго характера. Членовъ суда, именуемыхъ совѣтниками, теперь 23. Они несмѣняемы и вообще занимаютъ положеніе членовъ кассационнаго суда. Половина всего состава суда, а также каждаго присутствія должна имѣть всѣ качества судей. Прокурорскаго надзора при судѣ нѣтъ. *Verwaltungsgerichtshof* находится въ вѣдѣніи не министра юстиціи, а министра-президента.

Производство распадается на двѣ стадіи. Поданная жалоба разсматривается въ непубличномъ присутствіи изъ 5 совѣтниковъ для опредѣленія допустимости ея. Въ случаѣ принятія копія съ жалобы посылается тому органу администр. власти, на который жалоба эта подана. Судъ можетъ потребовать все производство по дѣлу. Если онъ усмотритъ, что дѣло рѣшено на основаніи недостаточнаго фактическаго матеріала или съ нарушеніемъ порядка дѣлопроизводства, то судъ отмѣняетъ рѣшеніе адм. органа съ обращеніемъ къ новому производству, не доводя его до публичнаго засѣданія. Большой процентъ дѣлъ рѣшается такимъ суммарнымъ порядкомъ. Жалоба не останавливаетъ исполненія рѣшенія административнаго органа, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда ущербъ, могущій быть причиненнымъ такимъ исполненіемъ, серьезенъ. Дѣло слушается въ публичномъ засѣданіи. Послѣ доклада выслушиваются стороны. Послѣ совѣщанія объявляется рѣшеніе, причѣмъ предсѣдатель сейчасъ же излагаетъ мотивы этого рѣшенія. Рѣшенія дѣлъ публикуются. Докладчикъ присутствовалъ при разборѣ нѣсколькихъ дѣлъ и вынесъ впечатлѣніе, что всѣ правила, значащіяся въ статутѣ, строго и точно соблюдаются въ дѣйствительности. Совѣтъ не то наблюдалъ докладчикъ въ засѣданіяхъ *Reichsgericht*'а.

Вторая часть доклада была посвящена тому положенію референта, что наилучшей формой организациі административной юстиціи является австрійская. Идея правового государства съ его раздѣленіемъ суда и администраціи выдвинула и понятіе административнаго суда. Послѣдній долженъ быть настоящимъ судомъ, который долженъ дѣйствовать по принципу законности, а не цѣлесообразности. Задача административной власти такова: гарантировать отъ нарушеній со стороны административныхъ органовъ, какъ таковыхъ, субъективные права, основанныя на законѣ. Разсмотрѣвъ съ этой точки зрѣнія организацию административной юстиціи во Франціи, Россіи и Италіи докладчикъ пришелъ къ заключенію о несостоятельности французскаго типа администр. юстиціи: нѣтъ тѣхъ гарантій, которыя можетъ дать только судъ; нѣтъ и существенныхъ признаковъ, которыми долженъ обладать всякій судъ. Спорить можно еще о предпочтительности системъ прусской и австрійской. Проведя параллель между ними,

докладчикъ указалъ, что существеннымъ недостаткомъ прусской является внесеніе въ функціи суда элемента политики: администр. судъ по предписанію закона долженъ охранять государственный порядокъ и устанавливать ту мѣру власти, которую должны соблюдать администр. органы.

Административный судъ Австріи есть судъ кассационный, какъ это и слѣдуетъ изъ понятія администр. юстиціи, имѣющей дѣла съ законами и съ нарушеніями правъ, основанныхъ на законѣ. Такая организациі даетъ гарантіи безпристрастія и къ ней должно стремиться при реформѣ нашей административной юстиціи.

Въ послѣдовавшихъ засѣмъ преніяхъ, сосредоточившихся на вопросѣ о желательныхъ измѣненіяхъ въ организациі 1 департамента Пр. Сената, приняли участіе М. Б. Горенбергъ, М. В. Капланъ, В. М. Гессенъ, Н. М. Коркуновъ и др.

КІЕВСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ засѣданіи 4 декабря дѣйствительнымъ членомъ общества А. С. Гольденвейзеромъ былъ сдѣланъ докладъ: „Мнимая защита слабыхъ въ проектѣ гражданскаго уложенія“.

Составители проекта въ предисловіи къ объяснительной запискѣ указываютъ на основанія, на которыхъ построена работа. Законъ, говорятъ они, долженъ быть справедливъ, онъ долженъ стремиться къ достиженію матеріальной, а не формальной правды, онъ долженъ предоставить возможно большій просторъ усмотрѣнію суда. Только при широкомъ проведеніи этихъ принциповъ, по мнѣнію составителей проекта, можетъ быть достигнуто ихъ стремленіе взять подъ защиту всѣхъ слабыхъ въ имущественномъ отношеніи, охранить ихъ отъ эксплуатаціи нужды, несчастія, неопытности и легкомыслія. Сдѣлавъ нѣсколько общихъ замѣчаній по этому поводу, докладчикъ при помощи разбора проекта по существу оставившись на выясненіи того, какъ въ дѣйствительности проведена въ проектѣ защита слабыхъ.

Въ главѣ объ имущественномъ наймѣ ст. 290, идя въ разрѣзъ съ общепринятымъ въ законодательствахъ взглядомъ, устанавливаетъ взносъ арендной платы, за отсутствіемъ по этому поводу соглашенія или обычая, *впередъ*. По ст. 298 арендаторъ не вправе предпринимать въ хозяйствѣ такія перемены, которыя могутъ по окончаніи срока найма поставить наймодавца въ затруднительное положеніе, напримѣръ перейти къ болѣе интенсивнымъ формамъ хозяйства. Въ ст. 296 закладное право наймодавца распространяется также на движимость поднаимателя. Подобнаго правила нѣтъ даже въ германскомъ уложеніи, гдѣ зато существуетъ совершенно непринятая проектомъ ст. 590, представляющая арендатору закладное право на инвентарь наймодавца. Нѣтъ въ проектѣ также положенія, общезвѣстнаго въ западно-европейскихъ законодательствахъ, о *remissio mercedis*. По ст. 331 чужой скотъ, находящійся въ нанятомъ имѣніи, только тогда не служить обезпеченіемъ наемной платы, когда при его по-

мѣщеніи въ имѣніи о томъ было доведено до свѣдѣнія наймодавца. Такимъ образомъ крестьянинъ, отдавшій сосѣднему арендатору безъ предупрежденія собственника на прокормъ лошадей или корову, легко можетъ ихъ потерять. Всѣ эти положенія изъ главы объ имущественномъ наймѣ одинаково указываютъ на полное предпочтеніе, оказываемое проектомъ интересамъ землевладельцевъ въ ущербъ интересамъ арендаторовъ. Въ обезпеченіе интересовъ первыхъ вводятся совершенно новыя положенія и отвергаются положенія, уже принятыя въ западно-европейскихъ законодательствахъ, разъ онѣ имѣютъ въ виду оградить интересы арендаторовъ. Не о защитѣ слабыхъ говоритъ и ст. 315, по которой лица, находящіяся на государственной службѣ, въ случаѣ получения назначенія, связаннаго съ перемѣной мѣстожителства, вправе прекратить договоръ имущественнаго найма. Соответствующая статья германскаго уложенія говоритъ также о священнослужителяхъ и учителяхъ. У насъ изъ этого положенія сдѣлана исключительно чиновничья привилегія.

Въ слѣдующей главѣ, трактующей о ссудѣ, по ст. 337 ссудоприематель, нарушившій ст. 335 или удержавшій вещь сверхъ договорнаго срока, отвѣчаетъ за случайную гибель вещи. Въ подобныхъ статьяхъ западно-европейскихъ законовъ ссудоприемателю предоставляется право доказывать, что вещь и у собственника погибла бы при подобныхъ обстоятельствахъ. По ст. 338 ссудоприематель отвѣчаетъ за случайную гибель вещи, если при общей опасности для своей вещи и взятой въ ссуду, имѣя возможность спасти одну изъ нихъ, онъ спасъ свою. Отъ ссудоприемателя здѣсь требуется уже извѣстное геройство. Въ оправданіе этого положенія едва ли можно привести безвозмездный характеръ договора ссуды, такъ какъ оно повторяется и при договорѣ поклада, гдѣ въ ст. 369 на поклажепринимателя возлагается подобная же отвѣтственность, причѣмъ въ гораздо болѣе широкихъ предѣлахъ, чѣмъ въ ст. 2105 т. X ч. 1. По ст. 339 ссудоприематель, находясь въ необходимости для сохраненія вещи сдѣлать чрезвычайныя издержки, долженъ *своевременно предупредить о томъ ссудодателя*, иначе говоря, если бы ссудоприематель издержекъ этихъ не произвелъ, онъ долженъ былъ бы отвѣчать; если же онъ ихъ произвелъ, то, чтобы получить ихъ возмѣщеніе, онъ обязанъ о нихъ своевременно предупредить ссудодателя. Наконецъ, по ст. 346 только ссудодатель, *умышленно* скрывшій недостатки переданной въ ссуду вещи, отвѣчаетъ за убытки, понесенные отъ этого ссудоприемателемъ. Большинство законодательствъ требуетъ только *знанія*. Приведенныя положенія показываютъ, что въ главѣ о ссудѣ проектъ рѣзко выступаетъ въ защиту интересовъ ссудодателя, игнорируя вполнѣ справедливые интересы ссудоприемателя. И здѣсь принципъ защиты слабыхъ проведенъ весьма оригинально.

Въ главѣ о займѣ ст. 356 предусматриваетъ право заемщика, обязавшагося платить свыше 6 проц., расторгнуть договоръ займа. Между тѣмъ въ качествѣ законнаго процента въ проектѣ установленъ размѣръ 5 проц. По ст. 352 при займѣ процентными бумагами, въ случаѣ ненахожденія ихъ въ продажѣ ко времени уплаты, заемщикъ обязанъ уплатить *по послѣднему*

курсу. Въ прусск. земск. правѣ, въ австрійскомъ улож. установлена плата по курсу, существующему во время дачи въ заемъ. Правило нашего проекта, какъ и повышеніе въ ст. 356 процента до 6, установлено явно во вредъ берущему въ заемъ.

Еще болѣшій интересъ въ смыслѣ мнимаго проведенія принципа защиты слабыхъ представляетъ глава о личномъ наймѣ. Ст. 393, определяя договоръ личнаго найма, говоритъ: „по договору личнаго найма нанявшійся обязуется за вознагражденіе *предоставить свой трудъ* въ пользу нанимателя“. Подобнаго опредѣленія не знаетъ ни одно изъ современныхъ законодательствъ. Нашъ проектъ, предоставляя нанимателю „право на трудъ“ наняшагося (помимо опредѣленія ст. 407), высказываетъ, можетъ быть безосознательно, тенденціи, понятныя лишь отношеніямъ крѣпостной зависимости. Въ подобное же положеніе лица, продавшаго свое „право на трудъ“, на основаніи ст. 394 проекта, должны попасть и представители высшихъ либеральныхъ профессій. По ст. 408 наниматель обязанъ, при отсутствіи договора или мѣстнаго обычая, выдать рядную плату *лишь по исполненіи договора*. Невольно напрашивается сравненіе этого правила со ст. 290 объ имущественномъ наймѣ: тамъ плата впередъ, здѣсь по исполненіи договора. Чьи же интересы въ данномъ случаѣ охраняются? По ст. 411, въ случаѣ болѣзни наняшагося, наниматель обязанъ предоставить ему уходъ и врачебную помощь, только разъ договоръ заключенъ на срокъ не менѣе *трехъ* мѣсяцевъ. Оговорка о срокѣ не менѣе 3-хъ мѣсяцевъ прибавлена не въ пользу стороны слабѣйшей. По ст. 412, если наниматель по своей винѣ или вслѣдствіе случайнаго событія не былъ въ состояніи воспользоваться услугами наняшагося, то обязанъ уплатить наемную плату по срокѣ найма, *но во всякомъ случаѣ не болѣе, чѣмъ за 6 мѣсяцевъ*. Эта оговорка о 6 мѣсяцахъ, появляющаяся совершенно внезапно въ статьѣ, ничѣмъ не мотивирована и идетъ въ разрѣзъ съ нашей кассац. практикой, обязывающей къ уплатѣ „за все время“.

Тотъ же характеръ защиты интересовъ нанимателя носить и раздѣлъ о наймѣ домашней прислуги. Ст. 428 налагаетъ на прислугу обязанность исполнять работу другой прислуги въ случаяхъ болѣзни послѣдней, отлучки или иной подобной причины. Между тѣмъ статья рѣшительно ничего не говоритъ о соответствующей за это платѣ. По ст. 435 прислуга послѣ смерти нанимателя по требованію наслѣдниковъ послѣдняго обязана оставаться въ теченіе 2-хъ недѣль. Если подобное положеніе и имѣетъ свое основаніе, то почему нѣтъ обратнаго положенія, что наслѣдники не имѣютъ права въ свою очередь немедленно прогнать прислугу умершаго. Въ ст. 430 говорится: „прислуга обязана почтительно относиться къ хозяину, членамъ его семьи и лицамъ, которымъ хозяинъ ввѣрилъ надзоръ за прислугою. Въ отношеніи посѣщающихъ хозяина лицъ прислуга обязана соблюдать вѣжливость и услужливость“. Подобная статья въ современномъ проектѣ должна быть признана курьезомъ.

Не лучше обстоитъ дѣло и въ главахъ о подрядѣ поставкѣ, довѣренности. Ст. 457 говоритъ, что, если вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ, которыя не

могли быть предвидѣны при заключеніи договора о возведеніи *дорого стоящихъ сооружений*, произойдетъ повышеніе въ цѣнахъ на матеріалъ или рабочія руки, то подрядчикъ имѣетъ право просить судъ объ увеличеніи подрядной цѣны. Подобной статьи нѣтъ ни въ одномъ изъ западно-европейскихъ законовъ и она не имѣетъ для себя оправданія. Но если она должна остаться въ нашемъ будущемъ кодексѣ, то невольно возникаетъ вопросъ, почему ея защищаются только подрядчики, „возводящіе дорого стоящія сооружения“, а не всѣ.

Правила о перевозкѣ выдѣлены проектомъ въ особую главу, при этомъ совершенно не защищены интересы перевозчиковъ.

Въ объяснительной запискѣ къ главѣ о довѣренности прямо указывается, что составителямъ проекта ближе интересы довѣрителей, а не довѣренныхъ. Результаты подобнаго отношенія проглядываютъ и въ положительныхъ опредѣленіяхъ. По ст. 535 „отказъ довѣрителя отъ права отмѣны довѣренности признается недѣйствительнымъ“. Въ соответствующей ст. 538, говорящей о повѣренныхъ, подобной добавки нѣтъ. По ст. 540, въ случаѣ смерти повѣреннаго, наследники его обязаны принять необходимыя мѣры для огражденія интересовъ довѣрителя. При этомъ однако ничего не говорится о соответствующемъ вознагражденіи.

Въ главѣ объ акціонерныхъ предприятияхъ ст. 838 указываетъ, что акціонеры, предъявившіе искъ объ отмѣнѣ общаго собранія акціонеровъ или потребовавшіе ревизіи, *обязаны по требованію товарищества обезпечить убытки*, могущіе произойти отъ подобнаго требованія. Въ случаяхъ же недобросовѣстнаго или легкомысленнаго обращенія къ суду, акціонеры отвѣчаютъ совокупно. Эта статья, ставящая акціонеровъ въ положеніе худшее, чѣмъ иностранцевъ, и карающая легкомысліе, которое беретъ подъ охрану ст. 31 проекта, должна быть изъ проекта вычеркнута.

Въ заключеніе обзорѣнія статей докладчикъ указалъ, что въ то время, какъ записка указываетъ на развращающее вліяніе игры и рекомендуетъ индифферентное отношеніе къ вытекающимъ по игрѣ отношеніямъ, проектъ въ ст. 1003 беретъ подъ свою защиту интересы выигравшихъ, такъ какъ добровольно уплаченный проигрышъ не можетъ быть требуемъ обратно.

Всѣ приведенныя положенія даютъ, по мнѣнію докладчика, категорическій отвѣтъ на вопросъ, правильно ли составители проекта охарактеризовали свою работу, говоря, что стремленіе путемъ установленія справедливыхъ началъ создать защиту слабымъ проведено яркой чертой черезъ проектъ. Отвѣтъ этотъ только отрицательный. Онъ указываетъ, что содержаніе 5-й книги совершенно не соответствуетъ тѣмъ высокимъ принципамъ, которые такъ смѣло выставлены въ предисловіи. Это недостатокъ, который не можетъ быть искупленъ тѣми положеніями, на которыя ссылаются въ предисловіи составители проекта. Да и положенія эти едва ли имѣютъ ту цѣну, которую имъ приписываютъ. О широкомъ усмотрѣніи суда совершенно неумѣстно говорить въ проектѣ матеріальнаго права, такъ какъ вопросъ этотъ всецѣло относится къ области судопроизводства. Но и тамъ должны быть поставлены

твердыя границы судейскому усмотрѣнію, иначе, будучи послѣдовательнымъ, необходимо предоставить суду всѣ средства для свободнаго отысканія матеріальной истины, т. е. возвратиться къ началамъ процесса розыскаго. Къ возмѣщенію неподлежащаго оцѣнкѣ нравственнаго вреда можно отнестись только отрицательно. Какъ оцѣнить не подлежащее оцѣнкѣ? Даже преступникъ знаетъ, что ему грозитъ, а мирный гражданинъ не будетъ знать, чѣмъ благогоразсудится судъ наказывать его за неисполненіе договора. Наконецъ и знаменитая ст. 31 имѣетъ, по мнѣнію докладчика, не здоровую сладость сахара, а отравленную сладость сахарина.

По окончаніи доклада, продолжавшагося 2½ часа, Г. Ю. Меллеръ указалъ, что, какъ ему кажется, онъ будетъ только выразителемъ общаго мнѣнія членовъ, если выскажетъ докладчику благодарность за его въ высшей степени интересный докладъ и предложитъ назначить для его обсужденія особое засѣданіе. По предложенію предсѣдателя, В. Г. Демченко, мнѣніе это было принято.

КАЗАНСКОЕ ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО.

(Отъ нашего корреспондента).

Въ субботу, 11 декабря, подъ предсѣдательствомъ проф. Шершеневича, состоялось засѣданіе юридическаго общества, въ которомъ Н. В. Рейнгартъ прочелъ рефератъ на тему „О судебной полиціи“.

Подъ именемъ судебной полиціи наука и западно-европейское законодательство разумѣютъ не особый спеціальнй органъ судебной власти, какъ это нерѣдко высказывается въ нашихъ органахъ періодической печати, а совокупность правительственныхъ органовъ, функція которыхъ заключается въ изслѣдованіи преступленій, въ собраніи доказательствъ виновности и въ предоставленіи обвиняемыхъ судебной власти. Предпославъ подробный очеркъ исторіи и современной организаціи судебной полиціи во Франціи (*police judiciaire*), референтъ обратился къ Россіи и призналъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, ея существованіе и у насъ. Въ составъ ея входятъ: 1) всѣ чины городской и уѣздной полиціи, 2) чины корпуса жандармовъ, 3) судебные слѣдователи и 4) чины прокурорскаго надзора. Существенные недостатки нашей судебной полиціи заключаются въ неполнотѣ ея организаціи и въ отсутствіи надлежащаго единства, какъ во Франціи. Функціи чинновъ жандармскихъ управленийъ могутъ быть, безъ всякаго ущерба для дѣла, переданы чинамъ прокурорскаго надзора, судебнымъ слѣдователямъ и вышнимъ чинамъ городской и уѣздной полиціи. Корпусъ жандармовъ слѣдуетъ преобразовать въ духъ французской жандармеріи, организовавъ ее въ военно-полицейскую стражу, имѣющую цѣлью защиту внутренней безопасности и охраненіе порядка силою оружія.

Противъ положеній референта выступилъ А. И. Елистратовъ. Понятіе о судебной полиціи настолько мало установилось въ наукѣ, что едва ли очерченное рефератомъ можетъ быть принято, какъ общепризнанное. Положительно невѣрна ссылка на западныя законодательства, потому что понятіе судебной

полиції свойственно законодавствамъ французскаго типа, но не Германіи или Англіи. Во всякомъ случаѣ, это учрежденіе далеко не можетъ считаться прогрессивнымъ явленіемъ. Еще Митермайеръ наблюдавшій *police judiciaire* во Франціи, относился къ ней весьма неодобрительно. Оппоненту представляется также неяснымъ, въ чемъ заключается выгода того преобразования корпуса жандармовъ, которое предлагаетъ референтъ. На это Н. В. Рейнгардтъ возразилъ, что мнѣніе Митермайера, вообще не расположеннаго къ Франціи, не можетъ имѣть большого вѣса. Напротивъ, французскіе и италіанскіе юристы очень стоятъ за свою судебную полицію. Жандармамъ онъ предлагаетъ дать тѣ функціи, какія даны недавно организованной на Кавказѣ земской стражѣ.

В. Р. Завадскій высказалъ, что, если основательны жалобы на нашъ розыскъ, то предлагаемая референтомъ мѣра не могутъ ихъ устранить. Чтобы организовать жандармерию, какъ онъ предлагаетъ, потребуются такія денежныя затраты, которыя лягутъ тяжелымъ бременемъ на населеніе, а потому ихъ услуги не будутъ стоить предупрежденныхъ ими опасностей. Наша полиція не такъ уже плоха, какъ это говорятъ. Нужно принять во вниманіе условія ея дѣятельности: огромныя пространства, разбросанное населеніе, неизбѣжное опаздываніе на мѣсто совершеннаго преступленія, нежеланіе населенія оказать содѣйствіе въ обнаруженіи преступника (за исключеніемъ конокрадства)—все это въ значительной степени оправдываетъ дѣятельность нашей полиціи.

Н. П. Пушкиновъ замѣтилъ, что если вѣрять биологической законъ, будто функціи создаютъ органъ, то онъ примѣнимъ и къ социальной жизни. Очевидно существуетъ потребность, вызывающая жандармерию въ ея современномъ видѣ. Точно также назрѣвшая потребность вызвала организацію земской стражѣ на Кавказѣ. Для преобразования повсемѣстно жандармеріи по образцу земской стражи не представляется, по видимому, никакой необходимости.

М. Л. Мандельштамъ считаетъ совершенно излишнимъ крестить однимъ именемъ учрежденія, имѣющія разныя задачи. Притомъ идея судебной полиціи—идея регрессивная и не къ чему ея увлекаться. Недостатки нашего розыска кроются въ малокультурности населенія и самихъ органовъ дознанія. Нельзя согласиться съ положеніемъ, что наша полиція удовлетворительна. Личный опытъ практиковъ, судебные отчеты, газетныя сообщенія достаточно характеризуютъ насколько дѣятельность низшихъ органовъ полиціи мало соответствуетъ началамъ судебныхъ уставовъ. Если судебные дѣятели не замѣчаютъ этого, то потому что ихъ чувства притупляются. Онъ, оппонентъ, самъ почувствовалъ это при столкновеніи со свѣжимъ челоувѣкомъ. Истязанія составляютъ самое обычное явленіе при нашемъ розыскѣ. Эта сторона требуетъ строгаго надзора. Кромѣ того, полиція, занятая совершенно несвойственно ей обязанностью взиманія недоимокъ, за что и получаетъ главныя награды, пренебрегаетъ своею обязанностью по разслѣдованію преступленій, считая это тяжелою формальностью. Противъ мнѣнія, развитаго г. Мандельштамомъ, В. Р. Завадскій высказалъ, что въ настоящемъ случаѣ дѣло не въ учре-

жденіяхъ, а въ людяхъ. Описанныя явленія представляютъ не столько недостатки нашего розыска, сколько остатокъ старины. Если низшіе органы полиціи при дознаніи добиваются непремѣнно признанія, то это психологической пережитокъ прошлаго. Это явленіе существуетъ, но слабѣетъ. И чѣмъ болѣе поднимаются культурный уровень массы и выходящихъ изъ ея среды низшихъ органовъ полиціи, тѣмъ скорѣе это зло исчезнетъ. За содѣйствіемъ нужно обращаться не къ праву, а къ образованію.

М. М. Хомяковъ сдѣлалъ упрекъ референту за то, что онъ не обратилъ вниманія на положеніе полиціи въ Англіи, гдѣ полиція справедливо считается образцовой, а сосредоточилъ свое вниманіе на Франціи. Тогда онъ увидѣлъ бы, что желательное для него преобразование имѣетъ свою исторію. Въ средніе вѣка въ рукахъ мировыхъ судей была полиція, но постепенно (реформы 1856 и 1888 гг.) отъ этого взгляда англичане отрѣшились въ виду неудобствъ. Отъ Англіи слѣдовало бы заимствовать ту гласность, которая господствуетъ на предварительномъ слѣдствіи, а, можетъ быть, и жюри при судебномъ слѣдовательствѣ.

В. В. Сергіевскій нашелъ неправильнымъ причисленіе референтомъ къ составу судебной полиціи и судебныхъ слѣдователей. Это не соответствуетъ взгляду судебныхъ уставовъ, по которому слѣдователь (но не исправляющій должность) является судьей, приглашаясь составъ суда, а его постановленіе слѣдуетъ разсматривать, какъ предварительное судебное рѣшеніе.

Референтъ возражалъ всѣмъ своимъ оппонентамъ и пренія имѣли весьма живой характеръ.

Библиографія.

Вѣстникъ Права 1899 г. № 9, ноябрь.

Въ этой книжкѣ обращаетъ на себя вниманіе превосходная статья І. А. Покровскаго „Возмѣщеніе вреда и разложеніе его. Дилеммы современнаго гражданскаго права въ области ответственности за вредъ и убытки“. Авторъ начинаетъ свой очеркъ съ указанія отличія римской точки зрѣнія, въ силу которой причинившій кому-либо ущербъ отвѣчаетъ только въ случаѣ своей вины, отъ взгляда древне-германскаго права, которое обращало вниманіе не на внутренній моментъ вины и вѣбняемости, а лишь на внѣшній моментъ наличности причинной связи. Въ средніе вѣка римскій принципъ одержалъ рѣшительную побѣду. Отъ древне-германскаго сохранились только нѣкоторые остатки. Но чувство справедливости не могло примириться съ тѣми послѣдствіями, которыя часто являлись результатомъ такой постановки вопроса, значительно обострившагося съ возникновеніемъ массы большихъ фабричныхъ и железнодорожныхъ предпріятій. Рядъ специальныхъ законовъ, правда, установилъ повышенную отвѣтственность этихъ предпріятій, но, съ одной стороны, это поколебало вѣру въ справедливость самого принципа отвѣтственности только за свою вину, а съ другой—не устранило, въ огромномъ количествѣ случаевъ, столкновенія нашего чувства справедливости съ постановленіями закона. Отсюда цѣлый рядъ попытокъ доказать несостоятельность принципа вины и замѣнить его инымъ. Съ другой стороны, лица, неблагоприятно настроенныя къ принципу вины, говоритъ І. А. Покровскій, должны были постепенно дойти до признанія того, что безусловное проведеніе въ законъ принципа причинной связи

нецѣлесообразно и нежелательно... Обладая изобрѣтательностью Марка Твена, можно было бы показать, какъ человѣкъ такимъ путемъ, выйдя изъ дома богатымъ, могъ бы вернуться домой нищимъ". Кроме того, выдвигая вмѣсто принципа вины или причиненія имущественное положеніе сторонъ, проектъ замѣнилъ юридическую норму субъективнымъ чувствомъ судьи. И если признать такой способъ рѣшенія вопросовъ хорошимъ въ одной области права, то возникаетъ вопросъ, „почему бы вообще, вмѣсто всякихъ правовыхъ нормъ, не предоставить все на усмотрѣніе судей, которые разрѣшать каждый споръ, ничѣмъ не стѣняясь, на основаніи соображеній справедливости и имущественнаго положенія сторонъ". Невозможно, однако, ограничиться и принципомъ вины. Расширеніе отвѣтственности за эти предѣлы необходимо, но „каждое расширеніе отвѣтственности за предѣлами вины нуждается въ специальныхъ постановленіяхъ закона". Оно „служитъ лишь средствомъ для достиженія извѣстныхъ общественныхъ результатовъ, однимъ изъ многихъ средствъ соціальной политики". Не останавливаясь на всѣхъ случаяхъ такой расширенной отвѣтственности, авторъ касается лишь одного, именно отвѣтственности лицъ невмѣняемыхъ.

Расширенная отвѣтственность этихъ лицъ говоритъ авторъ, „является ничѣмъ не оправдываемымъ *privilegium odiosum* для лицъ невмѣняемыхъ по сравненію съ лицами взрослыми и здоровыми". Чувство неудовлетворенности проявляется особенно властно, когда убытокъ нанесенъ лицу, которому вслѣдствіе этого грозитъ нищета, а можетъ быть и голодная смерть. Отсюда стремленіе привлечь къ отвѣтственности вѣншаго виновника происшедшаго несчастія, особенно если онъ оказывается лицомъ состоятельнымъ. Но „случайный вредъ, т. е. вредъ, который никому не можетъ быть поставленъ въ вину, можетъ быть не возмѣщенъ, но только разложенъ. За предѣлами вины (съ тѣмъ расширеніемъ ихъ, о которомъ было сказано выше), можетъ быть рѣчь не о взысканіи вреда, а лишь о взаимномъ страхованіи отъ всегда возможныхъ несчастій, т. е. о разложеніи ихъ имущественной стороны на группы одинаковыхъ интересентовъ". Разрѣшеніе этой задачи, справедливо замѣчаетъ авторъ, „принадлежитъ не гражданскому, но публичному праву, и гражданскіе кодексы настоящаго времени лишь отвѣчаютъ за чужой грѣхъ, искушить который они совершенно не въ состояніи".

Статья В. М. Гессена „объ обязательномъ обученіи"—рефератъ, доложенный въ засѣданіи С.-Петербургскаго юр. общества 23 октября (см. „Право" № 44, 2106—2111).

М. А. Рейснеръ въ статьѣ „Право свободного исповѣданія" исходитъ изъ той мысли, что это право среди всѣхъ такъ называемыхъ естественныхъ правъ человѣка и гражданина занимаетъ совершенно особое мѣсто, оно есть вмѣстѣ съ тѣмъ и нравственный долгъ. Въ понятіе религіозной свободы входитъ, кроме свободы исповѣданія, еще свобода публичнаго культа, первая принадлежитъ къ правамъ личности, вторая къ правамъ общества или корпорацій.

Н. Н. Розинъ въ статьѣ „О согласіи пострадавшаго" указываетъ, что „какъ ни стара исторія вопроса о согласіи пострадавшаго, къ какому единодушному рѣшенію ни приходитъ современная литература, — всегда остаются детали, по поводу коихъ нѣтъ единодушія, которыя не входятъ въ рамки установленнаго общаго критерія". Это обстоятельство возбуждаетъ въ авторѣ сомнѣніе въ правильности критерія; онъ спрашиваетъ, „достойно ли юридической науки, вождемъ и руководителемъ коей всегда должно быть положительное право, принять такой критерій и считать дѣло навсегда поконченнымъ". Отвѣчая на поставленный вопросъ, авторъ вкратцѣ

обозрѣваетъ исторію возрѣній уголовно-юридической литературы на значеніе согласія пострадавшаго и замѣчаетъ, что въ настоящую пору господствующимъ является теченіе, исходящее изъ существа преступленія и рѣшающее вопросъ о согласіи на почвѣ различія нарушаемыхъ преступленіемъ нормъ. При этомъ, авторъ усматриваетъ двѣ группы писателей, держащихся указанного направленія: одна „какъ бы еще не вполне свободная отъ вліянія апріорныхъ теченій, господствующихъ въ предшествующей литературѣ, выдвигаетъ общіе принципы, добываемые ею изъ понятія преступнаго дѣянія, и лишь примѣнительно къ нимъ толкуетъ положительное право". Къ другой группѣ относятся писатели, переносящіе весь вопросъ въ особенную часть и ищущие его рѣшенія „во всей совокупности даннаго состава... и даже во всей совокупности извѣстной группы законовъ". Первое направленіе, по мнѣнію автора, смѣшиваетъ положенія *de lege ferenda* и *de lege lata*, оно даетъ не „анализъ нормъ положительнаго права, а собственныя, лишь болѣе или менѣе гармонирующія съ понятіемъ права измышленія". Между тѣмъ, только тотъ способъ рѣшенія вопроса былъ бы вполне юридическимъ, который вытекалъ бы изъ анализа положительнаго права. Обращаясь къ такому анализу, разсмотрѣвъ значеніе согласія при различныхъ преступленіяхъ, авторъ приходитъ къ результатамъ, которые, какъ онъ самъ говоритъ, не расходятся съ господствующей теоріей; авторъ объясняетъ это тѣмъ, что „несмотря на постановку общаго принципа, она (теорія) отсылаетъ къ положительному праву. Но для человѣка непредубѣжденнаго ясно, что положит. право далеко не всегда гармонируетъ съ указаннымъ общимъ принципомъ теоріи".

Въ статьѣ „Рабочій договоръ", еще не оконченной, І. М. Кулишеръ, прежде чѣмъ обратиться къ особенностямъ разсматриваемаго имъ договора, представляетъ рядъ общихъ положеній. Онъ находитъ, что фабрика не произвела кореннаго переворота въ положеніи рабочаго, что, даже напротивъ, „быстрый ростъ крупной промышленности далъ возможность осуществить назрѣвшія нужды, доставилъ тѣ матеріальныя средства, которыя необходимы для успѣшной дѣятельности на этомъ поприщѣ". Въ поясненіе этого авторъ прибавляетъ, что „фабрикантъ въ состояніи удѣлить часть прибыли, достигаемой(?) благодаря усовершенствованному способу производства въ пользу рабочаго". Этому „состоянію" не вполне однако соответствуетъ дѣйствительное положеніе дѣлъ, рисуемое въ статьѣ. Мы узнаемъ, что появленіе крупной промышленности сопровождалось провозглашеніемъ теоріи *laissez faire*, установившей полнѣйшую зависимость рабочаго отъ фабриканта, крайне низкой (фактической!) заработной платой, невозможнo (!) длиннымъ рабочимъ днемъ, *совершеннымъ* (!) оторваніемъ женщинъ и дѣтей отъ семьи и домашнихъ занятій, признакомъ вырожденія (!) рабочаго класса и т. д.—Съ другой стороны—точно также оказывается, что оградить себя отъ произвола работодателя возможно путемъ сильныхъ рабочихъ ассоціацій „послѣ продолжительной и упорной борьбы, требующей значительнаго напряженія силъ и многихъ жертвъ" или же, „что болѣе желательно, регулированіемъ условий труда со стороны государствъ", а объ удѣленіи рабочимъ части повышенной прибыли уже не упоминается. Главная задача автора и заключается въ изложеніи тѣхъ мѣръ, которыя принимаются государствомъ съ цѣлью урегулированія труда, а именно: устраненіе опасностей, угрожающихъ жизни и здоровью рабочаго, нормированіе рабочаго дня, порядка выдачи заработной платы и т. д.

Въ юридическомъ обзорѣніи г. Д. Л. посвящаетъ замѣтку „Проекту правилъ о разрѣшеніи раздѣльнаго жительства супруговъ". На основаніи данныхъ, содержащихся въ обширной запискѣ къ про-

екту, авторъ приходитъ къ выводу о совершенной недостаточности принятаго у насъ негласнаго и вѣдѣннаго порядка разрѣшенія семейныхъ дѣлъ. Она обусловливается уже одною его недоступностью и даже неизвѣстностью для большей части Россіи; почти исключительно одни только столичные города пользуются услугами этой экстраординарной защиты, оказываемой иногда истязуемымъ женамъ, а во всей остальной матушкѣ Россіи приходится на всякіе случаи злоупотребленія мужней властью махать рукой съ фаталистическимъ отчаяніемъ: до Бога высоко, до Царя далеко. Затѣмъ, самый способъ канцелярскаго разрѣшенія дѣлъ по письменнымъ ходатайствамъ и заочнымъ дознаніямъ,—заочнымъ для тѣхъ, кому приходится постановлять приговоръ по этимъ дѣламъ, настолько же затрудняетъ выясненіе дѣла, насколько способствуетъ чисто вѣншему, формальному къ нему отношенію. Но самый существенный недостатокъ, который остался бы въ полной силѣ, если бы даже все прочее были устранены, заключается здѣсь въ томъ, что въ разсматриваемомъ порядкѣ семейнаго дѣла могутъ разрѣшаться только на половину, поскольку въ нихъ затронуваются личные права женъ и дѣтей, ихъ личная безопасность, но въ отношеніи имущественной стороны дѣла, матеріальнаго обезпеченія освобожденныхъ отъ семейнаго гнета, административный порядокъ безсиленъ и вынужденъ отсылать заинтересованныхъ лицъ къ суду.

„Проектъ редакціонной комиссіи отличается крайнею умѣренностью и скромностью преобразовательнаго почина. Онъ съ величайшею, бережною почтительностью относится къ началамъ дѣйствующаго брачнаго права, старательно обходя или устраняя съ своего пути все, что хотя бы отдаленнымъ и косвеннымъ образомъ могло быть принято за ограниченіе силы этихъ началъ. Въ сущности, было бы даже неосновательно сопоставлять настоящий проектъ съ тѣми формами, которыя даны институту разлученія супруговъ въ другихъ законодательныхъ актахъ. Тѣмъ не менѣе уже по одному тому, что семейныя дѣла подчиняются судебному порядку, наиболѣе доступному и внушающему наиболѣе довѣрія гарантирующему все необходимые условия разсѣданія такого рода дѣлъ—безпристрастіе и справедливость, житейскій тактъ и скромность въ отношеніи тайнъ чужой жизни,—уже по этому одному проектъ приобретаетъ огромное значеніе для нашей дѣйствительности. Многія тысячи людей ждутъ вѣсти о его законодательномъ утвержденіи, какъ настоящей вѣсти избавленія.

Тотъ же авторъ въ слѣдующей замѣткѣ сообщаетъ исторію столь неожиданно закрытаго дѣломъ Московскаго юридическаго общества, отмѣчая многочисленныя заслуги его предъ русской юриспруденціей. Организация перваго (и пока единственнаго) съѣзда юристовъ въ 1875 г., который былъ крупнымъ явленіемъ не только въ жизни Московскаго юридическаго, но всего русскаго общества; разработка и тщательное обсужденіе законопроектовъ, объединеніе земской статистики, масса докладовъ по разнообразнымъ вопросамъ науки и юридической практики—все это даетъ автору право сказать, что Московское юридическое общество, съ его обширной компетентностью по вопросамъ науки и законодательства, съ его живыми общественными влеченіями, могло бы сослужить огромную службу всему русскому обществу именно теперь, въ настоящій кодификаціонный періодъ, когда на очереди стоятъ крупнѣйшія задачи изъ всѣхъ, какія когда-либо предлежали у насъ законодательному творчеству. Прекращеніе дѣятельности Московскаго юридическаго общества является незамѣнимой утратой для русской юриспруденціи.

СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА.

IV Отдѣленіе уголовного касс. департамента Пр. Сената.

(Авторское право на фотографіи. Регистрація. Ст. 29 и 35 прил. къ ст. 420 (прим.) т. X ч. I).

Указъ 11 ноября 1899 г. № 8695.

По частной жалобѣ мѣшанина Д. былъ привлеченъ къ отвѣтственности по суду купецъ С., по обвиненію въ томъ, что, зная, что 16 номеровъ видовъ Нижняго-Новгорода, снятыхъ посредствомъ фотографіи, составляютъ художественную собственность другого лица, перепечаталъ безъ надлежащаго уполномочія, путемъ фототипіи, точныя съ нихъ копіи, въ уменьшенномъ видѣ, и издалъ ихъ особымъ альбомомъ подъ названіемъ „виды Нижняго-Новгорода и ярмарки“, т. е. въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1684 ст. улож. о нак.

Московский окружный судъ и судебная палата признали С. по суду оправданнымъ.

По жалобѣ частнаго обвинителя дѣло перешло на разсмотрѣніе Пр. Сената, который нашелъ 1) что право художественной собственности состоитъ въ исключительномъ правѣ повторять, издавать и размножать всѣми возможными способами свое произведеніе, но для того, чтобы исполнѣ воспользоваться правомъ этой собственности художникъ долженъ въ отвращеніе подлоговъ и процессовъ, согласно ст. 29 прилож. къ ст. 420 (примѣч.) X т. 1 ч., предъявить и записать свое произведеніе у нотариуса или маклера съ описаніемъ сюжета и взявъ выписку со скрѣпою въ доказательство того, что право художественной собственности на предъявленное произведеніе принадлежитъ ему, и извѣстить о семъ академику художествъ, которая дѣлаетъ установленную публикацію въ вѣдомостяхъ, послѣ чего право художественной собственности утверждается за художникомъ положительно; 2) что доколѣ художникъ не укрѣпляетъ за собою указаннымъ выше порядкомъ исключительнаго права художественной собственности на свое произведеніе, онъ въ виду 35 ст. того же приложенія не можетъ осуществлять своего права и возбуждать преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ за контрафакцію; 3) что палата согласно сему правильно отказала въ примѣненіи къ 1684 ст. улож. о нак. за изданіе въ фототипіяхъ 16 видовъ г. Нижняго-Новгорода, снятыхъ съ натуры Д. при помощи фотографіи, такъ какъ Д. не соблюлъ установленной закономъ формы заявкіи и регистраціи своего права художественной собственности на означенныя выше фотографіи видовъ Нижняго-Новгорода.

Посему Пр. Сенатъ оставилъ жалобу Дмитріева, за силою 912 ст. уст. угол. суд., оставитъ безъ послѣдствій.

Настоящее рѣшеніе представляется намъ совершенно согласнымъ съ точнымъ смысломъ закона. Хотя приложеніе къ ст. 420 т. X ч. 1 и не упоминаетъ о фотографіяхъ, какъ объектѣ авторскаго права,—однако эти послѣднія несомнѣнно должны быть отнесены къ числу *художественныхъ* произведеній, имѣющихъ право на защиту закона. Противоположный взглядъ шелъ бы совершенно въ разрѣзъ съ жизнью, такъ какъ фотографія уже давно перешла ту ступень младенческаго развитія, когда она имѣла единственную цѣль: воспроизводить, въ болѣе или менѣе приукрашенномъ видѣ, черты лицъ никому неизвѣстныхъ индивидовъ. Въ настоящее время лучшіе любители фотографіи даютъ намъ нерѣдко совершенно выдающіеся эскизы ландшафтной и жанровой фотографіи: доказательствомъ могутъ служить хотя бы тѣ конкурсы, которые устраиваетъ The Studio. Такой взглядъ на фотографію проводится

во всѣхъ европейскихъ законодательствахъ, въ новомъ русскомъ проектѣ и—отчасти—также и въ т. X ч. 1, упоминающемъ, въ ст. 1185, о наслѣдованіи въ актерскомъ правѣ на фотографіи.

Не менѣе правильнымъ кажется намъ и второе положеніе, установленное Пр. Сенатомъ,—а именно, что фотографіи, если считать ихъ произведеніями искусства, могутъ имѣть право на защиту только въ томъ случаѣ, если по отношенію къ нимъ будутъ исполнены всѣ формальности регистраціи и публикаціи, предписанныя для всякой художественной собственности въ ст. 29 прил. къ ст. 420 т. X. ч. 1. Намъ кажется, что для фотографій установленіе такихъ формальностей является даже особенно желательнымъ, гораздо болѣе желательнымъ, чѣмъ для всѣхъ другихъ видовъ художественныхъ произведеній: фотографій художественныхъ пока еще тонуть въ океанѣ ремесленныхъ, да и самое желаніе фотографа пользоваться защитой—при современномъ положеніи дѣла—не можетъ быть презириуемо такъ, какъ это возможно для статьи, картины или гравюры. Поэтому, даже въ томъ случаѣ, если бы—*de lege ferenda*—остальные художественныя произведенія были освобождены отъ регистраціи, всетаки для фотографій такая регистрація представлялась бы весьма желательною. Что же касается *legis latae*, то никакии сомнѣній нашъ законъ не возбуждаетъ, и ст. 29 совершенно правильно примѣнена въ данномъ случаѣ Пр. Сенатомъ.

Въ заключеніе, мы считаемъ необходимымъ обратить вниманіе еще на одинъ пунктъ, а именно на слова указа: „доколѣ художникъ не укрѣпляетъ за собою права художественной собственности на свое произведеніе—онъ... не можетъ осуществлять своего права и возбуждать преслѣдованіе въ уголовномъ порядкѣ“.—Во Франціи, судебная практика единогласно признаетъ, что регистрація (*dépot*) необходима только для вчиненія иска или уголовного преслѣдованія, и что, слѣдовательно, судъ можетъ наказать за контрафакцію, совершенную до регистраціи. Подчеркнутыя слова указа, какъ будто бы, дозволяютъ предполагать, что и Пр. Сенатъ также считаетъ, что отсутствіе регистраціи не уничтожаетъ состава контрафакціи, но только препятствуетъ вчиненію иска. Мы думаемъ, однако, что такое толкованіе было бы неправильнымъ, въ виду начальныхъ словъ ст. 29.

Судебный департаментъ Пр. Сената.

(Подсудность коммерческимъ судамъ исковъ о страховомъ вознагражденіи).

Крестьянинъ П. предъявилъ въ С.-Петербургскомъ коммерч. судѣ искъ къ страховому обществу Р. о выдачѣ страхового вознагражденія за сгорѣвшія лавки истца, принятыя на страхъ общества. Отвѣчикъ предъявилъ отводъ о неподсудности этого дѣла коммерч. суду, но судъ оставилъ заявленный отводъ безъ послѣдствій.

По жалобѣ отвѣчика дѣло перешло въ судебный департаментъ Пр. Сената, который нашель, что ст. 45 уст. суд. тор. (XII т. 2 ч.) гласитъ: „къ разряду спорныхъ дѣлъ по обязательствамъ и договорамъ торговлѣ свойственнымъ принадлежать...“ Буквальный текстъ этой статьи (къ разряду... принадлежать) въ особенности въ связи съ основнымъ положеніемъ, высказаннымъ въ томъ же раздѣлѣ уст. суд. тор. (въ ст. 42), что къ вѣдомству комм. суда принадлежать „всѣ споры и иски по договорамъ и обязательствамъ словесныхъ и письменныхъ торговлѣ свойственнымъ...“, приводитъ къ несомнѣнному выводу, что ст. 45 не имѣетъ вовсе исчерпывающаго значенія, какъ то было разъяснено и Пр. Сенатомъ (опред. по дѣлу Гордона 20 февраля 1876 г.); это заключеніе

находитъ подтвержденіе и въ самомъ характерѣ торгового оборота; при подвижности его нельзя разъ на всегда установить и перечислить всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ. Такимъ образомъ въ ст. 45 указаны не всѣ дѣла по договорамъ и обязательствамъ, „торговлѣ свойственнымъ“, а лишь тѣ, которыя подсудны комм. суду независимо отъ того, кто принимаетъ въ нихъ участіе и совершаются ли лежащіе въ основаніи ихъ договоры въ видѣ единичной сдѣлки или промысла. Изъ этого слѣдуетъ, что комм. суду подсудны дѣла не только по указанному въ п. 5 ст. 45 уст. суд. торг. морскому страхованію, но вопреки мнѣнію жалобщика и дѣла по всякаго рода страхованію, если будетъ установлена наличность признаковъ, дающихъ возможность признать эти дѣла подсудными по общему основанію комм. судамъ и если при томъ въ специальномъ законѣ не содержится особыхъ по сему предмету изъятій. Указаніе жалобщика на то, что въ § 64 уст. общества определена подсудность всѣхъ исковъ къ обществу общимъ судебнымъ мѣстамъ а не комм. судамъ—не вѣрно, ибо въ § 64 уст. стр. общества значится, что иски, предъявляемые къ обществу, должны разрѣшаться „общимъ судебнымъ порядкомъ“, но нѣтъ вовсе опредѣленія о подсудности этихъ исковъ общимъ судебнымъ установленіямъ, а не комм. судамъ, въ которыхъ равнымъ образомъ производятся дѣла общимъ судебнымъ порядкомъ. Такимъ образомъ, вопросъ о подсудности иска къ обществу комм. суду или общимъ судамъ сводится лишь къ разрѣшенію вопроса о томъ, существуютъ ли въ настоящемъ дѣлѣ общіе признаки, которые даютъ возможность признать это дѣло, согласно 42 и слѣд. ст. уст. суд. торг., подсуднымъ комм. суду или нѣтъ. Обращаясь къ обсужденію этого вопроса, Пр. Сенатъ находитъ, что по закону (ст. 42—45 уст. суд. торг.) къ вѣдомству комм. судовъ относятся, кромѣ дѣлъ по векселямъ и о торговой несостоятельности, споры и иски по торговымъ оборотамъ и спорныя дѣла по всякаго рода договорамъ и обязательствамъ, торговлѣ свойственнымъ; подъ торговыми же оборотами, согласно неоднократнымъ разъясненіямъ Пр. Сената, слѣдуетъ разумѣть: а) торговлю въ тѣсномъ смыслѣ. б) всякія дѣйствія, направленныя къ содѣйствію торговлѣ и в) исполненіе такого рода дѣйствій, которыя по предмету своему хотя и не являются безусловно торговыми, но становятся таковыми вслѣдствіе того, что производятся въ видѣ промысла. Примѣняя эти положенія къ настоящему дѣлу, Пр. Сенатъ находитъ: 1) что искъ П. къ обществу состоитъ въ требованіи 1,100 руб. страховой суммы за принадлежащую ему, застрахованную въ обществѣ и сгорѣвшую 21 марта 1898 г. лавку; 2) что такимъ образомъ основаніемъ этого иска является сдѣлка (страхованіе лавки), заключенная между торговцемъ—съ цѣлью предохранить отъ риска несчастныхъ случайностей свое торговое помѣщеніе—и страховымъ обществомъ, которое принимаетъ на страхъ имущество въ видѣ промысла и съ цѣлью извлеченія изъ этой операціи выгоды, вслѣдствіе чего страховыя предпріятія, какъ предпріятія торговыя и подлежатъ по ст. 1 пол. гусуд. пром. нал. (собр. узак. и расп. прав. № 76) промысловому налогу, 3) что при такомъ положеніи дѣла, настоящая сдѣлка является торговою въ отношеніи обоихъ контрагентовъ и за симъ основанный на ней искъ П. къ обществу въ суммѣ 1,100 руб. за силою 42 ст. уст. суд. торг. правильно признанъ Спб. комм. судомъ себѣ подсуднымъ по роду дѣла. По симъ соображеніямъ, не усматривая законнаго повода къ отмѣнѣ обжалованнаго обществомъ опредѣленія Спб. комм. суда отъ 13 іюля 1899 г., Пр. Сенатъ *опредѣляетъ*: частную въ семъ дѣлѣ жалобу страхового общества оставить безъ послѣдствій.

При этомъ № годовымъ подписчикамъ разсылаются 10 и 11 листы собранія узаконеній и распоряж. Правительствующаго Сената за 1899 г.

Редакторы-издатели: Приватъ-доцентъ В. М. Гессенъ.

Типографія Спб. акц. общ. печ. дѣла въ Россіи Е. Евдокимовъ. Троицкая ул., 18.

Н. И. Лазаревскій.

О ПОДПИСКѢ НА „ВѢСТНИКЪ ПРАВА“

Журналъ С.-Петербургскаго Юридическаго Общества.

«Вѣстникъ Права» будетъ выходить въ 1900 г. подъ редакцію Г. В. Слюзберга въ томъ же объемѣ и въ той же программѣ, какъ въ 1899 году.

Вѣстникъ Права стремится дать читателямъ теоретическій и фактическій матеріалъ по всемъ отраслямъ права, по вопросамъ текущей законодательной, судебной и административной практики.

Въ 1900 г. въ приложеніи къ Вѣстнику Права будетъ печататься (до 4 листовъ въ каждой книгѣ) новое переработанное и дополненное авторомъ изданіе ставшаго давно библиографическою рѣдкостью сочиненія извѣстнаго цивилиста, заслуженнаго профессора И. Энгельмана «О давности по русскому гражданскому праву»; книга не выпущена будетъ въ продажу до окончанія печатанія ея въ «Вѣстникъ Права», въ теченіи 1900 года.

По опубликованіи выработанныхъ Коммиссіею по пересмотру законоположеній по судебной части проектовъ таковыя будутъ печатаемы въ приложеніяхъ къ Вѣстнику Права.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	На годъ	По полугодіямъ.	
		Январь.	Іюнь.
Въ С.-Петербургѣ безъ доставки	8 р. — к.	4 р. — к.	4 р. — к.
» » съ доставкою	8 » 50 »	4 » 50 »	4 » — »
» другихъ городахъ съ доставкою	9 » — »	5 » — »	4 » — »
За границей	12 » — »	7 » — »	5 » — »

Съ приложеніемъ Сборника рѣшеній Кассационныхъ Департаментовъ и Общаго Собранія Сената, въ официальномъ изданіи, рассылаемаго подписчикамъ немедленно по выходѣ листовъ изъ Сенатской типографіи (въ распоряженіи редакціи имѣется 500 экземпляровъ): за журналъ съ сборникомъ, съ доставкою въ С.-Петербургѣ и пересылкою въ другіе города—13 р., или по полугодіямъ—въ январѣ 8 р. и въ іюнѣ 5 р.

Подписка принимается въ главной конторѣ «Вѣстника Права», въ книжномъ складѣ М. М. Стасюлевича, С.-Петербургѣ, Васильевскій Островъ, 5 линія, д. 28.

Адресъ редакціи: Спб., Малая Итальянская, 47.

Редакторъ Г. В. СЛЮЗБЕРГЪ.

Открыта подписка на 1900 годъ НА ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

„ВОЛЫНЬ“

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На 12 мѣс.	6 руб.	На 3 мѣс.	1 р. 50 к
На 6 мѣс.	3 руб.	На 2 мѣс.	1 р. 10 к
На 4 мѣс.	2 руб.	Помѣсячно	— р. 60 к

РОЗНИЧНАЯ ПРОДАЖА №№ ПО 5 КОП.

Подписка принимается въ г. Житомирѣ, въ главной конторѣ редакціи, по Большой Бердичевской улицѣ, въ Архіерейскомъ домѣ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку газеты лишь въ томъ случаѣ, если подписка принята въ главной конторѣ.

Контора газеты открыта ежедневно, за исключеніемъ дней праздничныхъ, отъ 9 час. утра до 6 час. пополудни.

Редакторъ-издатель Г. И. Коровицкій.

Открыта подписка на 1900 годъ

„СУДЕБНЫЯ ДРАМЫ“

„Здѣсь одна правда, дѣйствительность во всей своей подчасъ неприглядной наготѣ“.

(ТРЕТІЙ ГОДЪ).

12 книгъ въ годъ съ пересылкой 4 руб.

Разсрочка только черезъ контору: при подпискѣ 2 р., въ апрѣлѣ и августѣ по 1 р.

Контора редакціи—МОСКВА, Остоженка, Савеловскій пер., д. Снегиревой.

Журналъ по прежнему будетъ помѣщать: Замѣчательные и загадочные процессы и уголовныя исторіи всѣхъ странъ.—Рѣчи судебныхъ ораторовъ.—Процессы дня.—Биографіи, мемуары и автобиографіи.—Рисунки и портреты.

Редакція обращаетъ особое вниманіе на помѣщеніе русскихъ процессовъ, имѣющихъ историческое, бытовое и психологическое значеніе. Съ первыхъ книжекъ журнала начнутся печатаніемъ процессы: Клуба червонныхъ валетовъ, Скопческія дѣла, Игумена Митрофаніи.—Изъ иностранныхъ: Франкъ-Мансонство, политическіе процессы, начиная съ дѣла Людовика XVI и др.

Въ 1899 г. между прочимъ напечатано: Убийцы Генриха IV, Равальякъ, Палата пытокъ.—Процессы Беатриче Ченчи, Луи Наполеона, Дрейфуса. Рядъ судебныхъ ошибокъ. Изъ русскихъ: дѣло Овсянникова, рѣчь Жуковского. Убіство Старосельскаго, рѣчи Карабчевскаго, Миронова, Плевако. Дѣло Скитскихъ, рѣчи Карабчевскаго, Куликова, Зеленскаго. Дѣло Тальмы, рѣчи Громницкаго и Андреевскаго, и мн. др. Полные экземпляры высылаются за 4 руб. съ пер.

Оставшіеся неполные экземпляры журнала за 1898 годъ (безъ январской книжки, впрочемъ съ Февральской начаты всѣ новыя статьи) могутъ быть высылаемы за 4 руб. Тамъ напечатаны: Процессъ Зола. Единственное изданіе съ полными рѣчами Лабори и Клемансо. Тираспольскіе фанатики, отравительница Вренвилль и др. Въ приложеніи: Судебные ораторы, рѣчи Громницкаго, Лохвицкаго, Плевако, Шубинскаго. Великіе адвокаты XIX в. (биографіи съ портр.). Двойное убійство на Кисловкѣ, съ портр. студента Данилова. Убіство Комарова и проч.

Редакторъ-издатель Л. Ф. Снегиревъ.

Въ декабрѣ заканчивается **ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА** на 1900 годъ на новый безцензурный научно-общественный журналъ

„НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО“

посвященный вопросамъ государственнаго и мѣстнаго хозяйства, политической экономіи и статистикѣ.

Редакторъ-издатель проф. Л. В. Ходскій.

Журналъ будетъ выходить книжками, не менѣе 10 листовъ, ежемѣсячно, кромѣ двухъ лѣтнихъ мѣсяцевъ.

Въ журналѣ примутъ участіе профессора-экономисты и многія другія лица, компетентныя въ той или иной области экономическихъ вопросовъ.

Ближайшее постоянное участіе въ журналѣ будутъ принимать: I) по отдѣлу политической экономіи и государственнаго хозяйства—Л. В. Ходскій; II) по отдѣлу земскаго хозяйства—В. Ю. Скалонъ; III) по отдѣлу городского хозяйства—Г. И. Шрейдеръ; IV) по иностранному экономическому обзорнію—доцентъ Цюрихскаго университета I. М. Гольдштейнъ и А. А. Радцигъ; V) по отдѣлу библиографіи—д-ръ п. э. Мюнхенскаго университета В. В. Святловскій; VI) по отдѣлу статистики—А. Н. Котельниковъ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА съ доставкой и пересылкой въ предѣлахъ Имперіи за годъ 10 р., за границу—12 р. **ЛЬГОТНАЯ ПОДПИСКА:** подписавшіеся до 1-го января 1900 г. платятъ 8 р. въ годъ, за границу—10 р. Для такихъ **ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ** право льготной подписки сохраняется и на будущіе годы.

Допускается разсрочка: при подпискѣ 5-руб.; остальные деньги къ маю мѣсяцу.

Адресъ редакціи и конторы: С.-Петербургъ, ямская, 30.

Контора открыта ежедневно отъ 11 до 5 часовъ, кромѣ праздничныхъ дней.

Закончено печатаніемъ и поступила въ продажу

новая книга проф. Л. В. Ходскаго:**ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ ВЪ СВЯЗИ СЪ ФИНАНСАМИ.** 3-е переработанное изданіе 1900 г. 726 стр.